

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

4-2 (63)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 4-2 (63), 2024

Научный журнал. Издается с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
к.и.н. А.Х. Боров, д.ф.н. А.М. Готов, д.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
к.ф.н. Л.Б. Хавжокова, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

4-2 (63)

the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 4-2 (63), 2024

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*; Doctor of Philology *T.S. Bittirova*;
Candidate of History *A.H. Borov*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Candidate of Philology *L.B. Havzhokova*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Фоменко В.А.</i>	Археологические памятники Кабардино-Балкарии предскифского и скифского времени	7
<i>Кожев З.А.</i>	Бесленей: сецессия, стабилизация, место в черкесской этнополитической иерархии XVI–XVII вв.	15
<i>Тхамокова И.Х.</i>	Межэтнические контакты в городе Терки в середине XVII в.	25
<i>Варивода Н.В.</i>	Миграция восточнославянского населения на территорию северо-западного Кавказа в первой половине XIX в.	38
<i>Дзуганов Т.А.</i>	Продолжатели дела Урусбиевых: сыроварение в Нальчикском округе в начале XX в.	49

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Ошроева К.В.</i>	Натуромерные эталоны сравнения (на материале кабардино-черкесского, русского и английского языков)	56
<i>Хэжъ З.Р.</i>	Адыгэбзэм и балъкъ псэлъэкIэм иIэ фонетикэ щхьэхуэныгъэхэр	67

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Хакуашева М.А.</i>	Мотивы превращения и поисков отца в романе Н. Куека «Вино мертвых»	77
<i>Бухуров М.Ф.</i>	Сравнительный анализ мотивов и сюжетов одного предания (на примере цикла о Созарихе, сыне Куалы)	89
<i>Гергокова Л.С.</i>	Символические функции крови в карачаево-балкарских историко-героических песнях	96
<i>Гулиева Ф.Х.</i>	Вода как средство магического воздействия в карачаево-балкарских сказках	106
<i>Хагожеева Л.С.</i>	Символика волос в эпосе адыгов (на примере образа Гуашагаг)	114

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

<i>Прасолов Д.Н.</i>	Воспоминания Бетала Калмыкова о Зольском восстании 1913 г.: эволюция источника	123
----------------------	--	-----

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Fomenko V.A.</i>	Archaeological monuments of Kabardino-Balkaria of the pre-Scythian and Scythian periods	7
<i>Kozhev Z.A.</i>	Besleney: secession, stabilization, place in the Circassian ethnopolitical hierarchy of the 16–17 centuries	15
<i>Tkhamokova I.H.</i>	Interethnic contacts in the city of Terki in the middle of the 17th century	25
<i>Varivoda N.V.</i>	Migration of the East Slavic population to the territory of the North-West Caucasus in the first half of the XIX century	38
<i>Dzuganov T.A.</i>	Successors of the Urusbievs' business: cheese making in the Nalchik district at the beginning of the 20th century	49

LINGUISTICS

<i>Oshroeva K.V.</i>	Natural-dimensional standards of comparisons (based on the Kabardino-Circassian, Russian and English languages)	56
<i>Khezheva Z.R.</i>	Phonetic features of the malkin dialect of the Kabardino-Circassian Language	67

LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

<i>hakuasheva M.A.</i>	Motives of transformation and search for the father in the novel by N. Kuek «Wine of the Dead»	77
<i>Bukhurov M.F.</i>	Comparative analysis of the motives and plots of one legend (using the example of the cycle about Sozarikha, the son of Kuala)	89
<i>Gergokova L.S.</i>	Symbolic functions of blood in karachay-balkar historical-heroic songs	96
<i>Gulieva F.H.</i>	Water as a means of magical influence in karachay-balkarian fairy-tales	106
<i>Khagozheeva L.S.</i>	Hair symbolism in the Adyghe epic (using the example of the image of Guashagag)	114

HISTORICAL ARCHIVE

<i>Prasolov D.N.</i>	Betal Kalmykov's memoirs of the Zolka uprising: evolution of the source	123
----------------------	---	-----

Научная статья
УДК 902/904(470.64)
DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-7-14

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ ПРЕДСКИФСКОГО И СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Владимир Александрович Фоменко

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, fva2005@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7994-7106>

© В.А. Фоменко, 2024

Аннотация. В статье рассмотрены основные черты памятников предскифского и скифского времени, известных на территории современной Кабардино-Балкарии. Автор характеризует бытовые и погребальные древности VIII–VII вв. до н.э. и VI–IV вв. до н.э., а также каменные стелы, характерные для обоих периодов. При этом мы опираемся на более или менее изученные и введенные в широкий научный оборот памятники. Вместе с тем, в работе особое внимание обращается на малоизвестные и незаслуженно забытые современными учеными объекты культурного наследия.

В результате проведенного обзорного исследования сделан вывод о неравномерности изученности памятников предскифского и скифского времени, известных на территории нашего региона. Древности предскифской эпохи в юго-восточной и центральной частях изучены гораздо слабее северо-западной части Кабардино-Балкарии. Находки из горных районов республики, вывезенные коллекционерами в Западную Европу еще в досоветский период остаются мало востребованными материалами.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кабардино-Балкария, археологические памятники, предскифское и скифское время, поселения, могильники, каменные стелы

Для цитирования: Фоменко В.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии предскифского и скифского времени // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-2 (63). С. 7–14. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-7-14

Original article

ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF KABARDINO-BALKARIA OF THE PRE-SCYTHIAN AND SCYTHIAN PERIODS

Vladimir A. Fomenko

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, fva2005@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7994-7106>

© V.A. Fomenko, 2024

Abstract. The article examines the main features of the monuments of the pre-Scythian and Scythian times known in the territory of modern Kabardino-Balkaria. The author

consistently characterizes everyday and burial antiquities of the 8th-7th centuries BC and the 6th-4th centuries BC, as well as stone steles typical of both periods. In doing so, he relies on more or less studied and widely scientifically introduced monuments. At the same time, the work pays special attention to little-known and undeservedly forgotten by modern scientists monuments. As a result of the conducted review study, a conclusion was made about the unevenness of the study of the monuments of the pre-Scythian and Scythian times known in our region. Antiquities of the pre-Scythian era in the south-eastern and central parts have been studied much less than in the north-western part of Kabardino-Balkaria. Finds from the mountainous regions of the republic, taken by collectors to Western Europe in the pre-Soviet period, also continue to be materials in low demand.

Keywords: North Caucasus, Kabardino-Balkaria, archaeological monuments, pre-Scythian and Scythian times, settlements, burial grounds, stone steles

For citation: Fomenko V.A. Archaeological monuments of Kabardino-Balkaria of the pre-Scythian and Scythian periods. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 4-2 (63): 7–14. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-7-14

Памятники западно-кобанской (каменномогостско-березовской) культуры довольно многочисленны и десятки их выявлены и частично изучены на территории Кабардино-Балкарии (в основном в ее северо-западной части). Они перечислены и обобщены в своде составленном В.И. Козенковой [Козенкова 1989: 20–30]. Ввиду ограниченности объема статьи, мы не будем повторять эти сведения. Укажем лишь на наиболее характерные и изученные бытовые и погребальные памятники.

В ареале распространения западно-кобанской культуры известны поселения располагавшиеся на крупных курганах эпохи бронзы и на курганообразных возвышенностях. Так в сел. Залукокоаже сохранилась стоящая отдельно возвышенность Черная гора. На вершине и у подножия которой существовало поселение предскифского времени и более поздних эпох. В 1949 г. этот памятник был частично исследован экспедицией Кабардинского НИИ под руководством К.Э. Гриневича [Козенкова 1989: 30, № 52] (Рис. 1). Нижний слой датируется VIII–VII вв. до н.э.

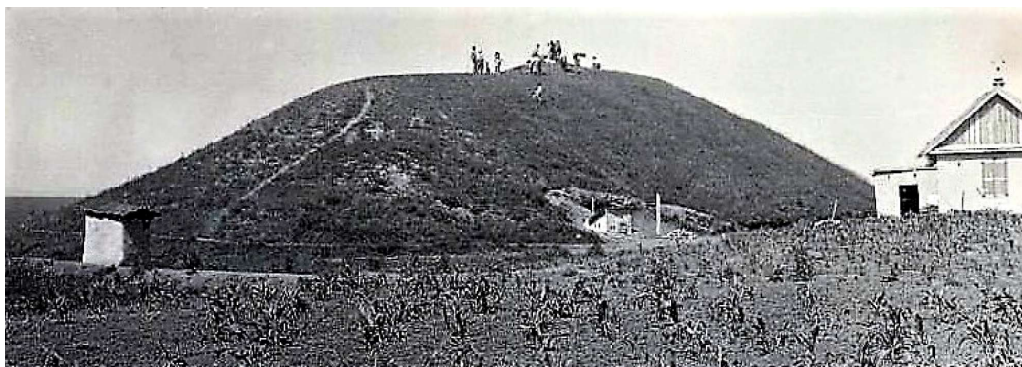

Рис. 1. Городище Черная гора в сел. Залукокоаже. Начало раскопок экспедиции К.Э. Гриневича, 1949 г.

Для населения предскифского и скифского времени характерны бескурганные погребения, но известны и погребения с небольшими насыпями [Козенкова 1989: 72, 136]. Сложность изучения западно-кобанского погребального обряда состоит в том, что невысокие и компактные каменные, каменно-земляные и земляные насыпи в основном не сохранились или почти не сохранились до наших дней. Кроме того, этот тип надгробных сооружений не всегда отличим от распространенных в этой культуре перекрытых погребений в виде навалов из каменных плит.

Типичным примером западно-кобанского могильника может служить Каменномогостский могильник предскифского и раннескифского времени. Этот памятник хорошо известен в археологической литературе. Могильное поле занимало

площадь более 2 000 кв. м. Исследованы погребения в каменных ящиках под курганами, под плоскими галечными вымостками или без наземных признаков. Работы здесь проводились с 1914 по 2009 гг. На сегодняшний день известно 77 погребений VIII–VI вв. до н. э. Советский кавказовед Е.И. Крупнов характеризовал Каменноостский могильник как представительный памятник западного или кабардино-пятигорского варианта кобанской культуры [Фоменко, Шаов 2016].

В последние годы на территории Кабардино-Балкарии также исследованы грунтовые западно-кобанские могильники у сел. Кичмалка, Заюково, Верхний и Нижний Куркужин, но материалы этих раскопок еще в недостаточной мере введены в широкий научный оборот.

Среди древностей предскифского времени в Кабардино-Балкарии известны находки каменных антропоморфных изваяний VIII–VII вв. до н.э., часто называемых оленными камнями. Эти камни-obelisks связаны с погребально-поминальной обрядностью и обычно находились на вершинах курганов. Однако в Кабардино-Пятигорье (западная часть Центрального Предкавказья) известно не менее 40 каменных изваяний этого времени, которые имеют черты так называемых киммерийских стел или оленных камней. На территории Кабардино-Балкарии они были найдены у селений Кызбурун I (современное название – Атажукино) (Рис. 2), Нижний Куркужин, Куба, у горного урочища Джылысу (Псыхушхьуэ) [Фоменко 2018].

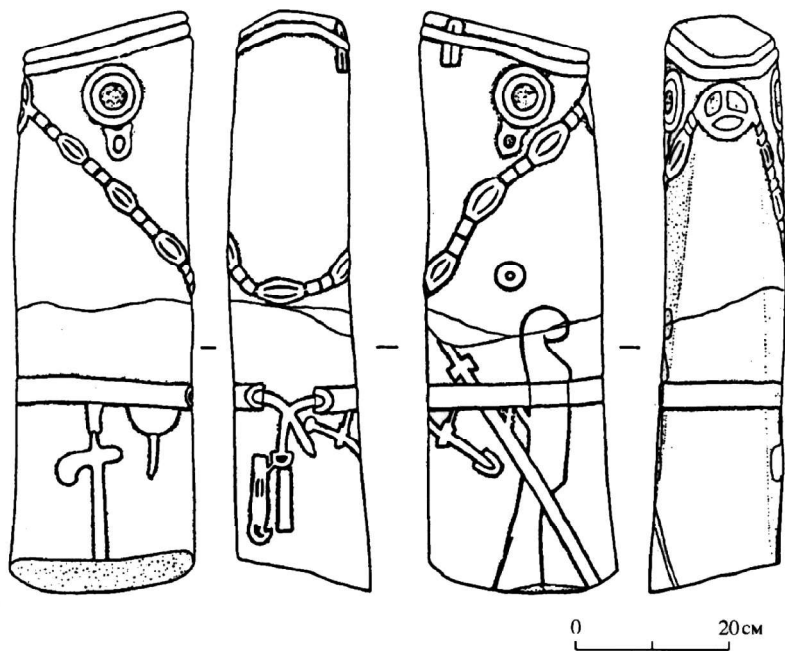

Рис. 2. Олений камень из окрестностей сел. Кызбурун I (Атажукино).

В ограбленном кладоискателями кургане у селения Нижний Куркужин, по данным С.Л. Дударева, отмечено более 30 киммерийских стел, использованных при строительстве гробницы в сарматское время [Атабиев 2000: 183–186; Дударев 2001: 27–29]. Несколько каменных изваяний и заготовок для них известно у урочища Джылысу [Фоменко 2018: 20].

Особенностью большей части изваяний VIII–VII вв. до н.э. из Кабардино-Пятигорья (многие нижнекуркужинские стелы и obelisks из Джылысу) является отсутствие на них графических изображений. Однако подобные изваяния были с некоторыми оговорками отнесены известным археологом В.С. Ольховским к предскифскому времени [Ольховский 2005: 47].

Рис. 3. Курганы могильника «Семь братьев» у селения Нижний Куркужин. Снимок автора, 2023 г.

Важно отметить, что уникальные находки камней-обелисков на территории Кабардино-Пятигорья почти не документированы и не введены в должной мере в научный оборот. Курганы Нижнекуркужинского могильника (Рис. 3) и вскрытая кладоискателями гробница, состоящая из стел VIII–VII вв. до н.э., к большому сожалению, остаются вне поля зрения археологов уже около полувека.

Характерно, что камни-обелиски из Кабардино-Пятигорья, относящиеся к предскифскому времени, часто локализуются в горных и малозаселенных районах, а также отмечены в древних погребальных конструкциях. Данный факт говорит о том, что, вероятнее всего, значительная часть стел VIII–VII вв. до н.э. в изучаемом регионе не сохранилась. Это относится, прежде всего, к территориям зон активной хозяйственной деятельности второй половины XIX–XX в. В древности плиты камней-обелисков также использовались местным населением для сооружения подземных гробниц (Нижний Куркужин и др.) [Фоменко 2018: 20–21].

Находки стел предскифского времени в других регионах Северного Кавказа, как и в целом в западных областях степей Евразии, весьма редки. По данным В.С. Ольховского, всего здесь выявлено 29 стел предскифской эпохи [Ольховский 2005: 31–48].

В Прикубанье известны три оленных камня, описанных в литературе (Армавир, Усть-Лабинск, хутор Зубовский) [Членова 1984: 6–17]. В горах Дигории недавно была найдена каменная плита без орнамента, похожая на оленный камень [Мошинский 2012]. Получается, что Кабардино-Пятигорье (точнее западная часть Кабардино-Балкарской Республики) является районом с наибольшей концентрацией камней-обелисков предскифского времени на юге Восточной Европы.

О существовании в Кабардино-Балкарии курганов предскифского времени, вероятно, свидетельствуют также находки комплектов колесничной упряжи. На территории республики известен ряд комплексов с комплектами бронзовой колесничной упряжи VIII–VII вв. до н.э. (в городе Баксан, у селения Алтуд и два комплекта без точной локализации) [Бгажноков, Фоменко 2018: 15].

Вместе с тем, на территории Кабардино-Пятигорья находки остатков собственно колесниц в погребениях пока не выявлены. Однако в Закубанье были открыты захоронения вождей с остатками колесниц предскифского времени. Очень интересны в этом отношении протомеотские погребения в курганном могильнике Уашхиту I, исследованном в Адыгее, в долине реки Фарс. Древний некрополь состоял из двух насыпей (на адыгейском Уашхиту значит два кургана).

Археологом Н.Л. Членовой в 60–80-х гг. XX в. была высказана и развивалась гипотеза о культурно-этническом единстве каменноостско-березовской и

протомеотской культур, а также об их тождественности историческим киммерийцам. Это предположение было подкреплено сходством комплексов вооружения и конской упряжи, а также распространением антропоморфных стел (оленных камней) и ряда топонимов в ареалах этих культур. Предметы вооружения, доспех и украшения, аналогичные вещам из погребений протомеотской и каменномогостско-березовской конной воинской верхушки, изображены на камнях-обелисках Северного Кавказа [Членова 1984: 17–56, 74–87].

Таким образом, наличие находок конской упряжи (в том числе колесничной) и камней-обелисков предскифского времени в Кабардино-Пятигорье и Закубанье подтверждает гипотезу, высказанную Наталией Львовной Членовой.

Рис. 4. Изваяние эпохи раннего железа у горы Тузлук в Приэльбрусье.

Важно также отметить, что находки камней-обелисков VIII–VII вв. до н.э. в горных районах Приэльбрусья (Джылысу) позволяют предполагать использование здешних высокогорных пастбищ каменномогостско-березовским населением предгорной и равнинной зон. Обилие изваяний, вероятно, свидетельствует о существовании здесь святилищ с камнями-обелисками [Фоменко 2018: 21].

Судя по хронологическим маркерам этих стел, они устанавливались в данной местности и в предскифскую эпоху, и позднее (см. например, Рис. 4). Кроме того, вблизи урочища Джылысу выявлен археоастрономический объект и следы совершения кульгово-обрядовых действий [Алексеев, Потемкина 2019], предположительно датируемые VIII–VII вв. до н.э.

В скифское время усилились процессы частичной номадизации и социального расслоения в среде местного населения Центрального Предкавказья. В Кабардино-Балкарии курганные могильники скифской эпохи исследованы у селения Нартан, Шалушка и в других местностях, но эти курганы не отличаются ни крупными размерами, ни особой роскошью, наблюдаемой в некрополях царских скифов и меотской аристократии.

Курганные могильники VI–IV вв. до н.э. на территории Кабардино-Балкарии немногочисленны. В 1969 году археологами КБНИИ был исследован курган на

могильнике Нартан II. В 1986 году на этом же могильнике археолог Б.М. Керефов раскопал еще 8 курганов. Эти материалы были опубликованы в виде книги [Керефов, Кармов 2009].

Давно известным в историографии памятником является могильник № 1 у сел. Нартан. Он был изучен в 1978–1979 гг. Памятник располагался на берегу р. Нальчик. Всего было раскопано 24 насыпи высотой от 0,3 до 2,5 м. Курганы датируются VI–V вв. до н.э., т.е. скифским временем. Квадратная либо подквадратная в плане погребальная камера находилась под центром насыпи в каждом кургане. Захоронения совершались в просторных и довольно глубоких ямах, ориентированных углами по сторонам света. В нескольких случаях в яме зафиксированы остатки деревянного сруба. В 9 курганах над погребальными ямами были выявлены каменные выкладки из 3–4 слоев камня, соответствующие очертаниям ям. Погребения были парными или одиночными. Но в 4 ямах человеческие останки не обнаружены. Возможно, эти курганы были кенотафами, но, нетрудно заметить, что почти все курганы данного могильника в разной степени были ограблены в древности. Большинство захоронений на могильнике были совершены по обряду трупоположения, а в трех курганах обнаружено проведение обряда кремации [Марченко 2015: 88–103]. Материалы Нартанского I могильника отражают процессы взаимодействия степной скифо-савроматской и местных каменноостско-березовской и кобанской культур, а также вероятное участие местных племен в походах скифов в Закавказье и на Ближний Восток [Батчаев, 1985: 19–54, 62–115]. Анализ материальной культуры Нартанских I курганов, прежде всего керамики, позволил предположить, что эта культура является прааланской, так как ее элементы сохранились в так называемой раннесредневековой аланской культуре Северного Кавказа [Березин, Виноградов 1988: 32].

В 1983 г. 2 небольших кургана скифского времени были исследованы на северо-восточной окраине города Нальчик. Эти материалы были полностью опубликованы [Керефов 1986].

Таким образом, памятники предскифского и скифского времени на территории Кабардино-Балкарии изучены неравномерно. Памятники VIII–VII вв. до н.э. в юго-восточной и центральной частях региона изучены намного слабее древностей северо-западной части Кабардино-Балкарии.

Также следует заметить, что находки из горных районов республики (например из верховий Чегема и Баксана) [Козенкова 1989: 6], вывезенные коллекционерами в Западную Европу еще в досоветский период в наши дни остаются мало востребованными материалами.

Список источников и литературы

Алексеев, Потемкина 2019 – Алексеев А.А., Потемкина Т.М. Археoaстрономический объект на горе Тузлук в Приэльбрусье (Северный Кавказ) // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*. Auburn (California): Private publishing house Harabajahian V., 2019. Vol. 7 (1). P. 24–88. DOI: 10.24411/2310-2144-2019-10002.69.

Атабиев 2000 – Атабиев Б.Х. Изваяния ранних кочевников из КабардиноБалкарии // *Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии*: сб. ст. М.: ГЕОС, 2000. С. 181–196.

Батчаев 1985 – Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг.* Нальчик, 1985. Т. 2. С. 7–115.

Бгажноков, Фоменко 2018 – Бгажноков Б.Х., Фоменко В.А. О колесницах предскифского времени населения Западного и Центрального Предкавказья // *Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований*. Нальчик, 2018. Вып. 4 (39). С. 15–21. DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-15-21.

Березин, Виноградов 1988 – *Березин Я.Б., Виноградов В.Б.* Центральное Предкавказье во второй половине I тыс. до н. э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988. С. 28–41.

Дударев 2001 – *Дударев С.Л.* К вопросу о датировке второй нижнекуркужинской стелы // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: тез. докл. межрегион. науч. конф. V Минаевские чтения. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2001. С. 27–29.

Керефов 1986 – *Керефов Б.М.* Новые погребальные комплексы скифского времени из Кабардино-Балкарии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье. Орджоникидзе: Северо-Осетинский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики при Совете Министров Северо-Осетинской АССР, 1986. С. 33–44.

Керефов, Кармов 2009 – *Керефов Б.М., Кармов Т.М.* Нартан-2. Курганный могильник скифского времени. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2009. 50 с.

Козенкова 1989 – *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант // Археология СССР. Свод археологических источников. М.: Наука, 1989. Вып. В 2–5. 196 с.

Марченко 2015 – *Марченко Ю.В.* Обряд кремации в погребениях скифского времени могильника Нартан // Археологические вести. СПб: Ин-т истории материальной культуры РАН. Вып. 21 / [гл. ред. Е.Н. Носов]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. С. 88–103.

Мошинский 2012 – *Мошинский А.П.* «Киммерийская» стела из горной Дигории // Образы времени: из истории древнего искусства. М.: Государственный исторический музей, 2012. С. 74–79.

Ольховский 2005 – *Ольховский В.С.* Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, 2005. 299 с.

Фоменко 2018 – *Фоменко В.А.* Изваяния предскифского времени из Кабардино-Пятигорья // Общество: философия, история, культура. Краснодар: Издательский дом «Хорс», 2018. № 5. С. 19–24. DOI: 10.24158/fik.2018.5.3.

Фоменко, Шаов 2016 – *Фоменко В.А., Шаов А.П.* Каменноостский могильник предскифского и скифского времени на реке Малке // Общество: философия, история, культура. Краснодар: Издательский дом «Хорс», 2016. № 8. С. 56–59.

Членова 1984 – *Членова Н.Л.* Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск: Наука, 1984. 100 с.

References

ALEKSEEV A.A., POTEKINA T.M. *Arheoastronomicheskiy objekt na gore Tuzluk v Prielbrusie (Severnyy Kavkaz)* [Archaeoastronomical object on Mount Tuzluk in the Elbrus region (North Caucasus)]. IN: Archaeoastronomy and ancient technologies. Auburn (California): Private publishing house of Harabajahian V., 2019. Vol. 7 (1). P. 24–88. DOI: 10.24411/2310-2144-2019-10002.69. (In Russian)

ATABIEV B.Kh. *Izvajaniya rannih kochevnikov iz Kabardino-Balkarii* [Sculpture of nomads from Kabardino-Balkaria]. IN: Arheologija, paleoekologija i paleodemografija Evrazii. Sb. St. [Archeology, paleoecology and paleodemography of Eurasia: collection of articles]. M.: GEOS, 2000. S. 181–196. (In Russian)

BATCHAEV V.M. *Drevnosti predskifskogo i skifskogo periodov* [Antiquities of the Pre-Scythian and Scythian Periods]. IN: Arheologicheskie issledovanija na novostrojках Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg. [Archaeological Research on New Construction Sites in Kabardino-Balkaria in 1972–1979]. Nalchik, 1985. T. 2. S. 7–115. (In Russian)

BGAZHNOKOV B.Kh., FOMENKO V.A. *O kolesnicah predskifskogo vremeni naselenija Zapadnogo i Centralnogo Predkavkazja* [On the Chariots of the Pre-Scythian Period of the Population of the Western and Central Ciscaucasia]. IN: Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovanij [Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research]. Nalchik, 2018. Vyp. 4 (39). S. 15–21. DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-15-21. (In Russian)

BEREZIN Ya.B., VINOGRADOV V.B. *Centralnoe Predkavkazie vo vtoroj polovine I tys. do n. je.* [Central Ciscaucasia at the Second Dawn of the 1st Millennium BC]. IN: Problemy sarmatskoj arheologii i istorii [Problems of Sarmatian Archeology and History]. Aзов, 1988. S. 28–41. (In Russian)

CHLENOVA N.L. *Olennye kamni kak istoricheskij istochnik (na primere olennykh kamnej Severnogo Kavkaza)* [Deer stones as a historical source (based on deer stones of the North Caucasus)]. Novosibirsk: Nauka, 1984. 100 s. (In Russian)

DUDAREV S.L. *K voprosu o datirovke vtoroj nizhnekurkuzhinskoj stely* [On the dating of the second lower Kurkuzhin stele]. IN: Severnyj Kavkaz i kochevoj mir stepej Evrazii: tez. dokl. mezhtregion. nauch. konf. V Minaevskie chtenija [The North Caucasus and the nomadic world of the Eurasian steppes: report summary of the interregional scientific conf. In the Minaeva readings]. Stavropol: Stavropolskij gosudarstvennyj universitet, 2001. S. 27–29. (In Russian)

FOMENKO V.A. *Izvajaniya predskifskogo vremeni iz Kabardino-Pjatigorja* [Sculptures of the pre-Scythian period from Kabardino-Pyatigory]. IN: Obshhestvo: filosofija, istorija, kultura [Society: philosophy, history, culture.]. Krasnodar: Izdatelskij dom «Hors», 2018. №. 5. S. 19–24. DOI: 10.24158/fik.2018.5.3. (In Russian)

FOMENKO V.A., SHAOV A.R. *Kamennomostskij mogilnik predskifskogo i skifskogo vremeni na reke Malke* [Kamennomostsky burial ground of the pre-Scythian and Scythian times on the Malka River]. IN: Obshhestvo: filosofija, istorija, kultura [Society: philosophy, history, culture]. Krasnodar: Izdatelskij dom «Hors», 2016. No. 8. P. 56–59.

KEREF OV B.M. *Novye pogrebal'nye kompleksy skifskogo vremeni iz Kabardino-Balkarii* [New burial complexes of the Scythian period from Kabardino-Balkaria]. IN: Novye materialy po arheologii Centralnogo Kavkaza v drevnosti i srednevekovie. [New materials on the archeology of the Central Caucasus in antiquity and the Middle Ages]. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskij nauchno-issledovatel'skij institut istorii, filologii i jekonomiki pri Sovete Ministrov Severo-Osetinskoj ASSR, 1986. S. 33–44. (In Russian)

KEREF OV B.M., KARMOV T.M. *Nartan-2. Kurgannyj mogil'nik skifskogo vremeni* [Nartan-2. Burial mound of the Scythian period]. Nalchik: Izdatelstvo KBNC RAN, 2009. 50 s. (In Russian)

KOZENKOVA V.I. *Kobanskaja kultura. Zapadnyj variant. Arheologija SSSR. Svod arheologicheskikh istochnikov* [Koban culture. Western variant. Archeology of the USSR. Collection of archaeological sources]. M.: Nauka, 1989. Vyp. V 2–5. 196 s. (In Russian)

MARCHENKO Yu.V. *Obrjad kremacii v pogrebenijah skifskogo vremeni mogilnika Nartan* [The cremation rite in the burials of the Scythian period of the Nartan burial ground]. IN: Arheologicheskie vesti. [Archaeological news]. SPb: In-t istorii materialnoj kul'tury RAN. Vyp. 21 / [gl. red. E.N. Nosov]. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2015. S. 88–103. (In Russian)

MOSHINSKY A.P. *«Kimmerijskaja» stela iz gornoj Digorii* [«Cimmerian» stele from mountain Digoria]. IN: Obrazy vremeni: iz istorii drevnego iskusstva [Images of time: from the history of ancient art]. M.: Gosudarstvennyj istoricheskij muzej, 2012. S. 74–79. (In Russian)

OLKHOVSKY V.S. *Monumentalnaja skulptura naselenija zapadnoj chasti evrazijskih stepej jepohi rannego zheleza* [Monumental sculpture of the population of the western part of the Eurasian steppes of the Early Iron Age]. M.: Nauka, 2005. 299 s. (In Russian)

Информация об авторе

В.А. Фоменко – кандидат исторических наук, зав. сектором древней истории и археологии.

Information about the author

V.A. Fomenko – Candidate of Science (History), Head of the Sector of Ancient History and Archaeology.

Статья поступила в редакцию 03.12.2024; одобрена после рецензирования 21.12.2024; принята к публикации 25.12.2024

The article was submitted 03.12.2024; approved after reviewing 21.12.2024; accepted for publication 25.12.2024

Научная статья

УДК 93/94(470.64)

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-15-24

**БЕСЛЕНЕЙ: СЕЦЕССИЯ, СТАБИЛИЗАЦИЯ,
МЕСТО В ЧЕРКЕССКОЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ XVI–XVII ВВ.**

Зурбек Анзорович Кожев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© З.А. Кожев, 2024

Аннотация. Бесленей сформировался в раннее новое время, как одно из феодальных владений Княжеской Черкесии. История его возникновения неразрывно связана с эволюцией удельной системы Кабарды XVI в. В ходе нескольких внутриполитических кризисов середины – 2-й половины XVI в. возникли условия для сецессии одного из кабардинских уделов, переселения в Восточное Закубанье и формирования на его базе устойчивой этнополитической единицы. Княжество получило название по имени *пши* Беслана, принадлежавшего к первому поколению Иналидов Кабарды. Сохраняя этнокультурную и политическую близость с Кабардой, Бесленей проводил активную политику расширения потенциальной базы своей фактической независимости. С этой целью бесленеевские князья Каноковы – первыми среди черкесских Иналидов, открыли московское направление во внешней политике. Русские архивные источники и данные черкесской устной традиции позволяют реконструировать события в результате и на фоне которых происходило становление Бесленей. После снижения интенсивности дипломатических связей с Русским государством, Бесленей удачно использовал династические и аталыческие связи с крымскими Гиреями, вовлеченность во внутривосточные конфликты в Кабарде и обрел устойчивое место в черкесской этнополитической иерархии XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Иналиды Кабарды, сецессия, Бесленей, Каноковы, удельная система, таксономия

Для цитирования: Кожев З.А. Бесленей: сецессия, стабилизация, место в черкесской этнополитической иерархии XVI–XVII вв. // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-2 (63). С. 15–24. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-15-24

Original article

**BESLENEY: SECESSION, STABILIZATION, PLACE
IN THE CIRCASSIAN ETHNOPOLITICAL HIERARCHY
OF THE XVI–XVII CENTURIES**

Zaurbek A. Kozhev

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© Z.A. Kozhev, 2024

Abstract. Besleney was formed in the early modern times as one of the feudal possessions of Princely Circassia. The history of its origin is inextricably linked with the evolution of the appanage system of Kabarda in the XVI-th century. During several internal political crises in the mid-2-nd half of the XVI-th century, conditions arose for the secession of one of the Kabardian fiefs, resettlement to the Eastern Trans-Kuban region and the formation of a stable ethnopolitical unit on its basis. The principality was named after the psha of Beslan, who belonged to the first generation of Inalids of Kabarda. While maintaining ethnocultural and political closeness with Kabarda, Besleney pursued an active policy of expanding the potential base of his actual independence. For this purpose, the Besleney princes Kanokovs, the first among the Circassian Inalids, opened the Moscow direction in foreign policy. Russian archival sources and data from the Circassian oral tradition allow us to reconstruct the events as a result and against the background of which the formation of Besleney took place. After reducing the intensity of diplomatic ties with the Russian state, Besleney successfully using dynastic and atalyc ties with the Crimean Gireys, involvement in internal political conflicts in Kabarda found a stable place in the Circassian ethnopolitical hierarchy of the XVI-th – XVII-th centuries.

Keywords: Inalids of Kabarda, secession, Besleney, Kanokovs, appanage system, taxonomy

For citation: Kozhev Z.A. Besleney: secession, stabilization, place in the Circassian ethnopolitical hierarchy of the 16–17 centuries. Vestnik KBIGI = KVIN Bulletin. 2024; 4-2 (63): 15–24. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-15-24

Бесленей (черкес. *Бесльэней*), как одно из феодальных владений Черкесии, а также его жители – бесленеевцы, хорошо известны русским архивным документам и письменным источникам XVI–XIX вв. [КРО 1957а: 23, 88, 93, 97, 100, 151, 221, 250, 279, 310, 384–386, 389, 390, 394, 404; КРО 1957б: 141, 142, 159, 167, 168, 325; АБКНКА 1974: 71, 158, 160, 206, 223, 236; Челеби 1979: 28, 78–79 и др.]. Первые черкесские историографы – Султан Хан-Гирей и Ш.Б.Ногмов, в своих работах зафиксировали события, связанные с историей формирования и многовековой ретроспекции Бесленея в том виде, в котором эти сюжеты отразились в устной черкесской традиции [Султан Хан-Гирей 2009: 131, 145–148; Ногмов 1994: 103–107]. В 2009 г. в свет вышел объемный сборник документов, посвященный Бесленею и его месту в этно-иерархической структуре Черкесии [Бесленей 2009]. Тем не менее, многие аспекты истории формирования Бесленея, как самостоятельной этносоциальной единицы Княжеской Черкесии, эволюции и обретения устойчивой позиции в адыгской этнотаксономии, на наш взгляд, нуждаются в углубленном изучении с комплексным использованием данных письменных источников, черкесской устной традиции, данных языкознания.

Целью данной статьи является реконструкция генезиса Бесленея в качестве феодального удела одного из Иналидов Кабарды первого поколения, исторического контекста его сецессии от восточноадыгского (*Шхьагъ*) этнического ядра и обретения устойчивого статуса крупного регионального княжества второй половины XVI–XVII вв.

Несмотря на обилие письменных источников, связанных с Бесленеем, нельзя сказать, чтобы в российской историографии сложилось строгое научное осмысление этого феномена Княжеской Черкесии. Например, во вполне академическом издании перевода на русский язык «Книги путешествия» Эвлия Челеби, осуществленном в 1979 г., можно прочесть в комментариях такое определение: «Бесней – адыгейское племя бесленей (бэсльний). Ныне бесленейцы влились в кабардинскую социалистическую нацию. Потомки их говорят на бесленейском диалекте кабардинского языка» [Челеби 1979: 220]. В этом определении адекватно передан только термин. *Бесленей*, как и *Кабарда* (*Къэбэрдей*), и другие феодальные владения Княжеской Черкесии, никогда не был племенем, т.е. этносоциальной единицей, сформировавшейся на родоплеменных началах. Термин *Бесленей* представлял из себя политоним, в основании которого лежит собственное имя верховного правителя – феодального суверена. Что касается физических

потомков жителей феодального княжества Бесленей, то они уже в XX в. в подавляющем большинстве «влились» в состав «адыгейской» (аул Уляп Республики Адыгея) и «черкесской» (аулы Бесленей, Вакожиле – Карачаево-Черкесии, Канокровский, Кургоковский – Успенского района Краснодарского края) «социалистических наций». Определение же речевой нормы, сформировавшейся в Бесленее в XVI–XIX вв., как диалекта кабардинского языка, по меньшей мере, спорно. Их очевидная близость скорее позволяет объединить кабардинский и бесленеевский в группу восточчеркесских или, если пользоваться эндонимом – верхнечеркесских (*Щхьагъ*) диалектов адыгского языка.

Впрочем, уже первые историографические опыты описания процессов сегрегации Кабарды и Бесленей отражают двойственность и противоречивость отражения данного процесса в устной традиции. Султан Хан-Гирей в своих «Записках о Черкесии» дважды специально останавливается на истории разделения двух близких локальных групп восточных (*Щхьагъ*) черкесов – в разделах «Владения Кабардинские» и «Владение Бейсленейское». В этих отрывках содержатся противоположные тезисы по истории разделения Кабарды и Бесленей:

«Князья кабардинские и бейсленейские ... суть потомки Инала ... После смерти Инала его потомки с подвластными своими разделились на две части, и одна из них осталась на прежних местах, то есть на южной стороне Кубани, и называлась Бейсленейю, а другая, гораздо сильнейшая, переселилась из южной стороны Кубани в окрестности Пятигорска (курсив наш – Ред.). Переселение это, полагают, последовало в 150 году магометанской эры, и поэтому время пребывания кабардинцев на землях, ныне им занимаемых, считают ... около 1100 лет» [Султан Хан-Гирей 2009: 131].

Дата переселения является очевидным анахронизмом, но в контексте темы нашего исследования в сюжете о разделении потомками родоначальника княжеской династии Инала единого политического субъекта, на наш взгляд, гораздо важнее определение характера миграционных процессов, в результате которого произошло территориальное и политическое размежевание исторических Кабарды и Бесленей. В разделе, посвященном описанию «Владения Бейсленейского» Султан Хан-Гирей, несколько корректирует первоначальную версию о выделении бесленеевцев из этнополитического объединения восточных (*Щхьагъ*) адыгов:

«Колено бейсленейское ... есть отрасль кабардинского поколения. Следовательно, и бейсленейцы одного с кабардинцами происхождения, чему важнейшим доказательством служит наречие, которым они говорят ... По смерти Инала, родоначальника князей кабардинских, потомки его разделились на две части, из которых одна и главнейшая (кабардинцы) переселилась из южной стороны Кубани в окрестности Пятигорска, а другая, именно бейсленейцы, остались на прежних местах жительства, то есть за Кубанью. Это предание кажется более правдоподобным, однако ж есть и другие предания, по которым полагают, что и бейсленейцы вместе с кабардинцами, составляя одно владение, перешли из-за Кубани в окрестности Пятигорска, где при разделении кабардинского поколения бесленеевцы шестую часть, или шестой удел составили, и когда первые, то есть кабардинцы, постепенно подвигались на восток, к берегам Терека, бесленейцы переселились за Кубань, на прежние места жительства (курсив наш – Ред.) [Султан Хан-Гирей 2009: 145].

Разночтениях в двух версиях сегрегации Бесленей и Кабарды, на наш взгляд, отражают смутные противоречия и споры о первородстве между различными линиями Иналидов Кабарды. С точки зрения традиционной феодальной этики было принципиально определить и локализовать метрополию, от которой отделилось политическое новообразование, претендующее на суверенный статус. Акцент на то, что «колени бейсленейское» издавна занимает «прежние места жительства», в отличие от основной массы кабардинцев, переселившихся в процессе своеобразного «обретения Родины» в бассейн Кумы и Терека, должно было подчеркнуть суверенный статус Бесленей. В случае реэмиграции Бесленей в Восточное Закубанье,

дочерний статус княжества в отношениях с Кабардой, сопрягаясь с его относительно скромными демографическими параметрами, делал уязвимым суверенный статус бесленеевских князей во взаимоотношениях с кабардинскими владельческими домами. Эта коллизия становится очевидной при рассмотрении исторического контекста сецессии Бесленея.

Благодаря родословным спискам, созданным в Московском царстве в середине XVII в., хорошо известны первые поколения Иналидов, ставшие родоначальниками кабардинских и бесленеевских князей [КРО 1957а: 383–387]. Черкесские предания, собранные Ш.Б.Ногмовым, коррелируют с данными родословной «кабардинских и черкасских мурз и князей», которым известен основатель Бесленея: «Акабгу (одно из прозвищ Инала, под которым он фигурирует в родословной, принадлежавшей А.А. Лобанову Ростовскому – *Ред.*). Акабгины дети Табулы да Беслень, и Табула остался в Каборде, а от него пошли все кабардинские и черкасские, а Беслень от него ис Каборды откочевал прочь в Беслене, там ево и род пошел в Бесленях. А у Табулы-мурзы 4 сына, первой сын Инармас, другой сын Янхот, третий сын Минбулат, четвертый сын Кирклыш» [КРО 1957а:383, 384].

Черкесская устная традиция в передаче Ш.Б.Ногмова сохранила важные детали данного события, которое благодаря этому может быть надежно датировано и реконструировано. Сецессия Бесленея в Восточное Закубанье произошла в результате масштабного внутривосточного кризиса в Княжеской Черкесии. Князь-изгой Идар Инармасов при поддержке широкой коалиции западночеркесских (*КІахэ*) владельцев, вступил в борьбу за наследственный удел и верховную власть в Кабарде с Талостаном Джанхотовым – другим внуком Табулы [Ногмов 1994: 101–107; Кожев 2020: 54–67]. Кульминацией противоборства стала Кызбурунская битва (*Къызбрун зауэ*), завершившаяся победой Идара Инармасова и гибелью в сражении его соперника. Согласно черкесским преданиям, у Идара Инармасова среди его двоюродных братьев были сторонники. Одним из них предания считают Тохтамышша Кирклышева, изгнанного Талостаном из Кабарды [Ногмов 1994: 101–103; Кожев 2020: 58]. С большой долей вероятности к числу явных симпатизантов Идара Инармасова следует отнести и «Каноко Берслановича» – будущего родоначальника бесленеевских князей. Он выехал навстречу союзному войску Идара Инармасова и изгнанного Тохтамышша Кирклышева: «Не доходя Кабарды, прибыл к нему (т.е. к Идару – *Ред.*) потомок Инала князь Каноко, чтоб совещаться с Тохтамышшем» [Ногмов 1994: 101–103].

Безоговорочная победа Идара Инармасова, гибель в Кызбурунском сражении пяти князей Иналидов, включая Талостана Джанхотова и Тохтамышша Кирклышева, переформатировала Кабардинское княжество. Условия мира, заключенного сторонами по итогам войны, во-первых, привели к возникновению в рамках Кабарды нового удела, а во-вторых, подтолкнули одну из княжеских семей к сецессии:

«По окончании переговоров и единогласного утверждения мирного трактата, войска разошлись по домам. Князь Идар вскоре после того прибыл в Кабарду и, приняв бразды правления, владел ею беспрекословно. Собственная его часть называлась Идарией ... Князь Каноко Берсланович, невзирая на трактат, уговорил отца Берслана и, избрав удобные обстоятельства, успел увести из Кабарды до 200 семейств. Он поселился с ними на реке Орпе (Уруп или черкес. *Уарп* – *Ред.*); их потомки, живущие там, называются Бесленеевцами и нынешние их князья происходят от князя Коноко, от чего их называют ныне по имени предка – Коноковыми» [Ногмов 1994: 105].

Упоминание Ш.Б.Ногмовым самого Беслана как современника описываемых событий, на наш взгляд, является явным анахронизмом. Беслан – один из младших сыновей Инала, к этому времени должен был давно умереть. В поэтических текстах, посвященных *Къызбрун зауэ* имя Беслана не упоминается, а вот Каноко Берсланов и его потомство выступают как активные участники событий:

Къанокъуэмэ и таджыр зауэгъуэмэ къахольдыкI ...
Коноко[ва] его шлем битвы [во] время среди других блеском выделяется ...

Бжьэдыгъу шухэр мачIэти, емьнэ нэфт,
Къанокъуэ нэфмэ и жылэр рильэфэкIуэжщ ...
Бжедугских всадников мало хотя, как очумелые (досл. «подобны слепой чуме» – *Ред.*)
Канокó одноглазый (досл. «слепой» – *Ред.*) своих жителей к себе отвел обратно...

Къанокъуэхэ къуэрыльху шухэр Кургъокъуэхэ ятрагъажэ.
Канокóвых внучатые [потомственные] всадники Кургоко́вых заставляют обго-
нять ... [Ногмов 2020: 55, 57]

Из поэтического текста не вполне очевидно на чьей стороне Канокó Бесланов со своим феодальным войском принял участие в сражении, но по контексту предания, в передаче Ш.Б. Ногмова, мы можем заключить, что Бесленей вероятнее всего оказался в союзе Идаром Инармасовым. В песне упоминаются Кургоковы и Докшоковы – по данным Хан-Гирея два наиболее влиятельных объединения бесленевских дворян первой трети XIX в., как активные участники битвы, правда с диаметрально противоположными коннотациями:

Кургокъуэхэ ЖэнджэриифIыри ды дзэ зэшэнымэ хэмыкI,
А Кургоко́вых Жангери доблестный наше войско водящий среди него неустан-
но находится...

...Дохъшокъуэмэ и тэгэлыер къуэрашхэмэ къейгъэлажэ,
Дохшоко его мундир (досл. тегелей или стеганный доспех – *Ред.*) [от] бурьяна
верхушек потерялся ...
[Султан Хан-Гирей 2009: 147, 148; Ногмов 2020: 55, 57]

Упоминание внуков Канокó как совершеннолетних всадников, участников битвы (...*Къанокъуэхэ къуэрыльху шухэр*), позволяет утверждать, что во время Кызбурунского сражения он был настоящим патриархом, стоящим во главе большого семейства. Что же заставило Канокó Бесланова после триумфальной победы Идара Инармасова и его союзников увести («откочевать») Бесленей – свой наследственный удел, в Восточное Закубанье, подальше от Пятигорья и долины Баксана – политического центра Кабарды? Мотивы, побудившие Канокó предпочсть сецессии станут понятны, если принять в расчет, что вся генерация Иналидов Кабарды, яростно конкурировавших за верховную власть в княжестве – Талостан Жанхотов, Идар Инармасов, Тохтамыш Кирклышев, Джилахстан Минбулатов, были его племянниками, сыновьями его двоюродных братьев [КРО 1957а: 384–387]. Иными словами, и по возрасту, и по формальному статусу представителя старшего поколения кабардинских Иналовичей, именно Канокó Бесланов имел все права на титул *тыцыхуэ*-великого князя. Но умножившееся потомство Табулы уже в первом и втором поколении фактически монополизировало право на великокняжескую власть в Кабарде. Реально оценив перспективы сосуществования со своими племянниками в рамках единого княжества, Канокó предпочел увести Бесленей на крайний запад этнического ареала Восточной (*Щхьагъ*) Черкесии – в междуречье Лабы и Урупа. Судя по черкесским преданиям это произошло практически сразу же после водворения Идара Инармасова в Кабарде, то есть в конце 30-х годов XVI в. [Ногмов 1994: 105; Кожев 2020: 67].

Определить демографические параметры Бесленей XVI–XVII вв. сложно из-за скудости источников и отсутствия точных статистических данных. По фольклорной информации Ш.Б. Ногмова, Канокó «...успел увести из Кабарды до 200 семейств» [Ногмов 1994: 105]. Эти цифры нуждаются в корректной интерпретации.

Более поздние источники, относящиеся ко второй половине XVI–XVII вв., рисуют Бесленей как не самое большое, но вполне самостоятельное княжество с мобилизационным ресурсом в несколько тысяч человек. В середине XVI в., в период политического сближения Бесленей с Русским государством, в Москву выезжали представители рода Канокых со своими служилыми уорками в таких масштабах, что русская дипломатия, в целях устрашения явно преувеличивая черкесское военное присутствие в столице, по дипломатическим каналам распространяла информацию о том, что «...на Москве живут абеслинские [т.е. бесленейские] князи Амашик с братьею да джанские [т.е. жанеевские] князи Сибок с братьею, а с ними людей их тысяч с 5» [КРО 1957а: 390]. Доминиканский монах Джiovанни Лука, собиравший свои сведения примерно в конце первой трети XVII в., упоминает Бесленей (в транскрипции автора «Безинад» – *Ред.*) как крупное феодальное владение между Кемиргоем и Кабардой [АБКІЕА 1974: 71].

Эвлия Челеби в 60-х годах XVII в. локализует Бесленей в верховьях Большой и Малой Лабы и дает ему такую характеристику: «Их бей обитает здесь ... Он распоряжается в общей сложности *пятью тысячами отважных, отборных воинов, конных и пеших* (курсив наш – *З.К.*). И народ этот – весьма сильный, смелый, мужественный. Это *пиуко* (ставка князя-правителя – *Ред.*) построено, подобно Бахчисараю, в просторном ущелье, по обеим сторонам которого – каменные скалы. Оно достойно того, чтобы называться городом. Сей народ бесней [прежде] расселялся до самых земель Чин, Фагфур и Москва. Затем, [спасаясь] притеснений вновь пришедших калмыков, они обосновались в этом скалистом и неприступном ущелье ...» [Челеби 1979: 78–79]. В это же время Эвлия Челеби оценивает мобилизационный потенциал Большой Кабарды в 10 тыс. человек, а Талостанея и Джиляхстанея («страна Таустан») – в 12 тыс. [Челеби 1979: 86, 97].

Несколько позднее, в первой четверти XVIII в., по данным Ксаверио Главани, французского консула в Крыму, соотношение численности населения Бесленей и Большой Кабарды было примерно один к трем:

«Посреди этого перешейка (Кавказского перешейка между Черным и Каспийским морями – *Ред.*) находится округ Бесней, наиболее плодородный и богатый. Он расположен на равнине, имеет около 1000 жилищ, между которыми много дворянских; жители славятся своей красотой. *Округ этот пользуется большим уважением как по многочисленности дворянства, так и по храбрости его жителей* (курсив наш – *Ред.*) ... Последний округ в восточном направлении называется Кабарта ... Округ Кабарта обширнее и могущественнее всех остальных; в нем 3000 жилищ и много дворянства, под управлением одного бея ... К стороне калмыков находится округ Кучук-Кабарта (Малая Кабарта) ... в нем один бей и 800 жилищ [АБКІЕА 1974: 160].

Во времена Хан-Гирея Бесленей состоял из 7 княжеских и 27 дворянских селений. Возможно, эти данные не строго репрезентативны для более ранних периодов истории княжества. Однако традиционная структура и демографические параметры феодальных владений Восточной (*Шхьагъ*) Черкесии до эскалации Кавказской войны проявляли удивительный консерватизм и устойчивость. Так, например, по оценочным данным численность селений трех крупнейших уделов Кабарды середины XVII в. – Казиевой Кабарды, Талостанея, Идарея, составляла примерно 112 [КРО 1957а: 384–386]. По подробным же статистическим данным середины XVIII в. в Большой Кабарде (бывшая Казиева Кабарда и Идарей) и Талостанея насчитывалось 118 селений, включая одно недавно образованное селение осетин-дигорцев [КРО 1957b: 114–115]. Резюмируя доступные нам статистические данные по демографии Бесленей, можно солидаризироваться с тезисом Хан-Гирея о том, что «...при разделении кабардинского поколения бесленевцы *шестую часть, или шестой удел составили* (курсив наш – *Ред.*)» [Султан Хан-Гирей 2009: 145]. Косвенным свидетельством значительного демографического

потенциала Бесленей может служить то, что со временем он, изначально являвшийся уделом Кабарды, сам приобрел удельную структуру: «Князья бейсленейские ведут свой род от **Кканока**, потомка упомянутого Инала, почему и носят общую фамилию Кканокко-хе; однако ж они разделяются на два дома или на две отрасли, а именно: **Солохх-хе** и **Бекьмрзе-хе** ... Таким образом, удел, причисленный к отрасли **Солохх-хе**, называется **Солоххие**, к отрасли же **Бекьмрзе-хе** – **Бекьмрзие**. Оба же удела в совокупности составляют владение Бейсленейское» [Султан Хан-Гирей 2009: 146].

Поэтому двести семей, уведенных из Кабарды Каноко Беслановым, на наш взгляд, нельзя интерпретировать иначе, как оценку количества дворянских-уоркских семейств, составлявших политический класс и военно-служилое сословие Бесленей. Эти двести дворянских семей трехпоколенного состава, традиционных для черкесского общества XVI–XVIII вв., могли иметь мобилизационный потенциал не менее 300–400 всадников, что сопоставимо с мобилизационным ресурсом Идарея середины XVII в. в 355 человек дворянской конницы, без военных контингентов подвассального Москве княжества Идаровых – Сунчалеевичей вокруг Терок [КРО 1957а: 384–385]. Резюмируя приведенные данные по демографии Бесленей, его мобилизационным возможностям в XVI–XVII вв., учитывая традиционные соотношения привилегированных и непривилегированных сословий в Восточной (*Щхьагъ*) Черкесии примерно один к пяти, можно приблизительно оценить максимальную численность бесленеевцев XVI–XVII вв. в 15–20 тыс. человек.

Таким образом, по своим размерам, численности населения, военному потенциалу Бесленей в XVI–XVII вв. кратно уступал практически всем основным княжествам как Западной (*Клахэ*), так и Восточной (*Щхьагъ*) Черкесии [Челеби 2009: 63, 64, 73, 78, 86, 97]. Это вынуждало Каноковых с первых лет существования своего владения в качестве самостоятельного субъекта Княжеской Черкесии проводить активную внешнюю политику. Чтобы стабилизировать суверенный статус Бесленей, оградить его от притязаний Иналидов более крупных и могущественных соседей – Кемиргоя, Кабарды, Каноковы в XVI–XVII вв. традиционно выступали как искусные мастера гибкой дипломатии и политических альянсов.

Именно Каноковы первыми среди Иналидов Черкесии открыли Московское направление во внешней политике. Первое адыгское посольство в столицу Русского государства Маашука Канокова в ноябре 1552 г. создало прецедент, имевший важное значение для развития русско-черкесских дипломатических и политических связей, для всей дальнейшей истории Черкесии, в первую очередь – Кабарды [КРО 1957а: 3–14]. То, что правители Бесленей первыми оценили потенциальные возможности военно-политического альянса с Москвой, еще до того, как Русское государство присоединило Астрахань и утвердилось непосредственно на степном фронтире Черкесии, характеризует первое поколение Каноковых как лидеров, обладающих талантом стратегического мышления. Судя по данным русских летописей и архивных документов, на начальном этапе развития русско-черкесских политических отношений, они активизировались под влиянием и по инициативе именно Каноковых. Об этом мы можем судить по тому, что первое посольство в Москву от лица *пцышхуэ* – великого князя Кабарды Кемиргоко Идарова в июле 1557 г., возглавлял Кавклыч Каноков – еще один член бесленеевского княжеского дома [КРО 1957а: 5].

Уже с начала 60-х годов XIX в. Каноковы, как и жанеевские князья свернули свою дипломатическую активность на Московском направлении. Маашук Каноков погиб, ориентировочно до 1562 г., однако даже после этого Бесленей сохранял канал политического взаимодействия с русским правительством. При царском дворе еще долго находились в качестве служилых князей сын и внук Маашука Канокова – Петр и Василий Петрович Ахамшуковы-Черкасские. После смерти последнего в 1652 г. ветвь Ахамшуковых-Черкасских угасла [Дзамихов 2001: 182–186].

К этому времени Кабарды бесленеевские князья кардинально изменили свои внешнеполитические предпочтения и были настолько последовательны, что к началу XIX в. прорусские симпатии первого поколения Каноковых и их заслуги в инициировании и развитии русско-черкесских отношений были прочно забыты. Хан-Гирей, например, дает весьма характерную оценку внешнеполитической ориентации Бесленея:

«Между тем как кабардинцы оказывали с отдаленных времен преданность свою к России, бесленейцы более были привержены к крымцам и туркам; причиною тому было более всего положение той земли, на которой они постоянно обитают, будучи смежны с прочими закубанскими черкесами, которые всегда были на стороне турок и татар ... *Впрочем, бейсленейцы постоянно не зависели ни от турок, ни от татар, хотя, по обстоятельствам, и соглашались в мнениях с первыми и по временам покорствовались и платили дань последним, но нередко и противу войск их совоюпно с кабардинцами действовали* (курсив наш – Ред.)» [Султан Хан-Гирей 2009: 146].

Традиционная для Иналидов Черкесии политика лавирования между мощными соседними державами, конкурирующими за гегемонию в регионе, с целью сохранения фактической независимости, в случае с Бесленеем осложнялась относительно скромными силовыми ресурсами. Однако Каноковы во второй половине XVI–XVII вв. нашли адекватные инструменты выстраивания комплиментарных отношений с Крымским ханством, обеспечивавших как режим наибольшего благоприятствования со стороны крымских Гиреев, так и защиту от притязаний более сильных княжеских домов Черкесии. Активно используя династические и аталыческие связи с правящей в Крыму династией Чингизидов, Каноковы добились для себя и своего княжества эксклюзивного статуса: «Регулярные аталыческие связи Бесленея с Крымским ханством привели к восприятию таких отношений как едва ли не исключительной прерогативы бесленеевцев, и, в свою очередь, породили народную этимологию этнонима «бесленей», якобы восходящего к татарскому «беслемек» (воспитатель)» [Султан Хан-Гирей 2009: 642].

Эвлия Челеби, в 1666 г. пересекший Черкесию с Запада на Восток в свите смещенного с престола крымского хана Мехмед-Гирея IV (дважды в 1641–1644 и 1654–1666 гг.), при проезде через Бесленей отметил особенно близкую, интимную связь между бесленеевцами и крымским Чингизидом: «Хану они отправили богатые подарки, прислали прекрасных и миловидных девушек и [невольников] – огланов. *Ибо они с ханом – родственники по линии семейств и потомков* [Челеби 1979: 78–79].

Смена внешнеполитических предпочтений правителей Бесленея в конце XVI–XVII вв. коррелирует со сменой их политических симпатий внутри Княжеской Черкесии. Если Каноко Бесланов и первые поколения Каноковых во внутриполитических конфликтах Иналидов выступали сторонниками Идара Инармасова и клана Идаровых, то уже с конца XVI в. отчетливо проявляется их тесный союз со старшим линиджем Жанхотовых (Инал-Табула-Жанхот-Беслан-Кайтуко-Пшеапшоко-Кази) во главе с Кази Пшеапшоковым – принципиальными противниками Идаровых. Именно в Восточное Закубанье – в Бесленей, на три года «откочевала» «Казыева Кабарда» после убийства Мамстрюка и Домануко Кемиргоковичей Идаровых Кази Пшеапшоковым в 1600/1601 г. [КРО 1957а: 385]. Ситуация повторилась буквально после битвы на Малке 12 июля в 1641 г. Победители – лидеры Казиевой Кабарды, с примкнувшими к ней Идаровыми-Сунчалеевичами (будущая Большая Кабарда – Ред.), наголову разгромили широкую коалицию ориентированных на Москву князей Талостанея, Джиляхстанея и Идарея, и в декабре того же 1641 г. переселились «...за Кубань реку под Абазы» [КРО 1957а: 203–205, 208–209]. Тесные политические связи с Бесленеем в обоих случаях выступали для правителей Казиевой Кабарды как фактор, усиливающий их позицию в конфликте с соперниками. Не только благодаря возможности использовать силовой ресурс Бесленея в случае прямого военного столкновения с политическими противниками

и стоящей за ними Москвой, но и наличие у Каноковых налаженных каналов взаимодействия с элитой Крымского ханства.

Еще одним пунктом стабильного взаимодействия между Иналидами Кабарды и Бесленей была традиционная политика выстраивания иерархических связей с горцами Восточного Закубанья и Центрального Кавказа. Хан-Гирей, иллюстрируя тесную связь княжеских домов Кабарды и Бесленей в вопросах реализации собственных гегемонистских притязаний на соседних горцев, писал: «Как бы то ни было, бейсленейцы участвовали во всех завоеваниях или, лучше сказать, опустошениях, кабардинцами произведенных на северных областях Кавказа. Этому неоспоримым доказательством служит участь абазинцев, которую кабардинское оружие решало; часть этих абазинцев и поныне состоит в подданстве бесленейских князей» [Султан Хан-Гирей 2009: 145–146].

Ксаверию Главани упоминает о вассальной зависимости от Бесленей локальных групп северокавказских абазин-*аишарау* – башильбаевцев («округ Бессилбай, имеющий бея и 200 жилищ»), баговцев и баракаевцев («округ Эбаги-Баракки ... имеет 200 жилищ») [АБКИЕА 1974: 160]. Источники первой трети XIX в. также называют данниками Каноковых башильбаевцев, шахгиреевцев, баговцев и баракаевцев, т.е. практически все абазинское население высокогорной зоны по рр. Большая и Малая Лаба, Уруп и их притокам [Волкова 1974: 73–74].

Таким образом, Бесленей, возникший как один из уделов Кабарды на два поколений ранее других фамильных уделов XVI–XVII вв. – Идарея, Талостанея, Джиляхстанея, и являвшийся этносоциальной единицей аналогичного таксономического уровня, после сецессии, территориального и политического размежевания с основным массивом восточноадыгского (*Шхьагъ*) населения получил импульс к самостоятельному развитию. Несмотря на то, что Каноковы принадлежали к потомству Беслана – младшего Иналида Кабарды, они, благодаря активной внешней политике, гибкой дипломатии, умелому лавированию между интересами сильнейших княжеских фамилий Кабарды и Западной Черкесии, сумели занять достойное место среди самых влиятельных и авторитетных из них. Бесленей, в отличие от многих более крупных владений Княжеской Черкесии, избежал внутривластных кризисов и дробления на уделы. Наряду с тесными династическими и аталыческими связями с крымскими Гиреями, это обстоятельство позволило Бесленею, несмотря на скромные демографические параметры, на протяжении XVI–XVII в. эволюционировать из личного удела одного из младших Иналидов Кабарды в этносоциальную единицу Княжеской Черкесии более высокого таксономического уровня.

Список источников и литературы

АБКИЕА 1974 – *Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.* / сост., ред. переводов, введ. и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 636 с.

Бесленей 2009 – *Бесленей – мост Черкесии*. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья XIII–XIX вв. Сборник документов и материалов. Составление и вступительная статья С.Х. Хотко. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. 408 с.

Волкова 1974 – *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XX века. М.: Наука, 1974. 276 с.

Дзамихов 2001 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик: Эльфа, 2001. 410 с.

Кожев 2020 – *Кожев З. А.* Очерки военно-политической истории Черкесии XV–XVII вв. Нальчик: Принт Центр, 2020. 144 с.

КРО 1957а – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах.* Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 478 с.

КРО 1957b – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. Т. II.* М.: Изд-во АН СССР, 1957. 424 с.

Ногма 2020 – *Ногмов Ш.Б.* Исторические и филологические труды. В 4-х томах. Т. 2. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2020. 304 с.

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.

Султан Хан-Гирей 2009 – *Султан Хан-Гирей.* Избранные труды и документы. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. 672 с.

Челеби 1979 – *Челеби Эвлия.* Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М.: Наука, 1979. 288 с.

References

Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestijah evropejskih avtorov XIII–XIX vv. [Adygs, balkarians and karachais in the news of european authors of the XIII–XIX centuries] / *sost., red. perevodov, vved. i vstup. stat'i k tekstam V.K. Gardanova.* Nal'chik: Jel'brus, 1974. 636 s. (In Russian)

Beslenej – most Cherkessii. Voprosy istoricheskoi demografii Vostochnogo Zakuban'ja XIII–XIX vv. [Besleney – the bridge of Circassia. Questions of historical demography of the Eastern Trans-Kuban region of the 13th–20th centuries.]/*Sbornik dokumentov i materialov. Sostavlenie i vstupitel'naja stat'ja S.H.Hotko.* Majkop: Poligraf-Jug, 2009. 408 s. (In Russian)

CHELEBI, EVLIYA. *Kniga puteshestviya. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya. Вып. 2* [Travel book. The lands of the North Caucasus, Volga and Don region. Issue 2]. Moscow: Nauka, 1979. 288 s. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F. *Adygi v politike Rossii na Kavkaze* [Adygi in the politics of Russia in the Caucasus]. Nalchik: El'-Fa, 2001. 410 s. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. T. I. [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes. Vol. I]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. 478 s. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. T. II. [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes. Vol. II]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. 424 s. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Ocherki voenno-politicheskoi istorii Cherkessii XV–XVII vv.* [Essays on the military and political history of Chircassia in the XV–XVII centuries]. Nalchik: Print Center, 2020. 144 s. (In Russian)

NOGMOV SH.B. *Istoriya adykheiskogo naroda* [The history of the adyghhe people]. Nalchik: Elbrus, 1994. 232 s. (In Russian)

NOGMOV SH.B. *Istoricheskie i filologicheskie trudy. V 4-h tomah. T. 2.* [Historical and philological works. In 4 volumes. Vol. 2.]. Nal'chik: Redakcionno-izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2020. 304 s. (In Russian)

VOLKOVA N.G. *Jetnicheskij sostav naselenija Severnogo Kavkaza v XVIII – nach. XX veka* [Ethnic composition of the population of the North Caucasus in the 18th – early 20th centuries]. M.: Nauka, 1974. 276 s. (In Russian)

SULTAN KHAN-GIREY. *Izbrannye trudy i dokumenty* [Selected works and documents]. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. 672 с. (In Russian)

Информация об авторе

З.А. Кожев – кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой и новой истории.

Information about the author

Z.A. Kozhev – Candidate of Science (History), Head of the Sector of Medieval and Modern History.

Статья поступила в редакцию 27.11.2024; одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 27.11.2024; approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-25-37

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ В ГОРОДЕ ТЕРКИ В СЕРЕДИНЕ XVII В.

Ирина Хасановна Тхамокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, omarakana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6020-7420>

© И.Х. Тхамокова, 2023

Аннотация. Основная цель данной работы – изучение межэтнических взаимоотношений жителей Терского города. С точки зрения властей, терские люди делились на две основных категории – русских людей и иноземцев. Они отличались друг от друга местом жительства, обычаями, образом жизни. Русские люди жили в городе, иноземцы – в слободах. Наиболее известными из них были слободы Черкасская, Окоцкая, Новокрещенская. Русские люди были христианами, а жители слобод (за исключением Новокрещенской) – мусульманами. Но у тех и у других было много общего: большинство русских людей и большинство иноземцев несли военную службу и получали царское жалованье. Во многих случаях русские люди и иноземцы совместно принимали участие в военных действиях, охраняли свой город, провожали послов в Грузию и встречали их на обратном пути. У жителей города, независимо, от их национальной принадлежности складывались общие черты в хозяйственной деятельности – развивалось рыболовство или добыча корня марены. У русских людей и иноземцев в Терском городе существовали и общие социальные структуры – они собирались на общие собрания, подписывали челобитные для того, чтобы защитить город от нападения врагов. Русские жители готовы были принимать обычай народов Кавказа, такие как баранта, чтобы защитить себя от врагов.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Терский город, иноземцы, новокрещены, окочане, черкесы

Для цитирования: Тхамокова И.Х. Межэтнические контакты в городе Терки в середине XVII в. // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-2 (63). С. 25–37. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-25-37

Original article

INTERETHNIC CONTACTS IN THE CITY OF TERKI IN THE MIDDLE OF THE 17th CENTURY

Irina Khasanovna Tkhamokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, omarakana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6020-7420>

© I.Kh. Tkhamokova, 2024

Abstract. The main purpose of this work is to study the ethnic relations of the inhabitants of the Terek city. From the point of view of the authorities, Terek people were divided

into two main categories – Russian people and foreigners. They differed from each other in their place of residence, customs, lifestyle. Russian people lived in the city, foreigners – in settlements. The most famous of them were the settlements of Cherkasskaya, Okotskaya, Novokreschenskaya. Russian people were Christians, and the inhabitants of the settlements (except for Novokreschenskaya) were Muslims. But both had a lot in common: most Russian people and most foreigners carried military service and received the royal salary. In many cases, Russian people and foreigners jointly took part in hostilities, guarded their city, escorted ambassadors to Georgia and met them on the way back. Residents of the city, regardless of their nationality, developed common features in economic activity – fishing or extraction of madder root developed. Russian people and foreigners in the Terek city also had common social structures – they gathered for general meetings, signed petitions to protect the city from enemy attacks. The Russian inhabitants were willing to adopt customs of the peoples of the Caucasus, such as the baranta, to protect themselves from enemies.

Keywords: North Caucasus, Terek city, foreigners, newly baptized, okochane, Circassians

For citation: Tkhamokova I.H. Interethnic contacts in the city of Terki in the middle of the 17th century. Vestnik KBIGI = KVINN Bulletin. 2024; 4-2 (63): 25–37. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-25-37

Жителей города Терки разделяли социальные, этнические, конфессиональные границы. Одной из наиболее важных, с точки зрения государства, считалась граница между русскими людьми и «иноземцами». В России XV–XVIII вв. «иноземцами» чаще всего называли переселенцев из стран Европы, но не только их. Этот термин мог применяться по отношению и к народам Поволжья, и к народам Сибири [Опарина 2007; Конев 2014]. В документах XVII в. народы Кавказа тоже могли называться иноземцами: «А ныне де на Терке иноземцов перед рускими людьми больше втрое» [КРО 1957: 139]. В эту категорию («иноземцев») включались народы Кавказа, а также и других земель: «Приезжие де иноземцы черкасы и кумычя и мичкизья и крымские и ногайские люди приезжают в Черкасскую слободу...» [КРО 1957: 138].

На первый взгляд, странным выглядит обозначение местных народов иноземцами, но, возможно, город, такой как Терки, воспринимался как часть русской земли, а все его гости были иноземцами. За пределами города ситуация была совершенно другой.

В 1650 г. приходили в терскую съезжую избу «всяких чинов государевы люди» и подали челобитную на Суркая шамхала, на Чебана мурзу и на их улусных людей, которые русских людей на всяких промыслах убивали, брали в плен. В то же время люди терских князей и мурз, т.е. «иноземцы», ездили по дорогам свободно, по 2–3 человека, их никто не убивал, а пропадали только одни русские люди [Архив СПб ИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 2229. Л. 4]. В действительности, далеко не везде и не всегда жители Кавказа находились в полной безопасности, им тоже могли угрожать столкновения и даже убийства. Но это высказывание демонстрирует, насколько чуждыми чувствовали себя русские жители за стенами своего города. Они, скорее, самих себя ощущали на Кавказе иноземцами.

Чем отличались русские люди от иноземцев – об этом точных сведений нет, но имелись в виду, скорее всего, культурные, религиозные, языковые различия. Одним из важнейших показателей несхожести служила религия, но она была не единственным маркером культурного размежевания. Для обозначения мусульман существовало особое определение – «иноземцы бусурмане».

Русские люди и иноземцы жили в разных частях города. Русские – в самом городе, иноземцы – в слободах. Город был административным центром. Здесь жил воевода, здесь же находилась съезжая изба, куда он вызывал не только русских жителей города, но и иноземцев. Все наиболее важные вопросы решались именно здесь, в присутствии не только воевод, детей боярских, сотников стрелецких, но и кабардинских князей и мурз, окочан, новокрещен и т.д.

На посаде какое-то время располагался гостиный двор для купцов из Персии (из Кизылбаш и из Гиляни). Но во время пожара 1639 г. этот двор сгорел, и они переселились за реку в Черкасскую слободу [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1645. Д. 1. Л. 28; КРО 1957: 253-254]. В Терках также находились рынки: «татарский», «тезикий» рынок (возможно, он совпадал с татарским) и русские «ряды» (рядом с гостиним двором). То есть торговые заведения были размещены в посаде.

В городе для «иноземцев» были предназначены только несколько определенных мест, например, дворы для аманатов находились в городе – видимо, для большей безопасности. В кремле была построена в 1641 г. также тюрьма (для еще большей надежности), в которой содержали аманата – сына кабардинского мурзы Алегуко, который отказался от своей присяги царю и переселился за Кубань [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 13]. В городе же в некоторых случаях размещали прибывших для принесения шерти и для важных переговоров кумыков или черкесов. В декабре 1638 г. в Терки приехали 7 кумыкских мурз для клятвы царю, и их разместили в остроге «на добрых дворах» [Русско-дагестанские... 1958: 147]. В 1640 г. там же расквартировали кабардинского мурзу Мисоста. В 1652 г. в городе устроили еще одного кабардинского мурзу – Алегуко, прибывшего в Терки для принесения шерти [КРО 1957: 309].

«Иноземцы» жили за городом в нескольких слободах. Чаще всего в источниках упоминаются три из них: Черкасская, Окоцкая и Новокрещенская или же Черкасская, Окоцкая и Татарская [Котов 1958: 33; КРО 1957: 253]. Они были отделены от города рекой Тюменкой, хотя расположение Окоцкой слободы вызывает сомнения. В 1646 г. терские воеводы писали царю о том, что «перешли з Городцкие стороны на Заречную сторону терские твои государевы служилые жалованные окоцкие люди многие и заложились за черкасских князя и за мурз» [Русско-чеченские... 1997: 146]. Это можно понять таким образом, что Окоцкая слобода находилась рядом с городом, а Черкасская – на другой стороне реки Тюменки. Желая переселиться из одной слободы в другую, окочане должны были пересечь реку. Еще одно замечание сводится к тому, что после переноса в 1669 г. города Терки на новое место, расположение слобод могло измениться.

Но, помимо уже названных, существовали, видимо, и другие слободы. Еще в 1631 г. был принят царский указ провести перепись «иноземцев» «в князь Шолоховых, и в Каншов-мурзиных и в Барук-мурзиных слободах...» [КРО 1957: 141]. Слободу князя Шолоха называли Черкасской, но и у мурз были, следовательно, отдельные слободы, хотя, видимо, и небольшие. В 1644 г. приехавший к князю Муцалу уздень Созоруко (от Ахлова-мурзы Айтекова) шел «слободою Канбулата-мурзы Черкасского», когда его застрелил уздень Канбулата [Дзамихов 2008: 590]. В 1673 г. приходили на Терский город Эндирейский владетель Чеполов и ногайские мурзы и «приступали» к Окоцкой и Хату-мурзы слободам [Русско-чеченские... 1997: 215]. Следовательно, и у Канбулата-мурзы, и у Хату-мурзы тоже были свои слободы. Точно так же и у других мурз города могли быть собственные слободы.

В Окоцкой слободе жили окочане и мичкизяне, служившие царю и получавшие жалованье. Они переселились к Теркам еще в конце XVII в. В 1614 г. их было 160 человек [Белокуров 1889: 554, 557]. После того как их мурза Батай бежал из города, командовать ими стали кабардинские князья – Сунчалей, Шолох, Муцал, Каспулат Муцалович и др. После этого часть окочан оставила военное дело и переселилась в Черкасскую слободу [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1646. Д. 1. Л. 289; Русско-чеченские... 1997: 145]. В 1663 г. только 113 окочан из бывших 160 продолжали военную службу [Веселовский 1911: 42]. Окочане не только принимали участие в боевых действиях, они часто ездили по соседним с Терками регионам для сбора материалов по народам Кавказа и соседних государств.

В отличие от окочан, общая численность новокрещенов, черкас и детей боярских (всех вместе) составляла в начале XVII в. всего 40 человек [Белокуров 1889:

350–351]. Но впоследствии Черкасская слобода быстро разрасталась. В 1630–1640 гг. она имела сложный этнический и социальный состав населения. Обычно в ней насчитывают 175 дворов [Кушева 1963: 293]. Но точное их число сложно установить, потому что в слободе находились, не только дворы, но и кибитки или несколько дворов были объединены, потому что принадлежали подвластным одного из узденей и т.д. Но все же можно выделить 36 дворов «дворовых» узденей князя Муцала, 22 двора его же «задворных» узденей, 20 дворов «задворных» черкас тоже числились за Муцалом, еще в 14 дворах жили отчасти черкесы, отчасти иранские купцы, а в 9 дворах – черкасы узденей Муцала. В этом же ауле жил окочанин Албир-мурза Костров и 6 дворов его узденей, а также 27 дворов других окочан. Здесь же находился 1 двор ногайского Би-мурзы, и 41 двор и 7 кибиток татар [КРО 1957: 192–197]. Перечисление одних только указанных дворов показывает, что слобода была достаточно большой. В ней жили черкесы, окочане, татары, ногаец и персы. Среди них были крестьяне, купцы, несколько ремесленников и уздени, которые занимались военной службой и получали царское жалованье. Численность и национальный состав других слобод точно не известны.

Новокрещенская слобода была значительно меньше. Как уже говорилось, в начале XVII в. в Терках насчитывалось немного новокрещенов, к 1663 г. их было уже 70 [Веселовский 1911: 42] – тех, кто служил, не считая членов их семей. Национальный состав новокрещенов неизвестен. Когда они принимали крещение, им меняли имена и фамилии, и откуда они происходили – это чаще всего невозможно понять. Только в тех случаях, когда крестили знатных людей, переселившихся в Москву, их происхождение можно отследить. Но в любом случае их слобода должна была значительно уступать Черкасской. Несмотря на изменение религии, новокрещены не объединились в одну группу с русскими жителями, они продолжали жить в своей особой слободе, они служили не вместе со стрельцами и казаками, а в своей особой группе новокрещен. Власти были, видимо, заинтересованы в том, чтобы новокрещены сохраняли свои языки, это помогало им в их поездках по Кавказу для сбора информации.

Особое место среди жителей Терского города занимали казаки, которых в конце XVI–XVII вв. называли «жилецкими», а в середине XVII в. – беломестными. Они жили, как можно понять из некоторых документов, в своей особой слободе, но их численность была очень мала – 9 человек в 1663 г. [Веселовский 1911: 42]. На рубеже 1670–1680 гг. эта группа прекратила свое существование.

В слободах при Терском городе жили как служившие в Терском гарнизоне люди, так и не состоявшие на военной службе. Причем, их было больше, чем служивших и получавших жалованье – в 1637 г. 680 против 350 [Русско-чеченские... 1997: 122]. Они тоже состояли под управлением кабардинских князей. Служилые люди, жившие в слободах, имели свою особую военную структуру – они были мурзами, узденями, окочанами или новокрещенами. Все они, включая новокрещен, подчинялись кабардинским князьям-мусульманам и их мурзам [Сметный список... 1989: 25].

Терские воеводы стремились ограничить численность иноземцев в слободах рядом с Терками – они вызывали у воевод опасения. Для этого, по их словам, необходимо было, прежде всего, выслать оттуда всех иноземцев, которые не имели права там находиться (например, те, кто не появился у воевод), а таких людей было много. В то же время кабардинские князья, управлявшие слободами, напротив, стремились увеличить численность их населения. В 1631 г. князь Шолох писал царю о том, что от них, кроме службы царю, никакого зла нет, и высылать их из Терского города не за что [КРО 1957: 138]. По решению царя, всех людей, которые находились в слободах самовольно, оттуда высылали. А тех, кто живет там давно, дворами, с женами, и от кого не ожидают ничего плохого, оставлять на месте [КРО 1957: 141–142]. Но численность населения слобод продолжала

увеличиваться. Туда переселялись и кумыки, и окочане, и мичкизяне, и шибутяне, и черкесы – «всяких розных земель бусурманских» люди приходили из гор, «неведомо кто» откуда ко «племени» своему и «закладывались в Терках за черкасских князей» и мурз и их узденей. Приезжали в Терки они тайно, чтобы не выдать свое присутствие. Они сохраняли связь со своей родиной: женились в «розных басурманских землях» и дочерей своих в те же земли замуж выдавали [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1647. Д. 1. Л. 60].

История взаимоотношений Терского города и пригородных слобод показывает, что в целом они были мирными, хотя исключения случались. Уже упоминавшегося князя Шолоха воеводы обвиняли в том, что его уздени крали детей в Терском городе и продавали их иноземцам [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1636. Л. 36]. Но эти обвинения не были доказаны. Вооруженных столкновений между жителями города и слобод не зафиксировано. Даже в 1641 г., когда у князя Муцала и терских воевод были конфликты, когда он самовольно взял в городе кабардинских аманатов и перевел их в слободу, все же ни одна из сторон этого противостояния не применила оружие, хотя по обе стороны реки Тюменки находились многочисленные хорошо вооруженные люди.

Расположенные рядом с Терским городом слободы играли посредническую роль в отношении России с народами Северного Кавказа. Именно благодаря тому, что жители этих слобод сохраняли тесные связи с соседними народами, они могли оказывать на них сильное влияние. Кабардинские князья, а также другие мурзы способствовали тому, чтобы народы Кавказа признали власть царя. Один из многочисленных примеров: в 1658 г. Дженгутайский владелец Ахматхан-мурза писал в Терки, что «он де руским людем не верит, а будет де приедет к нему Канбулат-мурза Черкасской да Казаналп-мурза», и с ним договорятся, то он им аманата отдаст [Русско-дагестанские...1958: 197]. Но не только князья, но и другие жители терских слобод – мурзы, уздени, окочане, новокрещены – часто ездили в Дагестан или в Кабарду, отвозили туда письма, вели переговоры, собирали сведения о ситуации не только на Кавказе, но и в Крыму или в Персии.

В то же время город Терки и его слободы не были полностью изолированы друг от друга. Связи между их жителями поддерживались, что показывают отношения между воеводами и кабардинскими князьями, которые управляли слободами. В 1641 г. при расследовании деятельности воеводы Ивана Хилкова второй терский воевода Тимофей Аладьин обвинил его в том, что он был названным братом князя Муцала, а мать Муцала была его названной матерью. Накануне похода терских ратных людей в Кабарду (под командованием Аладьина) воевода Хилков и дьяк Углев ночью были в гостях у Муцала. После этого Муцал будто бы послал своих людей в Кабарду, чтобы предупредить о готовящемся походе. Но они отрицали это обвинение [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1641. Д. 2. Л. 82, 106–108; Дзамихов 2008: 565–566].

Аладьин говорил также, что воевода Хилков не только сам бывал у Муцала, но также отпускал к нему и к его матери свою жену и сноху. Однако Хилков это тоже отрицал. О себе же он говорил, что он бывал у Муцала потому, что, согласно царскому наказу, он должен был мурз почитать, и к себе призывать, и потчевать. Поэтому воевода и к Муцалу ходил, но он бывал у него не один, а только вместе с Тимофеем Аладьиным и с дьяком Углевым [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1641. Д. 2. Л. 125–126]. Воевода считал, что он только выполняет царские указания.

При необходимости жители Терского города и слобод оказывали помощь друг другу. В случае если на слободы нападали неприятели, то их население, особенно женщины и дети, прятались в городе: он был окружен деревянными и земляными стенами. Вокруг слобод был сделан только плетень для защиты, но и тот вскоре сгнил. Однако некоторые воеводы, как Ромодановский в 1638 г., опасались пускать черкес и татар в город даже в случае войны, он согласен был сделать исключение только для мурз и лучших узденей [КРО 1957: 168].

Русские люди и иноземцы проводили совместные собрания, подавали общие челобитные царю, когда речь шла о защите их интересов. В 1639 г. Муцал мурза и Татархан Арасланов вместе с головами и детьми боярскими, стрельцами и казаками, а также вместе с иноземцами – черкасами, окочанами и новокрещенами – жаловались на нападения Эндирейских жителей, на их грабежи, убийства, захват в плен [РАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1635. Д. 1. Л. 10].

В 1643 г. была подана еще одна челобитная от русских людей (голов, детей боярских и стрельцов) и иноземцев: мурз, черкас, окочан и новокрещен с жалобой на жителей Эндирея [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1643. Д. 1. Л. 66–68]. В 1645 г. жители Терского города, как русские, так и иноземцы подали еще одну челобитную. Они не хотели, чтобы вместо сына мурзы Казаналпа аманатом в Терках был его племянник. Они боялись, что в таком случае Казаналп не будет соблюдать свои клятвы и обещания не громить жителей города [Русско-Дагестанские... 1958: 167–168]. Аманаты – это был еще один способ защитить город от нападений.

В 1651 г. похожую челобитную подали царю и от русских жителей Терского города, и от «всяких иноземцов» о том, что Казаналп и Суркай посылают в аманаты своих детей «не от прямых жен». По царскому указу в Терки был послан Астраханский стрелецкий голова для расследования этих дел [Акты исторические... 1842. Л. 160–161]. Принося присягу царю, жители Кавказа обещали не нападать стрельцов и казаков, порукой этому и должны были служить аманаты.

В 1646 г. русские люди и иноземцы били челом царю на кумыков и татар, которые их грабили и брали в плен. Челобитная была подана и от имени русских жителей города и казачьих городков: священников, голов стрелецких, подьячих и толмачей, терских и гребенских атаманов и казаков и «всяких чинов» людей всего терского города, но одновременно и от князя Муцала и мурзы Алегуко, от новокрещенов и окочан [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1646. Д. 1. Л. 183]. Общие опасности объединяли русских жителей города Терки и «иноземцев».

Русские жители Терского города и «иноземцы», жившие в слободах, совместно принимали участие в военных походах. Стрельцы, и дети боярские, и мурзы, и уздени, и окочане, и новокрещены действовали одновременно. В 1641 г. кабардинского мурзу Кельмамета должны были охранять терские люди: конные стрельцы, дети боярские, а вместе с ними новокрещены и окочане. Впоследствии они приняли участие в битве на Малке [КРО 1957: 204]. В 1646 г. Муцал Черкасских ходил в донской поход. Вместе с ним были дети боярские, стрельцы, терские и гребенские казаки, и одновременно с ними – новокрещены, окочане, уздени. Подобный смешанный состав войск был обычен для XVII в [КРО 1957: 275]. В 1651 г. Сунженский острог защищали от дагестанских и персидских владельцев князь Шолох вместе со стрельцами, детьми боярскими, с казаками, а также с узденями, барагунцами, новокрещенами, окочанами, с юртовскими татарами [КРО 1957: 304–305].

На караулах у терского города также совместно стояли стрельцы и уздени. Так было и в Смутное время [Акты исторические... 1838: 22], и много позже. Так, в 1635 г. уздень Блишука стоял с русскими людьми севернее Терского города на заставе от ногайцев [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1635. Д. 1. Л. 59]. Стрельцы, казаки, уздени, окочане и новокрещены также совместно провожали послов из Терка в Грузию, и встречали на обратном пути. В 1657 г. послов из Имеретии встречали сотник приказа конных стрельцов Михаил Молчанов, а также терские казаки и новокрещены [РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. 1657. Д. 2. Л. 24–25].

Жители Терского города и слобод занимались не только военной службой, но и экономической деятельностью: сельским хозяйством, промыслами и торговлей. Природные условия региона, межэтнические контакты оказали серьезное влияние на их образ жизни. Причем, это относилось как к русским, так и к черкасам или окочанам. Одна из особенностей хозяйственной деятельности жителей города

заклучалась в том, что рыболовство приобрело для них большое значение. Еще в Смутное время, когда терские стрельцы и казаки долгое время не получали жалованье, они «кормились по речкам рыбенкой» [Акты исторические... 1838: 19]. И не только «по речкам», ее ловили и в Каспийском море, особенно у острова Чечень, где рыбы было много [Котов 1958: 33]. В 1650 г. люди ногайского мурзы Чопана и тарковского шамхала Суркая напали на «рыбных ловцов», которые находились на этом острове, убили 6 стрельцов, ранили 8 и 3 человека взяли в плен [Архив СПб ИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 2229. Л. 3]. Стрельцы занимались также охотой и лесными промыслами. Отдельно среди жителей города в документах упоминаются «камышники» – вероятно, они охотились в покрытых зарослями берегах рек.

У большинства кабардинцев рыболовство не играло особой роли в хозяйстве, но в Терском городе дело обстояло иначе. В 1638 г. кабардинский мурза Татархан Арасланович Черкасский жаловался в своей челобитной царю на то, что его людей не пускают ловить рыбу в соседних с Терками реках (хотя ранее это было им разрешено) и просил, чтобы им было позволено ловить рыбу вместе с «городскими терскими» русскими людьми [КРО 1957: 169]. В 1645 г. кабардинский мурза Канбулат Пшимахович в своей челобитной писал о том, что посылает своих людей на рыбную ловлю на море и на реку Быструю. И за эту рыбу с них берут таможенную пошлину, а другие мурзы ее не платят. Он просил освободить его от этих сборов [КРО 1957: 258]. Еще один пример рыболовства: Олеарий со своими спутниками купил у рыбаков «из черкасских татар» несколько белуг [Олеарий 1906: 422]. Не только черкесы, но и татары, жившие в Черкесской слободе, активно занимались рыболовством. Во время проведения переписи несколько человек находились на рыбной ловле [КРО 1957: 196–197]. Развитию этой отрасли хозяйства способствовали природные условия региона.

Земледелие было важной отраслью хозяйства живших рядом с Терками «иноземцев», в том числе окочан. Об этом они сами писали в своих челобитных царю. По их словам, они смогли пережить Смутное время, когда им много лет не выплачивали жалованье, только потому, что сами землю пахали [Белокуров 1889: 555]. Если русские стрельцы Терского города говорили о рыболовстве как о способе выжить в голодное время, но не вспоминали в этой связи о земледелии, то окочане выделяли как раз земледелие. Вопрос о том, занимались ли стрельцы Терского города возделыванием зерновых, остается открытым. Убедительных доказательств этого нет.

Черкесы, как и окочане, также большое значение придавали хлебопашеству. При проведении переписи в Черкесской слободе, отмечалось, что многих хозяев (и черкесов, и окочан) нет дома, потому что они находятся «на пашне» [КРО 1957: 192–197]. Источники сообщают также о садах, которых было много рядом с Терками [Котов 1958: 33; Эвлия Челеби 1979: 128], но не совсем понятно, кому они принадлежали, и кто в них работал. Кроме того, известно, что рядом с Терским городом на Тюменке реке находились огороды [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1628. Д. 5. Л. 10].

О занятии скотоводством также свидетельствует описание Черкасской слободы, где часть хозяев, как кабардинцы, так и «татары» находились «у лошадей в отарах» или просто «в отарах» [КРО 1957: Л. 194–197]. Скотоводством занимались также и стрельцы, поскольку в Терках служили конные стрельцы [РГАДА. Ф. 115. 1641. Д. 2. Л. 132], они не могли обойтись без лошадей. Но кабардинские князья, мурзы, уздени, и окочане, и новокрещены, и татары не меньше нуждались в лошадях для своей службы, а также в пастбищах, в сенокосах. Кроме лошадей они разводили также крупный рогатый скот, овец и даже верблюдов. Скот являлся главным предметом торговли черкесов [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1643. Д. 1. Л. 68; Ф. 141. Оп. 2. 1636. Д. 2. Л. 242; КРО 1957: 304; Витсен 2010: 690].

Ремесленники в Терках упоминаются очень редко. Среди них – кузнецы, которых называют среди служилых людей города (например, конный стрелец Уланка-кузнец), а также плотники. Один кузнец жил в слободе князя Шолоха [Книги

разрядные... 1853: 1141; Белокуров 1889: 290–291; КРО 1957: 100, 160, 194; Русско-чеченские... 1997: 194]. Среди жителей той же слободы были «серебряный мастер» и «хлебник» [КРО 1957: 193, 195]. Этот последний был выходцем из Персии. Другие ремесла не упоминаются. Например, телеги, хомуты и прочую конскую упряжь надо было привозить в Терки из Астрахани. Точно так же в Терках невозможно было найти средства (паруса, скобы или смолу) для ремонта морских судов [Белокуров 1889: 292].

Совершенно новым промыслом для жителей Терка была заготовка корня марены. Посол персидского шаха, отправляясь в 1629 г. в Москву, оставил в Терском городе своего человека Талибека, который «подрядил многих государевых русских людей и черкас, и окочен копать травное коренье марену и отпустил тое марены в Кызылбаши» 4 корабля [КРО 1957: 139]. То есть занимались этим люди разного происхождения. Этот корень использовали для производства краски. Недалеко от Терского города находился Муратханов городок, где с помощью персидских мастеров изготавливали шелк и отправляли его в Москву [Архив СПб ИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 5481, 5505].

О материальной культуре терских черкесов в источниках сохранилось немного сведений. Они свидетельствуют о существовании традиционных для этого народа форм культуры. Это относится, в частности, к сплетенным из хвороста и обмазанным глиной домам, обычным для адыгов. Даже большой зал князя Муцала, в котором он вместе со своей матерью принимал гостей, тоже был построен из глины, хотя происхождение некоторых элементов его конструкции, таких как сводчатые ниши, не вполне понятно. Обычай украшать зал оружием, как у Муцала, был распространен у народов Кавказа [Олеарий 1906: 426, 518]. В 1648 г. кабардинский мурза Канбулат Пшимахович просил достроить для него «хоромишко» в Терском городе [КРО 1957: 293–294]. Возможно, что в этом доме должны были использовать какие-то особенности русской архитектуры, но точных сведений об этом нет. Мурзы Татархан и Тонжехан Араслановы тоже просили устроить им «дворишко» в Терском городе, и упоминали о том, что такие постройки делались для других мурз [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1641. Д. 1. Л. 59].

Застольный этикет, когда сыновья не могли сесть в присутствии матери, явно заимствован из черкесской культуры, но стулья, на одном из которых сидела княгиня, мать Муцала, а на других – ее гости – был результатом, скорее, русского влияния.

Такие предметы одежды как бычий пузырь на голове у вдов или войлочный плащ (бурка) или узкие штаны как часть женской одежды тоже были, видимо, примером кавказского влияния на культуру терских черкесов [Олеарий 1906: 426; Стрейс 2010: 215]. Русские заимствования проявлялись только в некоторых элементах. Самые знатные черкесы носили подаренные им в Москве предметы одежды. Муцал ходил «в дорогом русском платье, вышитом золотом и жемчугом», а у его матери был кафтан или халат, подбитый собольим мехом [Олеарий 1906: 408, 426]. Но подобные предметы одежды встречались редко.

Из кавказских традиций упоминается обычай платить выкуп за невесту, а также левират, когда брат женился на вдове своего умершего брата, обычай царапать лоб, грудь и руки во время похорон и др. Аталычество, согласно которому ребенка воспитывают приемные родители, сохранялось в слободах, и оно связывало разные народы Кавказа. Например, аталыком кабардинских князей Шолоха и Муцала Черкасских был окочанин Бикша Алеев [КРО 1957: 158, 236]. Еще одним обычаем было куначество, которое соединяло жителей Черкасской слободы и персидских купцов [КРО 1957: 253].

Кабардинцы, окочане, татары, населявшие слободы при Терском городе, были мусульманами. В Черкасской слободе была мечеть [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1642. Д. 1. Л. 229]. Но наряду с исламом у них сохранялись архаичные верования и ритуалы.

Олеарий описывает, что по случаю смерти знатного человека черкесы собирались в поле, приносили в жертву козу, насаживали ее шкуру на длинный шест. На могилах они ставили колонны или же строили дома, которые, как он пишет, были значительно лучше их домов для живых людей [Олеарий 1906: 517–519; Стрейс 2010: 216].

Торговля в Терках началась с первых лет существования города, хотя первоначально ее обороты были незначительными. Тем не менее, в город приезжали торговать жители Дагестана, Грузии, Персии [Белокуров 1906: 79, 418, 419; Веселовский 1890: 279; 1898: 633]. Торговлей занимались и жители Терок. Некоторые стрельцы или пушкари продавали «на татарском базаре» вещи «из государственной казны» (видимо, по поручению воевод). Это были кожи, меха, медная посуда, одежда и даже «рыбий зуб». Покупателями часто тоже были стрельцы, пушкари, сотники, «дети боярские», но также и «татары», торговцы из Персии («тезики») [Русско-чеченские...1997: 85, 86, 90]. Дважды в неделю в Терках проводились базарные дни [Стрейс 2010: 214].

Но торговля терских ратных людей этим не ограничивалась. Они могли закупать и сбывать товары и за пределами своего города. Терские стрельцы и пушкари ездили торговать в Дербент и даже в Шемаху [Русско-дагестанские...1959: 105, 114]. Точно так же окочане, жившие в Терском городе, ездили как в Дербент, так и в Астрахань и другие города России для торговли. Это тоже одна из особенностей Терского города, следствие его географического положения.

Торговлей занимались также жившие в Терках кабардинские князья, точнее, их люди. Согласно царским указам, Шолох и Муцал Черкасские, а также Татархан и Тонжехан Араслановы имели значительные льготы при уплате таможенных пошлин как в Терках, так и в Астрахани [КРО 1957: 142, 280–281]. В 1638 г. челобитную об ограничении торговых пошлин подали мурзы Ильдар и Кельмамет и получили согласие [КРО 1957: 172–173]. В 1651 г. Муцал Сунчалеевич просил освободить своих узденей, находившихся в Москве, от таможенных пошлин [КРО 1957: 301]. Такие же просьбы подавали и дагестанские правители и купцы: в 1627 г. это сделали кумыкский посол Томулдук и купец Фархат [Русско-дагестанские...1958: 81–82]. В 1631г. шамхал Ильдар получил право на беспошлинную продажу товаров до 600 рублей [Русско-дагестанские...1958: 92–93]. В 1635 г. посол кайтагского уцмья получил от царя право продавать свои товары в Москве беспошлинно [Русско-дагестанские...1958: 128–129]. У торговых людей, действовавших от имени мурз, бывали конфликты в Терках и в Астрахани из-за того, что они пытались провезти с собой товары на слишком большую сумму – на тысячи рублей вместо положенных трехсот и не хотели платить пошлины [КРО 1957: 280–283].

Но на Северном Кавказе существовало и немало препятствий для развития торговли. В 1622 г. русские торговые люди жаловались на шамхала, который брал с них большие пошлины, насильно отбирал лучшие товары. Если по дороге в Персию торговые суда из-за непогоды останавливались в кумыкской земле, то шамхал забирал у них налог в 10%, а его люди брали в плен терских жителей и казаков и продавали их в горы или даже убивали [Русско-дагестанские...1958: 74, 105, 114].

В свою очередь, в 1641 г. тарковский шамхал Суркай жаловался на терских людей, требовал, чтобы они перестали брать пошлины с его подданных, в противном случае он вдвое больше пошлин будет брать с жителей Терского города. Когда в 1642 г. в Черкасскую слободу приехали люди Суркая с товарами, а таможенный голова и целовальники пришли для того, чтобы их осмотреть, то им не только не дали ничего осматривать, но били их. Как писали терские воеводы, так тарковцы вели себя каждый раз в Терках [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1642. Д. 1. Л. 71–72]. Эндирейский Казаналп жаловался на то, что терский таможенный голова и целовальники брали лишние налоги с людей его, били их [РГАДА. Ф. 115.

Оп. 1. Д. 1644. Д. 5. Л. 496]. Тем не менее торговля сохранялась и видимо, даже развивалась. 1670–80 гг. появляется значительно больше, чем в предыдущее время, известий о проезде через Астрахань стрельцов, людей терских мурз, а также окочан с товарами в Терки [Архив СПб ИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 7008, 7010, 7039, 7040, 7046, 7054].

Появление Терского города, присяга царям, которую приносили жители Кавказа, создали совершенно новую политическую ситуацию в регионе. Князья, мурзы, уздени, окочане Терского города несли военную службу, получали жалованье, и должны были во всем подчиняться царским указам, а без этих указов они не могли предпринимать сколько-нибудь важные действия. Однако они не всегда дожидались царских распоряжений. В 1616 г. поехал из Терка «для добычи самовольством Сунчалей князь Янгличев». А с собою он взял сотника стрелецкого Луку Вышеславцева с конными стрельцами [Дзамихов 2008: 538]. Сунчалей командовал черкесами и окочанами, жившими при Терском городе, он должен был следить за выполнением законов и указов, но вместо этого он сам их нарушал. Впоследствии его сына Муцала неоднократно обвиняли в том, что он действует, не дожидаясь царских указов.

Другие кабардинские князья и мурзы постоянно обращались за помощью к царю и терским воеводам. В 1634 г. году мурза Кельмамет просил защитить его от князя Шолоха Сунчалеевича Черкасского, который тогда был князем над черкесами и окочанами Терского города, а также от мурз Казыевой Кабарды [КРО 1957: 152–154].

В 1634 г. мурза Кельмамет Куденекевич Черкасский подал челобитную на узденя князя Шолоха Бикшу Алеева, который говорил о том, что может его убить. Они занимали разные ступени в сословной иерархии, и после такой угрозы уздень не должен был остаться в живых. Однако в Терском городе Кельмамет ограничился подачей челобитной. Но уздень не остался безнаказанным, только ему пришлось нести ответственность уже в соответствии с другой правовой системой. Согласно царскому указу, Бикшу Алеева приказано было бить кнутом и сослать в Казань в тюрьму. Известно, что указ был выполнен [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1635. Д. 1. Л. 54]. Но спустя некоторое время уздень вернулся в Терки.

В 1643 г. Муцал Сунчалеевич в своей челобитной жаловался на Канбулата Пшимаховича. Его уздень Касбулат убил узденя Созорука, приехавшего из Кабарды в Терки. Муцал требовал, чтобы Канбулат Пшимахович явился в Терскую съезжую избу и предстал перед царскими воеводами [КРО 1957: 242]. Складывались совершенно иные, чем существовавшие ранее, способы разрешения конфликтов.

В XVII в. изменялись обычаи не только черкес или окочан, живших в городе Терки, но и русские обычаи. В 1639 г. приходили в съезжую избу Муцал и Татархан Араслановы, а также дети боярские, стрельцы, казаки и иноземцы: черкасы и окочане, и новокрещены и говорили о том, что они ездят на охоту или рыболовство, на сенные покосы или на лесные промыслы, на торговлю. В это время жители аула Эндирей нападали, грабили их, убивали и брали в плен. Терским жителям приходилось выкупать себя по 30 и по 40 рублей. В ответ на эту жалобу воеводы получили царскую грамоту, которая разрешала им делать с жителями этого аула то же, что они делали с «государевыми» людьми [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1643. Д. 1. Л. 68–69]. Русские жители города и даже царь готовы были изменять юридические нормы для того, чтобы прекратить нападения. В 1641 г. была написана общая челобитная от священников Терского города и соседнего монастыря, от стрельцов, детей боярских, казаков, и в то же время от кабардинских мурз Кельмамета и Татархана Арасланова на Эндирейских, а также на тарковских и ногайских людей. Они нападали на жителей Терки и казаков, убивали их, брали в плен, отгоняли скот. Пленных приходилось потом выкупать по сорок и по пятьдесят рублей за человека. Иногда их продавали в дальние земли, где они «пропадали безвестно». Для того чтобы прекратить подобные нападения, терские люди просили

разрешения у этих Эндирейских, тарковских и ногайских людей «по их бусурманской вере имать баранту» [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1641. Д. 1. Л. 64–65]. Баранта – один из известнейших обычаев народов Северного Кавказа. В данном случае имелось в виду, что жители Терского города должны были получить право захватывать скот своих противников, а возможно, и их самих, чтобы прекратить их нападения. Такой обычай использовали служившие в Терках кабардинские мурзы, когда речь шла об их конфликтах с жителями Кавказа [КРО 1957: 247, 254–255]. Но и русские жители города готовы были принять такой порядок для того, чтобы защитить себя от нападений своих соседей.

Терские воеводы и другие должностные лица делили жителей Терского города на две основные категории – русских людей и иноземцев. Соответственно и город делился на основную часть, где жили русские люди, и слободы, заселенные иноземцами. Среди них были черкесы, окочане, новокрещены, татары. Слободы появились почти одновременно с городом и существовали на протяжении всей его истории. Русских людей и иноземцев связывала военная служба. Многие из них (и стрельцы, и уздени, и окочане, и новокрещены) принимали участие в военных действиях. Они вместе стояли на страже вокруг города и в его окрестностях, они провожали послов в Грузию и т.д. Проживание в городе приводило к развитию общих форм хозяйства, таких как рыболовство, скотоводство, лесные промыслы, заготовка корня марены и т.п. Пребывание в рамках одной социально-политической структуры приводило к сближению их правовых норм и образа жизни.

Список источников и литературы

АИ 1838 – Акты Исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 3. Санкт-Петербург: В тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1838. 501 с.

АИ 1842 – Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 4. Санкт-Петербург: в Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг., 1842. 539 с.

Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН.

Белокуров 1889 – *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеч. из Моск. глав. архива М-ва иностр. дел. Вып. 1.: 1578–1613. Москва: Унив. Тип., 1889. 584 с.

Веселовский 1890 – *Веселовский Н.И.* Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. Санкт-Петербург: Тип. Яблонский и Перотт, 1890. 453 с.

Веселовский 1898 – *Веселовский Н.И.* Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 3. Санкт-Петербург: Тип. Яблонский и Перотт, 1898. 731 с.

Веселовский 1911 – *Веселовский С.Б.* Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. // Общество истории и древностей российских. Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Т. 3. Москва, 1911. С. 42–43.

Витсен 2010 – *Витсен Николаас.* Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Амстердам: Pegasus, 2010. Т. 2. С. 626–1225.

Дзамихов 2008 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги: веки истории. Нальчик: Эльбрус, 2008. 814 с.

КРО 1957 – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах / Ред. Т.Х. Кумыков, Е.Н. Кушева. Т. 1. Москва: Академия наук, 1957.

Книги разрядные... 1853 – Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные с высочайшего соизволения. Т. 1. Санкт-Петербург: В тип. II отд-ния Собственной Его Императорскаго Величества канцелярии, 1853. 1380 стб.

Конев 2014 – *Конев А.Ю.* Колониальный дискурс имперских классификаций: истории о термине «иноземцы» в отношении народов Сибири // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6-1 (44). С. 81–86.

Котов 1958 – *Котов Ф.* Хождение купца Федота Котова в Персию. М.: Изд-во Вост. лит., 1958. 111 с.

Кушева 1963 – *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М.: Изд. Академии наук, 1963. 371 с.

Олеарий 1906 – *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: А.С. Суворин, 1906. 528 с.

Опарина 2007 – *Опарина Т.А.* Иноземцы в России в XVI–XVII. Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.;

Российский государственный архив древних актов.

Русско-дагестанские отношения 1958 – Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. (Документы и материалы). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958.

Русско-чеченские 1997 – Русско-чеченские отношения: Вторая половина XVI–XVII в.: Сб. док. / Выявление, сост., введ., коммент. Е.Н. Кушевой. Москва: Изд. Вост. лит., 1997.

Сметный список 1989 – Сметный список военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне, XVII – первая половина XVIII в. Москва: Б.и., 1989. 181 с.

Стрейс 1935 – *Стрейс Я.Я.* Три путешествия. М.: Соцгиз, 1935. 415 с.

Эвлия Челеби 1979 – *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения Турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. В. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. 287 с.

References

Akty Istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoy komissieju. T. 3. [Acts of History, Collected and Published by the Archeographic Commission Vol. 3]. Sankt-Peterburg: V tip. Jekspedicii zagotovlenija gos. Bumag: 1838, 501 p. (In Russian)

Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye arheograficheskoy komissieju. T. 4. [Acts of History, Collected and Published by the Archeographic Commission. Vol. 4]. Sankt-Peterburg: v Tip. Jekspedicii zagotovlenija gos. Bumag: 1842, 539 p. (In Russian)

Arhiv Sankt-Peterburgskogo Instituta istorii RAN [Archive of the St. Petersburg institute of history of RAS].

VESELOVSKIJ N.I. *Pamjatniki diplomaticheskikh i torgovykh snoshenij Moskovskoj Rusi s Persiej.* T. 1. [Monuments of diplomatic and commercial relations of Moscow Russia with Persia. VOL. 1]. Sankt-Peterburg: Tip. Jablonskij i Perott, 1890. 453 p. (In Russian)

VESELOVSKIJ N.I. *Pamjatniki diplomaticheskikh i torgovykh snoshenij Moskovskoj Rusi s Persiej.* T. 3. [Monuments of diplomatic and commercial relations of Moscow Russia with Persia. VOL. 3]. Sankt-Peterburg: Tip. Jablonskij i Perott, 1898, 731 p. (In Russian)

VESELOVSKY S.B. *Smety voennykh sil Moskovskogo gosudarstva 1661–1663 gg.* [Estimates of the military forces of the Moscow state 1661–1663]. IN: Obshhestvo istorii i drevnostej rossijskikh. IN: Chtenija v Imperatorskom obshhestve istorii i drevnostej Rossijskikh pri Moskovskom universitete. T. 3. Moscow: Moscow University, 1911. P. 42–43. (In Russian)

VITSEN NIKOLAAS. *Severnaja i Vostochnaja Tartarija, vključajushhaja oblasti, raspoložhennye v severnoj i vostočnoj chastjah Evropy i Azii* [Northern and Eastern Tartaria, including areas located in the northern and eastern parts of Europe and Asia. Vol. 2]. Amsterdam: Pegasus, 2010. T. 2. P. 626–1225. (In Russian)

DZAMIHOV K.F. *Adygi: vehi istorii* [Adygs: milestones of history]. Nal'chik: Jel'brus, 2008. 814 p.

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. [Kabardino-Russian relations in the XVI–XVIII centuries. Documents and materials in 2 volumes] / Red. T.H. Kумыков, E.N. Kusheva. T. 1. Moskva: Akademiya nauk, 1957. 478 p. (In Russian)

Knigi razrjadnye, po oficial'nym onyh spiskam izdannye s vysochajshego soizvolenija T. 1 [Books are discharge, according to official lists published with the highest permission. Vol 1] Sankt-Peterburg: V tip. II otd-nija Sobstvennoj Ego Imperatorskago Velichestva kanceljarii, 1853. 1380 stb. (In Russian)

KONEV A.Ju. *Kolonial'nyj diskurs imperskikh klassifikacij: istoriki o termine «inozemcy» v otnoshenii narodov Sibiri* [Colonial discourse of imperial classifications: historians about the term “foreigners” in relation to the peoples of Siberia] IN: Istoricheskie, filosofskie,

politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 6-1 (44). P. 81–86. (In Russian)

KOTOV F. *Hozhenie kupca Fedota Kotova v Persiju* [The journey of the merchant Fedot Kotov to Persia]. M., 1958: izd-vo Vost. lit.. 111p. (In Russian)

KUSHEVA E.N. *Narody Severnogo Kavkaza i ih svyazi s Rossiej: vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII veka*. [Peoples of the North Caucasus and their relations with Russia: the second half of the XVI – 30 years of the XVII century]. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk, 1963. 371 p. (In Russian)

OLEARIJ A. *Opisanie puteshestvija v Moskoviju i cherez Moskoviju v Persiju i obratno* [Description of travel to Muscovy and through Muscovy to Persia and back]. SPb.: A.S. Suvorin, 1906. 528 p. (In Russian)

OPARINA T.A. *Inozemcy v Rossii v XVI–XVII. Oчерki istoricheskoi biografii i genealogii* [Foreigners in Russia in the XVI–XVII. Essays on historical biography and genealogy]. M.: Progress-Tradicija, 2007. 384 p. (In Russian)

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

Russko-dagestanskije otnosheniya XVII – pervoj chetverti XVIII v. (Dokumenty i materialy) [Russian-Dagestani relations of the XVII – the first quarter of the XVIII century (Documents and materials)]. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1958. 336 p. (In Russian)

Russko-chechenskije otnosheniya: Vtoraya polovina XVI–XVII v.: Sbornik dokumentov [Russian-Chechen relations: The second half of the XVI–XVII centuries: Collection of documents] / Vvyavlenie, sost., vved., komment. E.N. Kushevoj. Moskva: Izd. Vost. lit., 1997. 415 p. (In Russian)

Smetnyj spisok voennyh sil Rossii 1651 g. [Estimated list of Russian military forces in 1651]. IN: Dvorjanstvo Rossii i ego krepostnye krest'jane, XVII – pervaja polovina XVIII v. Moskva: B.i., 1989. 181 p. (In Russian)

STREJS Ja.Ja. *Tri puteshestvija* [Three journeys]. M.: Socjgiz, 1935. 415 p. (In Russian)

JEVLIIJA CHELEBI. *Kniga puteshestvija (Iz vlechenija iz sochinenija Tureckogo puteshestvennika XVII veka)* [Travel Book (Extracts from the work of the 17th century Turkish traveler)]. Perevod i kommentarii. V. 2. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ja i Podon'ja. M.: Nauka, 1979. 287 p. (In Russian)

Информация об авторе

И.Х. Тхамокова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнологии и этнографии.

Information about the authors

I.Kh. Tkhamokova – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Department of Ethnology and Ethnography.

Статья поступила в редакцию 18.11.2024; одобрена после рецензирования 01.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 18.11.2024; approved after reviewing 01.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Научная статья

УДК 94:357.11(470.6)«15»

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-38-48

МИГРАЦИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИЮ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Наталья Владимировна Варивода

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, variks1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2980-9212>

© Н.В. Варивода, 2024

Аннотация. В статье рассматриваются миграционные процессы на территории Северо-Западного Кавказа, связанные с расширением казачьей колонизации региона в первой половине XIX века. Автор акцентирует внимание на актуальность проблемы пополнения Кавказского линейного войска, создание Лабинской кордонной линии. Определяются основные колонизационные элементы, анализируется социальный и национальный состав переселенцев, выявляются районы их выхода. Показывается доминирующая роль в формировании линейного казачества Кубани выходцев из южнорусских однодворческих населенных пунктов. Прослеживается динамика роста численности прибывающего в регион населения, а также процесс образования новых населенных пунктов.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, Кубань, Лабинская кордонная линия, Черноморская кордонная линия, Кавказское линейное казачье войско, колонизация, миграция, казачество, крестьяне, однодворцы, малороссы, великороссы

Для цитирования: Варивода Н.В. Миграция восточнославянского населения на территорию Северо-Западного Кавказа в первой половине XIX в. // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-2 (63). С. 38–48. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-38-48

Original article

MIGRATION OF THE EAST SLAVIC POPULATION TO THE TERRITORY OF THE NORTH-WEST CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Natalia V. Varivoda

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, variks1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2980-9212>

© N.V. Varivoda, 2024

Abstract. The article examines migration processes in the North-West Caucasus associated with the expansion of Cossack colonization of the region in the first half of the XIX century. The author focuses on the relevance of the problem of replenishment of the Caucasian linear army, the creation of the Labinsk cordon line. The main colonization elements are determined, the social and national composition of the settlers is analyzed,

and the areas of their exit are identified. The dominant role of immigrants from southern Russian single-household settlements in the formation of the Kuban linear Cossacks is shown. The dynamics of growth in the number of people arriving in the region, as well as the process of formation of new settlements are traced.

Keywords: North-West Caucasus, Kuban, Labinsk cordon line, Black Sea cordon line, Caucasian linear cossack army, colonization, migration, cossacks, peasants, single-household settlers, Little Russians, Great Russians

For citation: Varivoda N.V. Migration of the East Slavic population to the territory of the North-West Caucasus in the first half of the XIX century. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 4-2 (63): 38–48. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-38-48

Процесс колонизации Северного Кавказа в начале XIX в. не прекращался. Росийская администрация прекрасно отдавала себе отчет в том, что без дальнейшего заселения региона выходцами из других губерний хозяйственно-экономическое и политическое освоение этих мест невозможно. Основным способом внутренней колонизации и наращивания военного присутствия России в приграничных районах стало перемещение части ее населения на окраины. Среди стратегически важных участков, подлежащих заселению, был Северо-Западный Кавказ.

К 1802 г. численность населения Черномории достигла уже 23 579 душ м. п. и 9144 душ ж. п., однако этого количества населения было недостаточно для решения тактических и стратегических задач военно-колонизационного характера [Сазонова 2010]. Высокая смертность переселенцев от болезней и лишений, потери в военных столкновениях уже в начале XIX в. требовали срочных мер по увеличению населения. Ощущалась острая нехватка в способных к военной службе людях.

Решить проблему малочисленности населения Черноморского казачьего войска правительство Российской империи попыталось, организовав три массовых переселения (1809–1811, 1821–1826, 1848–1849 гг.) преимущественно государственных крестьян (98,3%) из малороссийских губерний: Полтавской, Черниговской, а позднее из Харьковской и Киевской. Все издержки на передвижение и водворение украинских выходцев покрывались средствами войсковой казны. Переселенцам предоставлялись в пользование участки земли, полная (наравне с проживающими здесь черноморцами) свобода хозяйственной деятельности и льготы по отбыванию государственных повинностей на 2–3 года [Сазонова 2010].

В 1809–1811 гг. с одобрения правительства на Кубань переселилось 41635 человек [Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. 1996: 179]. В основном это были малороссийские казаки и государственные крестьяне. Вызов переселенцев на Кубань в значительной мере усилил подвижность населения и придал народной колонизации более широкий размах.

Только с июня по ноябрь 1809 г. в Черноморию прибыло из Полтавской и Черниговской губерний 19840 человек [Фелицын, Щербина 1996: 66]. Отчеты Полтавского и Черниговского губернаторов позволяют установить удельный вес этих губерний в деле заселения Черномории в 1809–1811 гг. Подавляющую часть выходцев была из Полтавской (78,4%) и Черниговской губерний (21,6%) [Сазонова 2010]. Как видим, Черниговская губерния играла вспомогательную роль. Впрочем, она всегда шла на втором месте как в деле заселения Черномории, так и Новороссии.

Переселенцы оседали в селениях Кушевском, Кисляковском, Брюховецком, Переяславском, Васюринском, Деревянковском, Уманском и др. Вследствие притока поселенцев и внутреннего перераспределения населения в 1809-1812 гг. возникают станицы Новокорсунская, Новоджерелиевская, Новотитаровская, Ахтанисовская.

Несмотря на трудности, переселившиеся в начале XIX в. выходцы из Украины органически вливались в ряды жителей Черноморского казачьего войска, становились его частью и наравне с остальными делили все тяжести и радости приграничной жизни.

Эпидемические болезни, особенно холера, сильно сокращали население, а цинга и лихорадка, как отмечал И. Попко, «если не истребляют, то заметно прореживают народонаселение» [Попко 1998: 140]. Убыль населения была настолько большой, что требовались новые срочные меры к его увеличению. Особенно велики были потери казаков во время активных военных действий и болезней в 20–40-х годах XIX в.

Потребности в дополнительном населении оставались огромными, хотя общая его численность и достигала уже 65028 человек [Чекменев 1967: 34]. Производивший в 1820 г. ревизию Черномории генерал-майор П.Д. Киселев, предлагал переселить сюда еще 25 тысяч украинских казаков. Обосновывая необходимость нового массового переселения казаков из Полтавской и Черниговской губерний, царское правительство предусматривало не только разрешение задачи заселения малолюдного края, но и удовлетворение растущих стремлений помещиков этих губерний к расширению своего землевладения и некоторому сокращению земельной нужды казенного крестьянства.

В соответствии с решением правительства А.П. Ермолов уже в октябре 1820 г. предложил атаману Матвееву отвести земли новым переселенцам. В мае 1821 г. в письме к Вельяминову он требовал ускорить назначенное переселение 12384 д. об. п. из Черниговской и Полтавской губерний [Щербина 1992: 501].

Второе массовое пополнение населения Черномории из Полтавской и Черниговской губерний проходило неудачно, сопровождалось голодом и высокой смертностью переселенцев. Уменьшение доходов лишало войсковую администрацию возможности помогать продовольствием прибывающим украинцам. Массовое переселение на Кубань украинских казаков началось осенью 1821 г. и продолжалось всю зиму. К концу года из указанных губерний было уже переселено 29150 душ об. п., а на 10 января 1822 г. – 30305 д. об. п. За 1821–1824 гг. в Черноморию переселилось 48382 человек (24679 д. м. п. и 23703 д. ж. п.) [По страницам истории Кубани 1993: 76]. Население края увеличилось вдвое. Переселенцев размещали как в старых, так и в новых селениях. В связи с этим переселением в крае возникают новые станицы: Елизаветинская, Марьянская, Нововеличковская, Новодеревянковская, Новошербиновская, Павловская. Только в 1822 г. здесь появились 17 новых станиц [Кубанские станицы 1967: 18].

Правительственное переселение на Кубань в начале 20-х годов, однако, далеко еще не разрешило вопроса заселения края. Черномория по-прежнему нуждалась в дополнительных контингентах населения. Убыль его оставалась огромной. В отношении графа Паскевича к военному министру Чернышеву 5 февраля 1831 г. указывалось, что за 40 предшествующих лет население Черномории уменьшилось на 1/6 часть [Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией 1878: 925]. Он предлагал провести ряд мер, в том числе увеличить ее население еще на 25 тыс. д. м. п., прекратить откомандирование полков в другие районы страны, выдать значительные суммы в порядке помощи, провести ряд мероприятий по улучшению службы казаков и офицеров и пр. Однако практического осуществления этот вопрос в то время из-за сложившегося внутреннего и международного положения не получил. Следовательно, вопрос о заселении края по-прежнему оставался открытым и требовал его разрешения. Увеличение населения Черномории, помимо естественного прироста, проходило, как и раньше, стихийно. Основное население Черномории сосредоточивалось в Екатеринодарском округе, в котором вместе с городом проживала почти половина населения всего края. В 1841 г. из 121536 человек здесь насчитывалось 56950. В это время в войске насчитывалось уже 58 куреней (станций) и 1544 хутора. В 1847–1849 гг. сюда переселилось еще 9 тыс. семейств. Интересно, что к Черниговской и Полтавской губерниям – традиционному региону, дающему переселенцев в Черноморию с конца XVIII в., теперь добавляется, хотя и с более скромными показателями, Харьковская губерния [Кабузан 1996: 77].

Прибывшие переселенцы были расселены в станицах Таманского и Екатеринодарского округов. Возникли станицы Должанская и Камышевская. В них поселилось 400 семей переселенцев. Это был уже новый этап заселения края. И, наконец, в 1856 г. в Черноморском войске уже насчитывалось 164449 д. об. п., 63 станицы, 5 поселков и до 3-х тысяч хуторов [Трехбратов 2000: 142].

Для обеспечения безопасности слабозаселенных участков Кубанской линии, в первую очередь участка между станицами Усть-Лабинской и Кавказской, сюда в 1802 г. было переселено 862 семьи (3277 человек) Екатеринославского казачьего войска, переименованных в 1796 г. в гражданское звание. Они основали станицы Тифлисскую (181 семья), Ладожскую (232 семьи), Казанскую (223 семьи), Темижбекскую (226 семей). Жители этих станиц «предпочли спокойной жизни однодворцев переселение в беспокойный край из-за сохранения дорогого им казачьего звания» [Бурыкина 2006: 20]. Эти поселенцы составили основу Кавказского казачьего полка, штаб которого находился в станице Тифлисской.

В отличие от Черномории, где преобладали выходцы с Украины, на Старой линии большинство составляли русские поселенцы.

Заселение осуществлялось не только казаками, но и другими группами переселенцев, в том числе государственными крестьянами с зачислением их в казаки. В 1804 г. переселившиеся на Кубань украинские однодворцы (378 душ мужского пола) основали станицу Воронежскую. В 1825 г. власти переселяют на Кубанскую линию 4227 казаков Хоперского и Волжского полков, к этому времени оказавшихся в тылу линии укреплений [По страницам истории Кубани 1993: 78]. С водворением станиц в верховьях р. Кубани цепь казачьих поселений закрыла Кубанскую линию полностью.

В 1832 г. из Кубанского, Кавказского, Хопёрского полков и из казаков, живших по Тереку, было образовано одно Кавказское казачье линейное войско. В него были зачислены также 17 селений, смежных с казачьими и образованных из однодворцев и отставных солдат. В сентябре 1832 г. население Кавказской линии было пополнено 1300 малороссийскими казаками, переселившимися из Полтавской и Черниговской губерний, а в декабре этого же года – крестьянами 31 казённого селения Кавказской области, обращенными в казачье сословие [Бурыкина 2014: 44].

В 30-е гг. XIX в., опираясь на казачество, военные власти Кавказа выносят систему военных укреплений, кордонов, станиц в Закубанье, на земли, населенные адыгами, в междуречье Лабы и Белой. В 1837 г. генерал Г.Х. Засс представил проект освоения левого берега Кубани и заселения казачьими станицами пространства между реками Кубанью и Лабой [Царева 2008: 15]. В феврале 1837 г. Николай I утвердил разработанный генералом Г.Х. Зассом проект строительства Лабинской (Новой) линии. Первоначально на Лабе были возведены укрепления Зассовское, Михайловское, Темиргоевское, Новодонецкое, Георгиевское, Махоньское. С 1841 г. вблизи укреплений возникают станицы Вознесенская, Лабинская, Чамлыхская, Урунская, ставшие опорными пунктами заселения Закубанья. В 1842 г. на Лабе поселилось еще 6069 человек: кавказские казаки – 3139, малороссийские казаки – 432, донские казаки – 252, солдаты – 1792, государственные крестьяне – 400, дезертиры – 54. Власти широко использовали в качестве колонизационной силы отставных солдат. В 1843 г. были основаны станицы Некрасовская и Тенгинская. К зачисленным в казаки и поселенным на Лабе отставным солдатам в 1853 г. приехали из Саратовской, Воронежской, Рязанской, Тульской губерний 368 человек (члены их семей) [Основные административно-территориальные преобразования на Кубани 1986: 15].

П.П. Короленко отмечал, что поселения эти были чисто военными. «Солдат не спрашивали, желают ли они селиться на передовой линии, их отчисляли от полков, вызывали из прежних мест жительства их жен и детей и водворяли в построенных средствами войск избах, приказав им вместо фронтовой службы

заниматься сельскохозяйственными работами, к чему иные не имели ни охоты, ни способностей. Такая насильственная колонизация признана была неудобной, и в 1848 году решено было не прибегать к насильственным мерам, а водворять на Лабинской линии охотников из женатых нижних чинов регулярных полков Кавказской армии, которые прослужили «во фронте» менее 15 лет. Кроме солдат разрешено было принимать на переселение с зачислением в казачье сословие и других лиц свободного состояния» [Царева 2008: 15].

До учреждения Лабинской линии Кубанская была передовой и подвергалась частым, иногда весьма опустошительным, вторжениям горцев. Капитан Генштаба Забудский отмечал, что «с переселением кордона на Лабу, Кубанская линия сделалась безопаснее от нечаянных вторжений, уже казаки занимаются хлебопашеством без оружия и скот на ночь не загоняют в станицы» [Бурькина 2006: 21].

С горскими набегами женщины-казачки столкнулись уже в первые годы после переселения на Северо-Западный Кавказ. Казачкам было крайне сложно выполнять хозяйственные обязанности вне территории станиц, так как их выезды на работы в поле, на огород, в степь, в лес, на водоем или по другим делам требовали беспрецедентных мер безопасности и были сопряжены с риском для жизни. Так, 10 % пострадавших от горцев женщин попали в плен, были убиты или ранены в результате нападения закубанцев вне населенных пунктов, во время хозяйственных работ на окоlostаничных участках и во время поездок в другие населенные пункты [Цыбульникова 2012: 100].

Так, черноморская казачка Матрона Хандрумайлова, которая «1836 года января 6 дня доставлена при донесении Екатеринодарской карантинной конторы от 5 января за № 21 в дежурство Черноморской линии вымененная от черкес из-за Кубани...», свидетельствовала, что «зовут меня так точно, как выше значится, лет от роду 30-ть, веры православной, у исповеди и причастия святых таен ежегодно бывала, уроженни от отца Павла и матери Селевновых, Войска Черноморского жительна города Екатеринодара, назад тому, не припомню какого числа, в июле месяце прошлого 835 года в первый день Петрова поста я имела отлучку по собственной надобности для нарубки хвороста, в Черном лесе, воротясь оттуда, минувши Елизаветинский курень расстоянием, как полагать, верст 4-ре от онаго вдруг, неизвестно где взялись, 5 человек пеших шапсугов схватили, а ехавшая со мною женщина, по имени и призвании неизвестна, скрылась в камыш, тем спаслась, а меня увезли с собою за Кубань в горы. В ауле мне неизвестном, а называемом Абазсхский, проживши в оном полтора месяца, после того продали далее в горы армянину и двум черкесам абазсхам же, мне неизвестным, за две штуки рогатого скота и медный котел, пробывши в них до того времени, пока явились в горы покупатели русских пленных и армянин Иванес, который, купивши, доставил меня на Екатеринодарский меновой двор. Что же касается до чумной заразы и других болезней в горах, я не заметила и о намерениях горцев напасть на границы наши каких-либо сборищ я не видела, русских же пленных в горах проживает много» [Клычников 2010: 192].

Горские набеги были деструктивным фактором, который дестабилизировал ситуацию на Северном Кавказе. Основной целью нападения горцев на казачек являлось их пленение с дальнейшей продажей или использованием в качестве служанок, наложниц или жен. Главными покупателями «живого товара» являлись другие горцы, турецкие контрабандисты, а также российская сторона, оплачивавшая возвращение пленниц на родину [Цыбульникова 2004: 15].

А.А. Цыбульникова приводит результаты анализа количества пострадавших от агрессии закубанцев казачек Кубани с конца XVIII до середины XIX века, показывая, что подавляющее большинство женщин становились пленницами: взято в плен – 94 % от общего числа пострадавших женщин и девочек, легко ранено при попытке захватить в плен – 1 %, убито и смертельно ранено – 5 % [Цыбульникова 2012: 108].

Заселение линии на Лабе приняло столь широкий размах, что с 1841 г. по 1860 г. здесь было основано 32 станицы. В 1841–1857 гг. на Линии было поселено 400 семейств государственных крестьян, 1549 отставных солдат, 252 донских казака, 54 дезертира и 2830 линейных казаков – всего 5085 семей. Заинтересованные в росте казачьего населения власти Кавказа записывали в казаки государственных крестьян Ставрополя. К 1845 г. на Лабинской линии проживало 17449 человек казачьего сословия, а к 1859 г. население Лабинской линии насчитывало около 30 тыс. человек [Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. 1996: 185].

В 1829 г. по Адрианопольскому договору с Турцией к России отошло Черноморское побережье Кавказа от крепости Анапа до Поти. Эти земли были заселены преимущественно адыгскими племенами. В целях закрепления приобретенных территорий вдоль Кавказского побережья началось строительство укреплений. Создание укреплений на побережье встретило сопротивление горцев. В условиях непрекращающихся военных действий и при отсутствии сухопутных дорог вдоль побережья занятие плацдармов осуществлялось высадкой десантов. 25 июля 1831 г. войска под командованием генерала Берхмана высадились в Геленджикской бухте и начали строительство укрепления.

В это же время началось создание укреплений от Кубани к побережью Черного моря. Еще в 1830 г. были возведены русские укрепления за Кубанью: Мостовое-Алексеевское, Георгие-Афипское на р. Афипс, Шебское на р. Шебш. К сентябрю 1831 г. Геленджикское укрепление было завершено. Для установления сухопутной связи с Черноморским побережьем решено было проложить дорогу от Ольгинского кордона на Кубани через ущелье р. Абин к Геленджику. В Абинском ущелье были основаны укрепления Николаевское на р. Атакуаф (1835 г.), Абинское на р. Абин (1834 г.), Кабардинское на р. Дооби (1836 г.), составившие Геленджикскую укрепленную линию общей протяженностью в 80 верст [Фелицын, Щербина 1996: 166].

Дальнейшее продвижение по побережью происходило посредством строительства опорных военных пунктов. В целом с 1831 г. по 1842 г. на побережье Черного моря было возведено 17 укреплений, составивших Черноморскую береговую линию.

Заселение Черноморского побережья русскими поселенцами началось еще в 1832 г. и встретило огромные трудности. Это явилось следствием военного положения края. Чтобы привлечь переселенцев, царское правительство предоставляло им льготы, освобождало от податей и повинностей. В 1837 г. появляются первые станицы, которые по сути дела представляли собой военные укрепления. Возводятся станицы Витязевская, Благовещенская, а затем Суворовская, Александровская. Укрепления и станицы на побережье постепенно становились центрами торговых связей русских поселенцев и горских крестьян. Население Черноморской береговой линии было сосредоточено главным образом в Анапе и близлежащих станицах и к середине XIX в. составляло 5412 человек.

Ярко выраженный элемент народной колонизации края – беглые крестьяне. Они постоянно пополняли численность населения Кубани вопреки запретам властей. Царское правительство, местная администрация боролись с потоками беглых на Кубань. Вместе с тем правительство прекрасно понимало, что убрать всех беглых с Кубани никто не в состоянии, поэтому время от времени соглашалось на зачисление крепостных в казаки. Более того, местная администрация Черноморского и Кавказского войск, заинтересованная в росте населения и использовании труда беглых в хозяйствах старшин и казаков, смотрела сквозь пальцы на зачисление в казаки беглых. Однако и игнорировать полностью указания властей она не могла. С 1801 по 1805 гг. за пределы войска было выслано 613 беглых крепостных.

В 1800 г., по сведениям войсковых властей, в казаки было зачислено 1264 крепостных и государственных крестьян. В условиях массового заселения края бегство крепостных приобретает черты организованного переселения.

По сведениям войсковой администрации, в 1832 г. число беглых в Линейном войске превышало 10 тыс. человек. Если в 1845 г. население Кубанской линии (Северо-Восточного Прикубанья) насчитывало 52758 человек, то к 1858 г. оно возрастает до 56548 человек и проживает в 36 станицах [Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. 1996: 184].

Бегство, несмотря на активное противодействие помещиков и администрации, продолжалось в течение всей первой половины XIX в. Таким образом, политика царского правительства в отношении беглых на Кубань отличалась двойственностью. С одной стороны, правительство, защищавшее интересы помещиков-крепостников, стремилось пресечь побег крестьян. С другой потребности в росте военного населения заставили его согласиться на пополнение казачества за счет беглых.

Кроме государственных крестьян в процессе широкого межсословного движения участвовали крепостные крестьяне и отставные солдаты. В Черномории процент крепостных был минимальный. Если в 1810 г. крепостных в крае было 0,1% от всего мужского населения, то через 40 лет число крепостных составило 0,6% [Бурыкина 2005: 20].

Отставным нижним чинам регулярных войск, служившим на Кавказе, как и другим невойсковым жителям, было воспрещено водворяться на войсковой земле и без разрешения обзаводиться какой-либо недвижимостью и заниматься скотоводством. Они могли зачисляться в казачье сословие с разрешения войскового начальства, обязуясь приписываться в казаки навсегда и с потомством. Но, несмотря на особые правила об отставных нижних чинах регулярных войск, к 1843 г. оказалось, что многие из последних, оставшихся в Черномории после отставки и женившихся на казачьих вдовах и девицах, обзавелись уже оседлостью и хозяйством [Бурыкина 2005: 21]. Некоторые же из отставных солдат, привыкнув к месту за время долголетней солдатской службы, оставались жить в той же местности. Для них начальством отводилось особое место на принадлежавшей к крепости земле. Постепенно при каждой крепости по Кавказской линии образовывались форштадты из отставных нижних чинов, к которым присоединялись другие лица невойскового сословия.

К 1850 г., благодаря одиночным и массовым причислениям к правофланговым линейным полкам, однодворцы становятся основным социальным компонентом формирующегося линейного казачества Кубани, намного опередив в численном отношении другие категории населения (донские казаки, русские и малороссийские государственные и экономические крестьяне и др.). Казаки однодворческого происхождения стали доминирующим элементом и в ряде закубанских станиц, возникших в 1840–1860-е гг. в ходе военных действий [Матвеев 2004: 11]. Происхождение однодворцев, связанное самым тесным образом с длительной военной службой предыдущих поколений российской государственности, отразилось впоследствии на их быстрой адаптации к пограничной обстановке Северо-Западного Кавказа и большей приспособленности к казачьему укладу жизни.

Формирование населения Кубани осуществлялось не только за счет переселений, но и за счет естественного прироста. Хотя в начале XIX в. население Черноморского войска пополнялось за счет миграции, а естественный прирост отсутствовал. Для Черномории 1820–1825 гг. характерен низкий естественный прирост, который в среднегодовом исчислении на 1000 жителей составлял 3–6 человек. Уровень воспроизводства в Черномории 1811–1840 гг. не только был понижен, но и существенно уступал среднеимперским показателям как по рождаемости, так и особенно смертности. Даже на Ставрополье в 30-е годы естественный прирост был более чем в два раза (12,5%) выше, чем в Черноморье, хотя и уступал среднеимперским результатам [Кабузан 1996: 69].

К середине XIX в. положение изменяется и уровень естественного прироста повышается [Громов 1985: 79]. В 1841–1850 гг. он повысился до 9,3%, но все равно

был невысок и уступал показателям и Кавказской губернии (11,3%), и всей России (10,0%) [Кабузан 1996: 76]. Тем не менее, в условиях затухания миграционного движения естественный прирост здесь выдвигается на первый план в общем приросте всего населения. Именно в 40-е годы, когда наступает новая волна заселения Черноморья, показатели естественного и механического прироста примерно уравниваются.

Доля русских на Северном Кавказе с 1835 по 1858 г. повысилась с 14,6 до 16,5% (с 279,2 до 372,4 тыс. чел.), и они заняли третье место в регионе после адыгов и украинцев. Они остались преобладающим этносом в Ставропольской губернии, хотя процент их здесь снизился (с 85,7 до 63,8%). В Терской области их удельный вес также упал с 23,5 до 21,3%. Зато в Кубанской области, где в 30-е годы русских не было, в 1858 г. проживало уже 142 тыс. русских, что составило 13% ее населения [Кабузан 1996: 81].

Таким образом, в первой половине XIX в. российское правительство проводило политику дальнейшего расширения казачьей колонизации Северо-Западного Кавказа. В течение длительного времени кубанское казачество пополнялось различными группами населения, главным образом, выходцами из внутренних губерний России, и путем зачисления в казачье сословие казенных селений в северокавказском регионе. Линейные казаки принимали активное участие в интенсивном заселении закубанских земель. В Кавказском Линейном казачьем войске происходили как взаимодействие и унификация локальных вариантов южнорусской культурной традиции, так и интенсивные русско-украинские ассимиляционные процессы. Несмотря на большую этническую пестроту, среди кубанских линейцев очевидно ведущее значение южнорусской традиции.

Список источников и литературы

Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией – Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т. 7. Тифлис: типография Главного управления Наместника Кавказского, 1878. 994 с.

Бурыкина 2005 – *Бурыкина Л.В.* Крестьянская миграция на Северо-Западный Кавказ в 20-е–50-е гг. XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 4. С. 20–22.

Бурыкина 2006 – *Бурыкина Л.В.* Расширение военно-казачьей колонизации на Кавказской линии в 90-е г. XVIII – 60-е г. XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 2. С. 20–24.

Бурыкина 2014 – *Бурыкина Л.В.* Политика российского правительства по укреплению Кавказского Линейного казачьего войска в 90-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX вв. // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. Майкоп, 2014. С. 41–54.

Громов 1985 – *Громов В.П.* Роль миграции и естественного прироста населения в заселении Степного Предкавказья в первой половине XIX века // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1985. № 2. С. 76–80.

Кабузан 1996 – *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX–XX вв. СПб.: БЛИЦ, 1996. 223 с.

Клычников 2010 – *Клычников Ю.Ю.* Новые документальные свидетельства о женщинах – жертвах горских набегов в первой половине XIX века // Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна: материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. С.Л. Дударев, Н.Л. Пушкарева. Армавир, 2010. С. 192–196.

Кубанские станицы – Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / Под ред. К.В. Чистова. М.: Наука, 1967. 356 с.

Матвеев 2004 – *Матвеев О.В.* Еще раз об этнических компонентах формирования кубанских казаков-линейцев // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Четвертой международной Кубанско-Терской научно-просветительской

конференции / Под ред. В.Б. Виноградова, С.Н. Лукаша. Краснодар; Армавир, 2004. 178 с. С. 11–12.

Основные административно-территориальные преобразования – Основные административно-территориальные преобразования на Кубани. (1793–1985) / Сост. А.С. Азаренкова и др. Краснодар: Книжное издательство, 1986. 394 с.

Очерки истории Кубани – Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар: Советская Кубань, 1996. 232 с.

По страницам истории Кубани – По страницам истории Кубани (краеведческие очерки) / Под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар: Советская Кубань, 1993. 207 с.

Попко 1998 – *Попко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооруженной силы и службы. В 2-х частях. Краснодар: Советская Кубань, 1998. 192 с.

Сазонова 2010 – *Сазонова С.Е.* Переселение украинцев на Северный Кавказ и их социокультурная адаптация: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Армавир, 2010. URL: <http://www.dissercat.com/content/pereselenie-ukraintsev-na-severnyi-kavkaz-i-ikh-sotsiokulturnaya-adaptatsiya#ixzz58ykrusFf> (дата обращения: 22.07.2024).

Трехбратов 2000 – *Трехбратов Б.А.* История Кубани с древнейших времен до начала XX в. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 2000. 440 с.

Фелицын, Щербина 1996 – *Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А.* Кубанское казачье войско. Краснодар: Советская Кубань, 1996. 480 с.

Царева 2008 – *Царева Л.С.* Новая Линия: [о заселении Закубанья (Лабинская Мало-Лабинская, Урупская, Адагумская, Верхнее – Кубанская линии) 1839–1864 гг.: к 150-летию основания Урупской кордонной линии и поселению на ней шести станиц Кавказского Линейного казачьего войска]. Краснодар: кн. изд-во «Картика», 2008. 80 с.

Цыбульникова 2004 – *Цыбульникова А.А.* Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX вв.: специфика повседневной жизни в условиях военного времени. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Армавир, 2004. 28 с.

Цыбульникова 2012 – *Цыбульникова А.А.* Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века: специфика повседневной жизни в условиях военного времени. Армавир: Полипринт, 2012. 236 с.

Чекменёв 1967 – *Чекменёв С.А.* Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX в. Пятигорск: [б. и.], 1967. 352 с.

Щербина 1992 – *Щербина Ф.А.* История Кубанского Казачьего Войска. В 2-х т. Т. 1. Краснодар: Советская Кубань, 1992. 854 с.

References

Akty, sobrannye Kavkazskoj Arheograficheskoy komissiej. [Acts collected by the Caucasian Archaeological Commission] Т. 7. Tiflis: tipografiya Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1878. 994 p. (In Russian)

BURYKINA L.V. *Krest yanskaya migraciya na Severo-Zapadnyj Kavkaz v 20-e–50-e gg. XIX v.* [Peasant migration to the Northwestern Caucasus in the 20s–50s of the XIX century] // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. № 4. P. 20–22. (In Russian)

BURYKINA L.V. *Rasshirenie voenno-kazach'ej kolonizacii na Kavkazskoj linii v 90-e g. XVIII – 60-e g. XIX v.* [Expansion of military Cossack colonization on the Caucasian line in the 90s of the XVIII – 60s of the XIX century.] // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 2. P. 20–24. (In Russian)

BURYKINA L.V. *Politika rossijskogo pravitel'stva po ukrepleniyu Kavkazskogo Linejnogo kazach'ego vojska v 90-e gg. XVIII – 60-e gg. XIX vv.* [The policy of the Russian government to strengthen the Caucasian Line Cossack army in the 90s of the XVIII – 60s of the XIX centuries.] // Kavkazskaya vojna: uroki istorii i sovremennost'. Materialy nauchnoj konferencii. Majkop, 2014. P. 41–54. (In Russian)

GROMOV V.P. *Rol migracii i estestvennogo prirosta naseleniya v zaselenii Stepnogo Predkavkaz'ya v pervoj polovine XIX veka* [The role of migration and natural population growth in the settlement of the Steppe Pre-Caucasus in the first half of the XIX century] // Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo centra vysshej shkoly. 1985. № 2. P. 76–80. (In Russian)

KABUZAN V.M. *Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX–XX vv.* [The population of the North Caucasus in the XIX–XX centuries.]. Spb: BLICz, 1996. 223 p. (In Russian)

KLYCHNIKOV YU.YU. *Novye dokumental'nye svidetel'stva o zhenshchinah – zhertvah gorskih nabegov v pervoj polovine XIX veka* [New documentary evidence about women victims of mountain raids in the first half of the XIX century] // *Zhenshchiny v istorii: nedostayushchie fragmenty istoricheskogo polotna: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* / otv. red. S.L. Dudarev, N.L. Pushkareva. Armavir, 2010. P. 192–196. (In Russian)

Kubanskije stanicy. Etnicheskie i kul'turno-bytovye processy` na Kubani [Kuban villages. Ethnic and cultural processes in the Kuban] / Pod red. K.V. Chistova. M.: Nauka, 1967. 356 p. (In Russian)

MATVEEV O.V. *Eshche raz ob etnicheskijh komponentah formirovaniya kubanskijh kazakov-linejcev* [Once again about the ethnic components of the formation of the Kuban line Cossacks] // *Iz istorii i kul'tury linejnogo kazachestva Severnogo Kavkaza. Materialy Chetvertoj mezhdunarodnoj Kubansko-Terskoj nauchno-prosvetitel'skoj konferencii* / Pod red. V.B. Vinogradova, S.N. Lukasha. Krasnodar; Armavir, 2004. P. 11–12. (In Russian)

Osnovnye administrativno-territorial'nye preobrazovaniya na Kubani. (1793–1985) [The main administrative and territorial transformations in the Kuban. (1793–1985)] / Sost. A.S. Azarenkova i dr. Krasnodar: Kn. izd-vo, 1986. 394 p. (In Russian)

Ocherki istorii Kubani s drevnejshix vremen po 1920 g. [Essays on the history of Kuban from ancient times to 1920] / Pod red. V.N. Ratushnyaka. Krasnodar: Sovetskaya Kuban`, 1996. 232 p. (In Russian)

Po stranicam istorii Kubani (kraevedcheskie ocherki) [Through the pages of the history of Kuban (local history essays)] / Pod red. V.N. Ratushnyaka. Krasnodar: Sovetskaya Kuban`, 1993. 59 p. (In Russian)

ПОПКО I.D. *Chernomorskie kazaki* [Black Sea Cossacks]. Krasnodar: Sovetskaya Kuban`, 1998. 192 p. (In Russian)

SAZONOVA S.E. *Pereselenie ukraincev na Severnyj Kavkaz i ih sociokul'turnaya adaptaciya* [Resettlement of Ukrainians to the North Caucasus and their socio-cultural adaptation]: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Armavir, 2010. URL: <http://www.dissercat.com/content/pereselenie-ukraincev-na-severnyj-kavkaz-i-ikh-sotsiokulturnaya-adaptatsiya#ixzz58ykrusFf> (data obrashcheniya 22.07.2024).

TREXBRATOV B.A. *Istoriya Kubani s drevnejshix vremen do nachala XX v.* [The history of Kuban from ancient times to the beginning of the XX century].– Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2000. 440 p. (In Russian)

FELICYN E.D., SHHERBINA F.A. *Kubanskoe kazach'e vojsko*. [Kuban Cossack army.]. Krasnodar: Sovetskaya Kuban`, 1996. 480 p. (In Russian)

CZAREVA L.S. *Novaya Liniya: o zaselenii Zakuban`ya (Labinskaya Malo – Labinskaya, Urupskaya, Adagumskaya, Verxnee – Kubanskaya linii) 1839–1864 gg.* [The New Line: on the settlement of Zakuban (Labinskaya Malolabinskaya, Urupskaya, Adagumskaya, Verkhneye – Kubanskaya lines) 1839–1864]: k 150-letiyu osnovaniya Urupskoj kordonnoj linii i poseleniyu na nej shesti stanicz Kavkazskogo Linejnogo kazach`ego vojska. Krasnodar: Knizhnoe izd-vo «Kartika», 2008. 80 p. (In Russian)

CYBUL'NIKOVA A.A. *Kazachki Kubani v konce XVIII – seredine XIX vv.: specifika povsednevnoj zhizni v usloviyah voennogo vremeni*. [Cossacks of the Kuban at the end of the XVIII – mid-XIX centuries: the specifics of everyday life in wartime conditions]. Avtoref. diss. ... kand. ist. n. Armavir, 2004. 28 p. (In Russian)

CYBUL'NIKOVA A.A. *Kazachki Kubani v konce XVIII – seredine XIX veka: specifika povsednevnoj zhizni v usloviyah voennogo vremeni*. [Cossacks of Kuban at the end of the XVIII – mid-XIX century: the specifics of everyday life in wartime conditions.] Armavir: Poliprint, 2012. 236 p. (In Russian)

CHEKMENYOV S.A. *Social'no-ekonomicheskoe razvitie Stavropol'ya i Kubani v konce XVIII i v pervoj polovine XIX v.* [Socio-economic development of Stavropol and Kuban at the end of the XVIII and in the first half of the XIX century]. Pyatigorsk: [b. i.], 1967. 352 p. (In Russian)

SHHERBINA F.A. *Istoriya Kubanskogo Kazach`ego Vojska*. [The History of the Kuban Cossack Army] V 2-h t. T. 1. Krasnodar: Sovetskaya Kuban`, 1992. 854 p. (In Russian)

Информация об авторе

Н.В. Варивода – научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the author

N.V. Varivoda – researcher of the sector of modern history.

Статья поступила в редакцию 05.12.2024; одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 05.12.2024; approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-49-55

ПРОДОЛЖАТЕЛИ ДЕЛА УРУСБИЕВЫХ: СЫРОВАРЕНИЕ В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ В НАЧАЛЕ XX в.

Тимур Аликович Дзуганов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

© Т.А. Дзуганов, 2024

Аннотация. В статье изучается процесс становления устойчивых традиций сыроварения в крестьянских хозяйствах Нальчикского округа в начале XX в. Впервые вводимые в научный оборот документы и материалы позволяют глубже проанализировать степень изменений, происходивших в связи с описываемыми событиями в традиционном хозяйственном укладе местного населения, оценить уровень адаптивности крестьянских хозяйств округа к новым экономическим реалиям, степень их восприимчивости к новым методикам и технологиям переработки животноводческой продукции. Изучается роль частного предпринимательства в процессе модернизации производственных процессов, усилении рыночной ориентированности функционирования коммерческих сыроваренных предприятий. Анализируется влияние деятельности передвижных научно-агитационных экспедиций на совершенствование переработки животноводческой продукции. Указывается позитивная роль передвижных станций в деле первичного сбора научных данных о состоянии животноводства в крае. Показано, что уже к началу XX в. в население края активно переходило к механизации процессов производства сыра и маслосырной продукции. Исследование позволяет определить место коммерческого сыроварения в развитии экономики народов Кабарды и Балкарии.

Ключевые слова: Северный Кавказ; XX вв.; Нальчикский округ; Нальчик; предпринимательство; сыроварение; сыроваренный завод; передвижная сыроварня, технологии сыроварения

Для цитирования: Дзуганов Т.А. Продолжатели дела Урусбиевых: сыроварение в Нальчикском округе в начале XX в. // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-2 (63). С. 49–55. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-49-55

Original article

SUCCESSORS OF THE URUSBIYEVS: CHEESE MAKING IN THE NALCHIK DISTRICT IN THE EARLY XX CENTURY

Timur A. Dzuganov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

© Т.А. Dzuganov, 2024

Abstract. The research is devoted to the study of the process of formation of stable traditions of cheese making in peasant farms of Nalchik District in the early twentieth century. The documents and materials introduced for the first time in the scientific turnover allow us to analyze more deeply the degree of changes that occurred in connection with the described events in the traditional economic way of life of the local population. To assess the level of adaptability of peasant farms of the district to new economic realities, the degree of their receptivity to new methods and technologies of processing livestock products. To study the role of private entrepreneurship in the process of modernization of production processes, strengthening the market orientation of the functioning of commercial cheese enterprises. Analyze the influence of the activity of mobile scientific-agitation expeditions on the improvement of processing of livestock products. The positive role of mobile stations in the primary collection of scientific data on the state of livestock breeding in the region is pointed out. It is shown that already by the beginning of the XX century the population of the krai was actively moving to mechanization of the processes of cheese and butter and dairy products production. The study allows us to determine the place of commercial cheese-making in the development of the economy of the peoples of Kabarda and Balkaria.

Keywords: North Caucasus; XX cc.; Nalchik district; Nalchik; entrepreneurship; cheese-making; cheese factory; mobile cheese factory, cheese-making technologies

For citation: Dzuganov T.A. Successors of the Urusbievs' business: cheese making in the Nalchik district at the beginning of the 20th century. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 4-2 (63): 49–55. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-49-55

Социально-экономические реалии пореформенного периода в России поставили перед аграрным населением задачу скорейшей адаптации к развивавшемуся капиталистическому рынку. Нет ничего удивительного в том, что от ее решения зависело не только материальное благополучие традиционного крестьянского хозяйства, но и само его выживание. Разоренные хозяева нанимались в работники к более успешным, либо, вынужденно подавались в большие города, пополняя рынок наемной рабочей силы. Особенно остро этот вопрос встал перед горцами Северного Кавказа, в том числе, и Нальчикского округа Терской Области, где к началу XX в. еще не возникло крупных производств, а потребность в наемной рабочей силе была незначительной. В этих условиях, предприимчивость и смекалка горского крестьянина, его способность к восприятию новых методов хозяйствования, умение наладить собственное коммерческое предприятие, становятся неременным залогом его выживания.

Одним из наиболее ярких проявлений частной предпринимательской инициативы в округе явилось производство сыро-молочной продукции, тесно связанное с традиционным хозяйственным укладом местного населения. Примечательно, что впервые апробирование сыроваренных и смежных предпринимательских практик здесь было осуществлено не крестьянским хозяйством, а наиболее предприимчивыми лицами из числа местной аристократии: А. Мамашевыми, братьями Урусбиевыми, Исмаилом (Дадашем) Балкоруковым. И если к середине 70-х гг. XIX в. промышленное сыроварение в округе было представлено сыроварней А. Мамашева и «сыроваренным заводом» братьев Урусбиевых, организовавшим свое дело с упором на швейцарские технологии, то в начале XX в. в этой отрасли наблюдается определенный рост количества предприятий, увеличение товарного ассортимента.

Историография вопроса, несмотря на всю актуальность проблемы в контексте изучения экономической истории народов Кабардино-Балкарии, недостаточно разработана. Отдельного упоминания в специальной литературе удавалось в основном опыт «сыроваренного завода Урусбиевых», получившего широкую известность благодаря статье в «Вестнике Европы» [Ковалевский, Миллер 1884: 544]. В советской историографии деятельность сыроварни Урусбиевых также воспринималась как пример «нового явления, связанного с эволюцией скотоводства» [Кумыков 1965: 277]. Деятельность Дадаша (Исмаила) Балкорукова

на этом поприще отчасти отражена в работе Т.Ш. Биттировой [Биттирова 2018]. Каких-либо других обобщающих работ по данной проблематике на сегодняшний день не существует. Между тем, изучение данного вопроса позволило бы глубже понять суть процессов, происходивших в горском хозяйстве в пореформенный период и в начале XX в., определить роль и место предпринимательских практик в эволюции традиционного экономического уклада крестьянства Кабарды и Балкарии.

Говоря о положении дел в молочном хозяйстве округа и разворачивающемся процессе его технологического перевооружения, нельзя не отметить важную роль, которую сыграли органы Терской администрации и институтов народного самоуправления – Съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и Кабардинской Общественной Суммы. Ясно осознавая важность разъяснительных мероприятий и пропаганды новых методов переработки молочной продукции, начальник Терской области, с самого начала «сочувственно» отнесся к возможности «устройства школ молочного хозяйства» в Нальчикском округе. Не имея собственных финансовых ресурсов, он тем не менее, «обратив внимание на зарождение производства культурных сортов сыра и масла в горах» в апреле 1901 г., предложил на сборе доверенных кабардинских и горских обществ Нальчикского округа обсудить вопрос о возможном денежном участии из них общественного капитала, в устройстве, при каком либо из местных хозяйств, школы сыроварения и маслоделия [Терские Ведомости 1901: 95]. Собрание доверенных кабардинских и горских обществ Нальчикского округа поддержало эту инициативу и одобрило выделение необходимых на строительство школы сыроварения и средств для стипендии ученикам в полном объеме.

С 1907 г. в округе регулярно действуют передвижные сыро–маслодельные экспедиции. В их задачу, помимо просветительских функций – знакомство местного населения с передовыми технологиями в этой области, входил сбор и анализ данных по состоянию перерабатывающей молочной отрасли горского хозяйства, изучение уровня развития скотоводства и прочие вопросы.

Передвигаясь от села к селу, сотрудники экспедиции вели разъяснительную работу, демонстрируя превосходство сепараторной переработки молока, рассказывали о новых методах в сыроварении и производстве масла. На этих лекциях, по словам Г. Баскакова [Баскаков 1912: 15] кабардинцы охотно говорили о мерах поднятия скотоводства, развитии молочного дела и вообще улучшении их хозяйств, но «в возможность этого они совершенно не верят и не верят с явным предубеждением, что это против воли Бога».

В результате проведенных на месте наблюдений было, например, установлено, что местный скот оказался «малопродуктивным и убыточным для хозяйства». Члены экспедиции отмечали, что если дело скотоводства будет вестись также и дальше, то несомненно оно в недалеком будущем придет к окончательному упадку и восстановить его тогда в требуемой мере будет уже во много раз труднее [Баскаков 1912: 15].

В серьезных преобразованиях нуждалось местное скотоводство. «Живой вес коровы здесь равняется 18 пудов и вола 25–30 п.; средний годовой удой коровы 75–80 п.». По анализам передвижной сыроварни-маслодельни молоко от коров в среднем содержало 3,4 процентов жира. Эта цифра хоть и не выбивалась из средних показателей по Кавказу, тем не менее, не соответствовала требованиям, предъявляемым специалистами-технологами.

Также отмечалось, что помимо крупного рогатого скота, кабардинцы, еще держат буйволов, коз и овец. Буйволы, содержащиеся в кабардинском хозяйстве, достигали от 35 до 45 пудов живого веса; в год буйволица давала до 90 пудов молока, жирность которого, по предварительным замерам специалистов, достигала 9 процентов.

Масло из буйволового молока, отмечал Г. Баскаков, белого цвета, обыкновенно приготовляемое хозяевами имело «привкус», но приготовленное аккуратно и специалистом с трудом отличается от такого же коровьего. Замеры кабардинского тощего сыра из буйволового молока провести не удалось, но следует полагать, что он едва ли будет чем отличаться от коровьего, зато из цельного получается даже без прибавки сливок, отличные сливочные сырки. Принимая во внимание годовой удой и процент жирности молока, следует заметить, что буйволы – далеко не бесполезное в хозяйстве животное и разведение их в хозяйствах здесь в больших размерах представляется вполне выгодным [Баскаков 1912: 16].

Важные данные были собраны членами экспедиции относительно хранения и переработки молочной продукции горцами. Эти сведения рисуют сохранявшийся в начале XX в. консерватизм взглядов и нежелание кабардинцев менять устоявшийся традиционный порядок сохранения молока и технологии производства масла и сыра.

Из молока кабардинцы готовят масло, сыр и айран. Масло готовят, как и везде, но молоко отстаивается не в крынках, а в медных котлах; масло у них как топленое, так и свежее сметанное отличается большою загрязненностью и продается по слишком низким ценам [Баскаков 1912: 15–16].

Особенно большой интерес вызывает зафиксированный автором рецепт приготовления традиционного кабардинского сыра. Сложно найти более полное и подробное, нежели у Г. Баскакова, описание этого процесса, складывавшегося веками. «Простой кабардинский сыр еще до сего времени готовится самым примитивным образом». Из описания становится видно, что цельное или снятое молоко, обыкновенно не процеженное или процеженное сквозь сено или солому, наливали в медный котел и ставили на медленный огонь, а когда молоко нагревалось до температуры в «25–28 градусов», к нему прибавляли своей домашней закваски и слегка помешивали. Молоко с повышением температуры при этом начинало свертываться, а от помешивания сбиваться в куски; куски эти «руками соединяются вместе и когда творог соединится настолько, чтобы не рассыпался, его вынимают, кладут в тряпку, связывают концы тряпки и кладут под доску, на которую наваливают груз. Часов через 5–6, когда сыр отпрессуется, его вынимают, разрезают на два или четыре куса, смотря по величине сыра, так чтобы кусок получался 4 – 6 ф., куски же эти помещают в кадку с рассолом, где сыр и хранится все время. Рассол время от времени меняют; крепость рассола такова, чтобы не тонуло яйцо, в противном случае сыр скоро загнивает» [Баскаков 1912: 16].

Не менее подробно отражены автором приемы приготовления закваски. «Закваска готовится в крынках, макитрах или просто в 1/10 ведра кружках, для чего берут из под творога сыворотки, кладут в нее сычуг, просоленный предварительно и ставят часов на 5–8 в теплое место, с температурой 30–35 градусов по Фаренгейту, а за тем выносят в погреб или холодную комнату; через двое суток закваска употребляется в дело, при чем сычуг из нее никогда не вынимают, а израсходованную жидкость закваски по мере надобности добавляют сывороткой» [Баскаков 1912: 17].

Сыры, приготовленные с помощью такой закваски, как правило, не выдерживали длительного хранения, и ценились на местных рынках «слишком дешево».

Внимание сотрудников передвижной экспедиции привлекло также и производство кисломолочной продукции. Кислое молоко кабардинцы готовят для собственного потребления, и оно у них является для большинства населения главной пищей и особенно в рабочее время, а в случае, если ее не станет, квасят простоквашей или сметаной. Молоко квасят, конечно, больше, чем необходимо для каждого семейства и то молоко, которое через 2–3 дня делается слишком кислым превращают в айран.

Айран хранят большей частью в бурдюках из козьей шкуры и редко в больших кувшинах или бочонках. В бурдюк, или кувшин сливают остающееся от употребления молоко, а также и свежеприготовленную, (туда же сливают и остатки от топленного масла), скотину, а бедняки, так и сыворотку кладут в эту смесь соли, а балкарцы и карачаевцы, кроме того, еще кости барашка и когда посуда наполняется, ее закрывают и оставляют в прохладном месте [Баскаков 1912: 17].

Через неделю – две, а иногда через 1–2 месяца, смотря по надобности употребляют как напиток при приеме гостей, и в поле, в рабочее время. [Баскаков 1912: 18].

В деятельности последующих экспедиций маркетинговые цели превалировали над научно-просветительскими. И хотя разъяснительные беседы с населением продолжались, судя по сохранившимся сведениям, ее участников больше интересовала продажа крестьянам сепараторов и другой продукции.

Состоявшаяся летом 1912 г. экспедиция получила достаточно широкое освещение в местной периодической печати. К 5 июля передвижная сыроварня – маслодельня посетила 8 пунктов – с. Тамбиево, Касаево, Тыжево, Докшукино и русские сел. Новоивановское, поселок Ново-Петропавловский, Баженов и хутор Кандрашинский [Терек 1912: 4364].

Работы сыроварни по демонстрации приготовления сыра и масла во всех пунктах, за исключением села Тамбиево, прошли оживленно, «особенно живой интерес проявило русское население». Кабардинцы, хотя также интересовались молочным делом, но тут возникло неожиданное препятствие – «незнание русского языка не дает им возможности пользоваться беседами с инструктором в той мере, в какой пользуется русское население, а беседы, в которых выясняется значение молочного дела в хозяйствах данной местности, связь его с земледелием, доходность и проч., в связи с наглядными работами, успешнее убеждают население в целесообразности пропагандируемого». Непонятно, почему экспедиция заранее не озаботилась отсутствием в ее рядах переводчиков, и как, в связи с этим, планировалась работа с горским населением. «Кабардинцам, таким образом, приходится наблюдать работы по приготовлению молочных продуктов и пользоваться разъяснениями постольку, поскольку они могут понять, а не сколько хочется вложить им инструктору; однако кабардинцы очень сожалеют, что большая часть их коров угнана в горы на общественные пастбища» [Терек 1912: 4364].

Лекции, а особенно наглядная агитация имели определенный успех преимущественно у русского населения округа. После работ сыроварни в поселке Ново-Петропавловском, крестьянин этого поселка Наум Былим «тотчас же купил себе сепаратор «Перфект N 3» Альфа – Нобеля, но почему-то не за 50, а за 60 руб.». «Коммерческий» уклон в деятельности экспедиции наблюдался и в других населенных пунктах. «Сепаратор куплен в ст. Прохладной и все покупатели жалуются, что против цен каталогов за сепараторы берут здесь на 10–15 рублей дороже, а это сильно тормозит только начинающее развиваться дело» [Терек 1912: 4364].

Первые же опыты использования передовых технологий и оборудования принесли положительные результаты. Так, до покупки сепаратора у Н. Былим «не хватало от 5 коров масла для себя», теперь же, «когда еще не прошло 2 недель, он же побывал два раза с маслом и сыром на базаре в ст. Прохладной. В первый раз он привез 25 фунтов, на 12 р. 50 к., а во второй раз 26 фунтов на 13 руб. масла и всего на 9 рублей тощего сыра, а всего за 2 недели на 34 руб. 50 коп. масла и сыра и это те 34 руб. 50 коп. или около 70 руб. в месяц, которые до покупки сепаратора так аккуратно обходили хозяйский карман». Пример крестьянина с. Ново-Петропавловского Н. Былим наглядно продемонстрировал жителям округа

все преимущества нового способа переработки молока. Особую значимость это обстоятельство приобретало в связи с возможностью для зажиточного крестьянина без особых вложений наладить свое масломолочное производство в кратчайшие сроки. «Особенно всем хозяевам нравится скорая работа при помощи сепаратора, чистота и упрощенный способ приготовления сыров. Ведь только следует вспомнить – сколько хозяйке приходится возиться с кувшинами, их мойкой, выжариванием, разливкой молока, сниманием сливок, а приготовление сыра – это просто мука, здесь же все так скоро и просто и только большое требование в отношении чистоты и опрятности» [Терек 1912: 4364]. «Нужно надеяться, что это обстоятельство послужит примером для других хозяев» – писала газета по этому поводу [Терек 1912: 4364].

Помимо сепараторов, жители округа начинали приобретать другое оборудование, технологии и сопутствующие расходные материалы. Так крестьянин с. Новоивановского Алейнов «выписал закваски, форм для голландского сыра и собирается купить сепаратор» – сообщал автор репортажа [Терек 1912: 4364].

Культурно – просветительская деятельность передвижных сыро–маслоделен безусловно имела важное значение для становления коммерческого производства сыра в округе. Сложно переоценить ее роль в техническом перевооружении крестьянских хозяйств, трансформации традиционного хозяйственного уклада, в целом. М.З. Саблиров по этому поводу отмечал, что крупное скотоводство в этот период находилось в состоянии перестройки под «нужды развивающегося капитализма. Оно имело не только мясное, но и молочное направление. Крупные скотопромышленники основывали маслобойки, сыроварни» [Саблиров 2001: 33].

Возможно, именно собранные этими экспедициями сведения о богатстве местных природно-климатических ресурсах привлекли сюда уже в начале XX в. как зарубежных сыроделов, о чем писали Лейцингер [Лейцингер 1908: 132] и Дубянский [Дубянский 1911: 22–23], так и предпринимателей из других регионов Российской Империи. Как видно из документов, в 1910 г. в 8 верстах от аула Кармово, на арендованном у помещицы Хомяковой на постоянной основе действовал сыроваренный завод, принадлежавший И.Л. Губареву [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Л. 108], являвшегося владельцем собственного «склада сыра и масла» в Новороссийске с отделениями в Батуми, Сухуме, Сочи, Екатеринодаре и Кисловодске.

Эти и другие факты наглядно свидетельствуют, что в начале XX в. в Нальчикском округе одним из устойчивых проявлений частной предпринимательской инициативы стало развитие малых предприятий – сыроварен и маслобоен. Традиция, заложенная еще в 70-х гг. XIX в. первыми промышленниками – сыроделами округа братьями Урусбиевыми, получила продолжение и в начале XX в.

Список источников и литературы

Баскаков 1912 – *Баскаков Гр.* К вопросу об ознакомлении с местным краем // Юго-Восточный хозяин. 1912. № 7. С. 11–28.

Биттирова 2018 – *Биттирова Т.Ш.* Басият Шаханов. Жизнь и творчество (Исследования, тексты). Нальчик. ООО «Печатный двор». 2018. 334 с.

Дубянский 1911 – *Дубянский В.В.* На Эльбрус по Баксану. (Из путевых воспоминаний участников восхождения на западную вершину Эльбруса 3 августа 1908 г.). Пятигорск. 1911. 126 с.

Ковалевский, Миллер 1884 – *Ковалевский М., Миллер В.* В горских обществах Кабарды. Из путешествия Всеv. Миллера и Макс. Ковалевского // Вестник Европы, № 4. 1884. С. 540–589.

Лейцингер 1908 – *Лейцингер Р.* Лето альпиниста // Ежегодник Кавказского горного общества в гор. Пятигорске. Пятигорск. 1908. № 2. Электротпечатня «Сукиасянц и Лысенко». 133 с.

Терек 1912. № 4364. Л. 2.

- Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. 419 с.
- Саблиров 2001 – *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX вв. Нальчик: Адыгэ хэку, 2001. 232 с.
- Терские Ведомости* 1901. № 95. Л. 2.
- УЦГА АС КБР – Управление Центрального Государственного Архива Архивной Службы Кабардино-Балкарской Республики.

References

- BASKAKOV GR. *K voprosu ob oznakomlenii s mestnym kraem* [On the subject of getting to know the local area]. IN: Yugo-Vostochnyi khozyain. 1912. N 7. P. 11–28. (In Russ.)
- BITTIROVA T.SH. *Basiyat Shakhanov. Zhizn' i tvorchestvo* [Basiyat Shakhanov. Life and creativity (Studies, texts).] (Issledovaniya, teksty). Nal'chik. OOO «Pechatnyi dvor». 2018. 334 p. (In Russ.)
- DUBYNSKII V.V. *Na El'brus po Baksanu. (Iz putevykh vospominanii uchastnikov voskhozhdeniya na zapadnyu vershinu El'brusa 3 avgusta 1908 g.)* [To Elbrus by Baksan. (From travel memoirs of the participants of the ascent to the western summit of Elbrus on August 3, 1908).]. Pyatigorsk. 1911. 126 p. (In Russ.)
- KOVALEVSKII M., MILLER V. P. 578. V gorskikh obshchestvakh Kabardy. Iz puteshestviya Vsev. Millera i Maks. Kovalevskogo [In the mountain societies of Kabarda. From the voyage of Vsev. Miller and Max. Kovalevsky]. IN: Vestnik Evropy, № 4. 1884. P. 540–589. (In Russ.)
- LEITSINGER R. *Leto al'pinista.* [Summer of the Mountaineer]. IN: Ezhegodnik Kavkazskogo gornogo obshchestva v gor. Pyatigorske. Pyatigorsk. 1908. N 2. Elektropechatnya «Sukiasyants i Lysenko». 133 p. (In Russ.)
- TEREK 1912. N 4364. P. 2. (In Russ.)
- KUMYKOV T.KH. *Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX veke* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the twentieth century]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. 419 p. (In Russ.)
- SABLIROV M. Z. *Kul'tura narodov Kabardy i Balkarii v kontse XIX – nachale XX vv.* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the XIX century.]. Nal'chik: Aдыгэ хэку, 2001. 232 p. (In Russ.)
- TERSKIE VEDOMOSTI 1901 [Terek statements]. N 95. P. 2. (In Russ.)
- UTsGAAS KBR – Upravlenie Tsentral'nogo Gosudarstvennogo Arkhiva Arkhivnoi Sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki. (In Russ.)

Информация об авторе

Т.А. Дзуганов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии.

Information about the author

T.A. Dzuganov – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Sector of Ancien History and Archeology.

Статья поступила в редакцию 21.11.2024; одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 21.11.2024; approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Научная статья

УДК 811.35

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-56-66

НАТУРОМЕРНЫЕ ЭТАЛОНЫ СРАВНЕНИЯ (на материале кабардино-черкесского, русского и английского языков)

Карина Вячеславовна Ошроева

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский Государственный Университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия, karinzal@yandex.ru, <https://orcid.org/1114541>

© К.В. Ошроева, 2024

Аннотация. Целью исследования является выявление натуромерных эталонов сравнения в трех разноструктурных языках – кабардино-черкесском, русском и английском для сравнительного анализа указанных языковых единиц. Эталонные сравнения или компаративные устойчивые сочетания используются в работе как синонимичные. Обращение к единицам косвенной номинации, каковыми являются исследования эталонных сравнений, вполне вписывается в актуальную проблему реконструкции языковой картины мира. Научная новизна данного исследования заключается в том, что впервые на основе фактического материала кабардино-черкесского языка анализируются натуромерные эталонные сравнения и выводятся культурно значимые параллели, имеющиеся в русском и английском языках. В работе использованы, кроме метода сплошной выборки, методы сравнительного и контекстуального анализа. Систематизации устойчивых компаративных сочетаний в разных языках посвящены работы многих известных лингвистов. В зависимости от цели исследования компаративные сочетания делятся по тематической принадлежности, по их структурным и грамматическим организациям, по типу соединительного слова, используемого в сочетании, по образности, оценочному компоненту и т.д. Исследования показали, что наибольшую группу образуют компаративные сочетания по тематическим принадлежностям базы и цели сочетания. Они же в свою очередь, делятся на отдельные группы. В рамках данной статьи анализу подвергается натуромерная группа устойчивых сравнительных сочетаний, которая представлена одиннадцатью подгруппами. Это сравнения с *зоонимами*: домашними и дикими животными; птицами; насекомыми; представителями подводного мира, пресноводными; пресмыкающимися; грызунами; деревьями, кустарниками; плодами; цветами, злаками, листьями, травой; ландшафтом; природными явлениями. Проведенный анализ материала позволил сделать следующие выводы: эталонизация зоонимов в исследуемых языках проявляет достаточно выраженную тенденцию к универсальности. Между тем, обращает на себя внимание дифференциация признаков референтов, используемых в качестве образов эталонов в разных языках. Кроме того, выявлены соотношения закономерности и случайности в ассоциативном мышлении человека в исследуемых языках.

Ключевые слова: эталонные сравнения, натуромерная группа, компаративы, кабардино-черкесский язык, устойчивые сочетания

Для цитирования: Ошроева К.В. Натуромерные эталоны сравнения (на материале кабардино-черкесского, русского и английского языков) // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-2 (63). С. 56–66. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-56-66

Original article

**NATURAL DIMENSIONAL STANDARDS OF COMPARISON
(based on the Kabardino-Circassian, Russian and English languages)**

Karina V. Oshroeva

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov”, Nalchik, Russia, karinza@yandex.ru, <https://orcid.org/1114541>

© K.V. Oshroeva, 2024

Abstract. The aim of the study is to identify natural dimensional standards of comparison in three languages with different structures – Kabardino-Circassian, Russian and English, for a comparative analysis of these linguistic units. Standard comparisons or comparative stable combinations are used in the work as synonyms. The appeal to units of indirect nomination, which are the studies of standard comparisons, fits well into the current problem of reconstructing the linguistic picture of the world. The scientific novelty of this study lies in the fact that for the first time, based on the factual material of the Kabardino-Circassian language, natural-measure standard comparisons are analyzed and culturally significant parallels existing in the Russian and English languages are derived. In addition to the continuous sampling method, the work uses the methods of comparative and contextual analysis. The works of many famous linguists are devoted to the systematization of stable comparative combinations in different languages. Depending on the purpose of the study, comparative combinations are divided by thematic affiliation, by their structural and grammatical organizations, by the type of connecting word used in the combination, by imagery, evaluative component, etc. Studies have shown that the largest group is formed by comparative combinations by thematic affiliation of the base and the purpose of the combination. They, in turn, are divided into separate groups. Within the framework of this article, the natural-measure group of stable comparative combinations is analyzed, which is represented by eleven sub-groups. These are comparisons with zoonyms: domestic and wild animals; birds; insects; representatives of the underwater world, freshwater; reptiles; rodents; trees, shrubs; fruits; flowers, cereals, leaves, grass; landscape; natural phenomena. The conducted analysis of the material allowed us to draw the following conclusions: the standardization of zoonyms in the studied languages shows a fairly pronounced tendency towards universality. Meanwhile, the differentiation of the features of referents used as images of standards in different languages attracts attention. In addition, the relationships between regularity and randomness in human associative thinking in the studied languages were revealed.

Keywords: standard comparisons, natural-dimensional group, comparatives, Kabardino-Circassian language, stable combinations

For citation: Oshroeva K.V. Natural-dimensional standards of comparisons (based on the Kabardino-Circassian, Russian and English languages). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 4-2 (63): 56–66. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-56-66

Сравнение формирует основу обыденного и научного познания человеком окружающего мира. Оно играет значимую роль в систематизации и структурировании действительности. Выдающийся отечественный лингвист В.В. Виноградов первым обратил внимание на особый тип фразеологических конструкций с союзами-частицами, *как, точно, словно* [Виноградов 1963: 15]. Они воплощают традиционное, национальное понимание слова, используемого в качестве образа. Этим сочетаниям свойственна точность, реалистичность, высокая степень экспрессивности. В результате они приобретают устойчивость и воспроизводимость.

Устойчивые сочетания стали предметом научного интереса многих известных языковедов [Лебедева 1999; Телия 1996; Огольцев 2001; Мокиенко 2008 и др.].

В устойчивых сравнениях находит отражение постоянно меняющийся мир, изменения характера взаимодействия человека с этим миром. В стороне не остается сама система языковых значений, которая находится в постоянном движении: появляются новые значения, меняются существующие и т.д. Таким образом,

коммуникативные потребности, желание сделать свою мысль понятной, прозрачной, выразительной заставляет человека прибегать к компаративным сочетаниям.

Закрепляясь в языке, фразеологические единицы, в свою очередь, сами становятся носителями стереотипной, символической и эталонной информации. Эталоны, используемые для квалификации, детализации некоторых признаков объектов, попавших в фокус внимания наблюдателя, выделяются не случайно. Они наилучшим образом выполняют классифицирующую функцию, представляя какой-то определённый род объектов через выделенный признак, из какого-то конкретного вида. Например, то, как ходит человек можно детализировать как *бабыщым хуэдэу* – букв. как утка (переваливаясь с ноги на ногу), *джэдэу хуэдэу* – букв. как кошка (передвигаться бесшумно), *ужьэм хуэдэу* – букв. как ласка (передвигаться как ласка, бесшумно, чаще о женщине). Сознание человека замечает сходство особенностей перемещения человека и того, как двигаются представители животного мира, фиксирует сходство в сравнительной структуре. В этом проявляется познавательная деятельность человека. Таким образом, человек формирует свой практический и интеллектуальный опыт в контексте определенного природного и предметного пространства. Результаты познавательной и практической деятельности человека складываются в концептуальную систему, часть которой превращается в языковые знаки. Постепенно слова, словосочетания приобретают дополнительный смысл, ценный и значимый для данного языкового коллектива.

Однако, в большей части фразеологического состава культурная информация скрыта в образном основании фразеологизма и в коннотативных аспектах его значения. Для уяснения данного положения необходимо остановиться на самом механизме появления фразеологизма образно-эмотивного характера. Из всего множества предметов и ситуаций пространственно-временного континуума в поле зрения носителя того или иного языка попадают те, что предопределены стереотипами и эталонами его обыденного сознания. Частота, с которой человек встречается в своей жизни тот или иной объект или ситуацию, играет решающую роль в формировании привычных, устойчивых представлений. Эти привычные представления и образуют прототипическую основу образного содержания идиомы. В этих традиционно воспроизводимых единицах фиксируются эталоны и стереотипы национальной культуры, накопленные человеком знания, сложившиеся в обыденную картину мира, а также результаты практического взаимодействия с окружающим миром [Телия 1996: 9].

В зависимости от целей и задач исследования устойчивые сравнения подвергаются разнообразной классификации, например, по тематической принадлежности *базы* и *цели* сочетания, по их структурной и грамматической организации, по типу соединительного слова, используемого в сочетании, по образности, оценочному компоненту и т.д.

Так, М.М. Копыленко [Копыленко 1995: 39] на основании признака, лежащего в основе сравнения, выделяет следующие группы: а) физические характеристики человека; б) физические характеристики предметов; в) черты характера людей и их умственные способности; г) дух, настроение людей; д) цвет, оттенки, интенсивность цвета; е) вкусовые характеристики веществ;

ж) отношения между предметами.

В.Н. Телия предлагает идеографическую классификацию, построенную по структуре от значения идиомы до их полевой принадлежности. В ее классификации получают следующие группы: артефакты, место или месторасположения, физические действия и действия в пространстве, волевые акции, речевые действия, чувства, свойства лица, социальное положение, интеллектуальные акции или состояния и др. [Телия 1996: 167–171].

Классификация устойчивых сочетаний, предложенная М.И. Конюшкевич, основывается на характере проявления категории сравнения в сочетании. Ею

выделено семь микрополей, каждое из которых включает несколько видов [Конюшкевич 2003: 120]. Это такие микрополя как: микрополе идентификационного тождества, равенства, сходства, приравнивания, репрезентации, соответствия, подобия. В рубрике отличий выделяются такие фрагменты, как несоответствие, неравенства, доминирования, преимущества, превосходства, абсолютива [Конюшкевич 2003: 120].

Для достижения цели, заявленной в нашей работе, мы использовали классификацию и терминологию Ю.А. Сорокина [1994]. Он выделяет три достаточно обширные группы, к которым можно отнести компаративный элемент.

Первую группу – *натуромерную* – образуют имена, денотаты которых имеют природное, естественное происхождение. Это наше окружение, не зависящее от человека.

Вторую группу образуют имена, к которым в той или иной степени причастен человек. Это продукты практической или интеллектуальной деятельности человека. Она получила название *артефактная* группа.

Третью группу представляют *антропомерные* имена. Она включает имена, которые дают человеку самую разнообразную характеристику.

Каждая группа допускает детальную классификацию, на более мелкие подгруппы. Таким образом, придерживаясь классификации Ю.А. Сорокина, мы внесли в рубрикации каждой из выделенных групп некоторые изменения.

Перейдем к непосредственному анализу практического материала. Все элементы компаративов, послужившие *базой, эталоном* натуромерных сравнений распределены по группам, которые сопровождаются иллюстрациями из литературных источников кабардинских и черкесских писателей.

В соответствии с материалом нашей выборки самой многочисленной оказалась **натуромерная** группа. В составе этой группы выделены следующие подгруппы: *зоонимы* (дикие животные, домашние животные, птицы, насекомые, представители подводного мира, пресноводные, пресмыкающиеся, грызуны); *фитонимы* (деревья, кустарники, цветы и др.) *природные явления*; *ландшафтная лексика*. Поскольку материал для исследования оказался обширным, мы ограничились анализом компаративных сочетаний натуромерной группы.

Данная группа представлена 11 подгруппами. Их всех объединяет естественный, природный характер появления и существования. Человек не причастен к их возникновению. В нее включены *зоонимы, фитонимы, ландшафтная лексика, природные явления*. В каждой из выделенных групп проводится детальная классификация на более мелкие рубрики.

Натуромерная группа, представленная зоонимами, является самой многочисленной и разнообразной. Тому есть вполне понятное объяснение. Человек, эволюционируя, осваивал окружающее пространство, «знакомился» с другими его живыми обитателями, наблюдал за их повадками, поведением внешним видом. Флора также привлекала внимание человека. Ему были интересны форма деревьев и кустарников, их прочность, плоды, которые они приносили. В этом проявлялась и утилитарная функция – человеку нужно было добывать пищу, строить какое-то жилье, находить источники тепла и т.д. Все это можно было найти в своём ближайшем экологическом окружении и приспособить к своим нуждам. Далее начался процесс одомашнивания животных и их разведение. Поэтому многочисленными источниками *эталонных сравнений* являются именно представители животного мира. Помимо того, что представители животного мира всегда находились рядом с человеком, они схожи с человеком по ряду признаков физиологического психологического и эмоционального плана.

Эталоны сравнения натуромерной группы.

Зоонимы:

а) домашние животные: *хьэ* (собака), *шы* (лошадь), *мэл* (баран), *щынэ* (ягненок), *чыцI* (козленок), *ажэ* (козел), *вы* (вол), *шыд* (осел), *кхьуэ* (свинья), *шкIащIэ*

(теленок), жэм (корова), джэдү (кошка), джэдкүрт (наседка), хыв (буйвол), джэджей (цыпленок), хэрэшкIэ (буйволенок).

Приведем некоторые текстовые иллюстрации:

НтIэ, ди нысэ цыкIуу кытхуэгузавэр, мэл хуэдэу Луцацэу, цынэм хуэдэу Луцабэу, джэд хуэдэу быныфIуу хэфIым хуэдэу Лумахуэу, шыфIым хуэдэу цIэрылуэу, кьуалэбзуубзэу, убзэрабзэжу тхьэм кытхууцIигьэкI [Кышчокьуэ 2006: 15]. Пусть невестка наша окажется тихой, как овца, мягкой, как ягненок, многолетней, как курица, удачливой, как добрая собака, знаменитой, как хорошая лошадь, в речи – как птичка, сама услужливая.

Лугуу зумыгьэхуу, пхуэихынуу хуэдиз пыхууэ егьажьы еплъыжыт – уэлэхьы, вы гьэшихам хуэдэу узэгуэкIыкIынуу [КIэрэф 2009: 89]. Если ты будешь сидеть, и ничего не делать и будешь есть, сколько влезет, ты станешь толстым, как откормленный бык.

Псы бэкьур цынэхь куууIуэм, цынэхь зэвым деж цылуацIэрти, хэрэшкIэм хуэдэу цыкIухэм абы зыхагьэукIуриешьырт [КIэрэф 2009: 19]. Дети запрудили речку в том месте, где она была уже глубже, а теперь валяются там, как буйволята.

Адэшыпхьум кьыдэхуэу Iуэху цIэн кьэнаIамэ зэфIудыну, пцIантIэм зыцихууцыхьырт (Сэфар) – зыцихууцыхьырти, шацхьэ дьыгу кIуэ джэдүм хуэдэу, гьуэлъыжыгьуэ зэрыхуу лэгьунэм зыцигьэхуэжьырт [КIэрэф 2009: 143]. (Сафар) оглядывал двор, были ли какие-либо дела, чтобы быстро их закончить и подобно коту, который идет украдкой пить молоко, быстро заходил в спальню.

б) дикие животные: *мыцэ* (медведь), *асльэн* (лев), *дыгьужь* (волк), *кьэпльэн* (тигр), *щомыцэхуу* (рысь), *бажэ* (лиса), *кхуэпIацэ* (дикий кабан), *бланэ* (олень), *цыжьбанэ* (еж), *шылъэгу* (черепаха), *номин* (обезьяна), *цIыIуб* (крот), *тхьэкIумэкIыхь* (заяц), *хьэIуцыдз* (шакал), *махьшэ* (верблюд), *домбей* (зубр), *кIэлхь* (белка), *пыл* (слон), *ужьэ* (ласка).

Например:

Хьуэжэ Iэнэр цигьэкIуатэм, хьэцIэм дьыгьужь нэцIам хуэдэу шхуэу цIидзац [Махуэ, КьардэнгьушI 1994: 45]. Как только Ходже поставил стол перед гостем, тот начал есть, как голодный волк.

Бахьсэн аузым хьэIуцыдзым хуэдэу, цызэблэурт сонэ бандэри, кьэрэшей бандэри, ди хэку бандэри [Елгьэр 1976: 64]. В Баксанском ущелье бродили, как шакалы и грузинские банды, и карачаевские банды и наши банды.

Мес модэ дьыгьэмыхуэу цыхунIэжьыым кьыщолъэ ар (Айшэт), щакIуэм игьэгубжьы щомыцэхуу губжьауэ [Хьэкьун 1974: 41]. Вон там, на теневой стороне (Айшат) перепрыгивает старую пропасть, подобно рыси, разозленной охотниками.

Эталонизация зоонимов в исследуемых языках проявляет достаточно выраженную тенденцию к универсальности. Обращает на себя внимание дифференциация признаков референтов, используемых в качестве образов эталонов. Например, в русском языке: *прост как свинья; смотреть, как баран на новые ворота*. Или в английском языке: *mutton dressed as a lamb* (букв.: Баран, одетый, как ягненок – так говорят о молодящейся старушке); *as dumb as a fish* (букв.: немой как рыба). Плохая память в английском языке концептуализируется через образ слона: *a memory like an elephant*. Об очень занятом человеке англичане говорят: *to run around like a squirrel in a cage* (букв.: крутиться, как белка в клетке).

в) птицы: *джэд* (курица), *джэдкүрт* (наседка), *кьуалэбзу* (птица – видовое значение), *бзу* (воробей), *дыгьургьуу* (сова), *жьынду* (филин), *пцIацхьуэ* (ласточка), *кьаз* (гусь), *кьуаргь* (ворона), *вынд* (ворон), *адакьэ* (петух), *кьуаницIэ* (дрозд), *бабыц* (утка), *мэзджэд* (фазан), *кьанжэ* (сорока), *бгьэ* (орел), *жэнэтбзу* (шегол), *кьыу* (лебедь), *псыхуэу* (цапля), *тхьэрыкьуэ* (голубь), *шылэджэд* (павлин), *кьашыргьэ* (коршун).

Приведем некоторые текстовые иллюстрации:

Темыр и цхьэр ирихьэхуэ и фIэцу здэцытэм, гу лъетэ: пхафэм ит цIыху кьомыр, кьашыргьэр зыхьэу джэд гуну зэбгрозьт [Хьэх 2013: 38]. Темир, наклонившись, собирал колосья, когда заметил, как люди разбегаются в разные стороны, **будто ястреб налетел на кур**.

Нэхьыжьи нэхьыцIи цыIэжкьым, си лыжьыцхьы фIэмылыкIыу, тхьэрыкьуитI хуэдэу зoubзэрабзэ (Аскэрыжьыр кьопэбжьауэ ныбжьыцIитIым) [АбытIэ 2009: 81]. Ни стыда, ни совести, не обращая внимания на мою старость, **воркуют как голубки** – (старый Аскер не был доволен молодыми).

А тIум (Шэрданымрэ Аралтымрэ) япэмыжыжьэу гуэгушыцхьу пIыцIам ецхьу зызэфIигэтыцхьауэ, цытIт Гьуумари [Кыщокьуэ 2005: 221]. Недалеко от них (Шарданова и Аральпова), **как замерзший индюк**, стоял Гумар.

В этой группе не обнаружены сказочные или мифические птицы, которые есть в русском и английском языках: англ. *rise like a phoenix from the ashes* (букв.: восстать, как феникс из пепла); англ. *as dead as a dodo* (букв. мертвый, как ископаемая птица Додо). Русск.: *восстать из пепла как птица Феникс*.

г) насекомые: *цIыв* (жук), *хьумпIэцIэдэж* (муравей), *хьэдзыгьуанэ* (оса), *бадзэ* (муха), *мацIэ* (саранча), *аргьуей* (комар), *пкIауэ* (кузнечик), *бжьэ* (пчела), *гьудэ* (овод), *мэлхьэпIамIэ* (клещ пастбищный), *нэцIэпкIэ* (улитка), *хьэндьирабгьуэ* (бабочка), *цIэ* (вошь).

Приведем некоторые иллюстрации:

Абдежым, мацIэм хуэдэу (пацтыхьым и) дзэр, топыр цызэхуашэсри жылэр (Джэри кьуажэр) кьаувыхьац жэцым, пцэдджыжьым зыри кьыдамыгьэкIыу даукIыхьын пацIэ [Хьупсырокьуэ 1980: 149]. Тогда царские войска ночью, **как саранча** окружили село (Джери), чтобы утром расстрелять всех до единого.

...Цыхум я цхьэ бжьэ еуа хуэдэт, япэм кьайхьулIауэ цыта тIэкIухэри яфIэкIуэдыжауэ [Кыщокьуэ 2005: 559]. Люди были в замешательстве, **будто пчела ужалила их в голову**, так как потеряли все, что нажили.

В английском и русском языках наблюдается выделение иных, чем в кабардино-черкесском языке, признаков образов-эталонов для концептуализации, соответственно, иного содержания.

Например: *like a fly in amber* – букв. как муха в янтаре – о чем-то редком, хорошо сохранившемся; *as flat as a flounder* (букв.. плоский, как камбала); русск. *биться как рыба об лед* – тяжелое, безвыходное положение.

д) представители подводного мира, пресноводные: *бдзэжьей* (рыба), *хьэндьыркьуакьуэ* (лягушка), *хьэмлашкIуэ* (моллюск), *псы джэд* (нырок), *акь* (подуст – рыба), *дзыдзэ* (выдра).

Приведем некоторые примеры:

...(Маржинэт) блэм жьэдилгьэфэну хьэндьыркьуакьуэм хуэдэу, зыри кьыфIэмылуэхужу кIуэу ара? ... [МафIэдз 2003: 89]. Ей (Маржинат) **будтобыло уже все равно, как той лягушке, которую змея собиралась проглотить**.

Ср. также: *Хэт цыцынкIи, дэнэ кыкIынкIи хуитт, хэт сьт хуэдизрэ кьыуа-мыкуами (Индыл), я нэхь лы зымыдэрами, и ши, и цхьы хуицIэу зэбудэкти, уи ныджэм бдзэжьейм хуэдэу кьытебдзэжт...* [АбытIэ 2005: 8]. Кто бы это ни был, откуда бы он не был, кто осмелился к тебе подойти (Индыл – кабардинское название реки Волга) – ты его и его коня выбрасывала, **как рыбу** на берег.

е) пресмыкающиеся: *блэ* (змея), *блацхьуэ* (гадюка), *хьэмбылу* (червяк).

Например:

Бэзэрым хьэпIацIэ лыбжьэу цIыхур Iувт. На базаре было очень много людей, нельзя было пройти.

Езыр (пцацэр) кьыхуэкIуэти, я хьэбауэ макьхэр зэхэзэрыхьыжауэ гьунэгьу дыдэ цызэхуэхьум, блэ зуам хуэдэу, Гуэцнэху лъэныкьуэкIэ зыпыIудзац [АбытIэ 2009: 48]. Сама (девушка) шла к нему навстречу, когда они были уже совсем близко, (она) Гошнах отскочила в сторону, **как будто ее ужалила змея**.

ж) грызуны: *дзыгъуэ* (мышь), *жумэрэн* (хомяк). Например: *Жумэрэным хуэдэу гъэтЫльгъэн*. Запасаться как хомяк.

(БэтІал) *жейм езэгътэкъыми, дзыгъуэ мин зэдэлъэпхъацэм еицхъу цІгъуэвэр игъэцхъыцхъыу зызэпигъазэт* [Дыгъужь 2011: 28]. (Бетал) не мог спать на сеновале, поэтому так шумно ворочался, будто рядом **тысяча крыс что-то вместе грызли**.

з) деревья, кустарники: *жыг* (дерево), *чэцей* (самшит вечнозеленый), *тхуей кІацІэ* (побеги граба), *бжэгъу* (кол), *жыгей* (дуб), *циху* (тополь).

Например:

Езы Гумэт Лыжъ гъурышхуэр зи къудамэхэр гуэмытыж жыгыжъ гъужам еицхъу цытт... [Теунэ 1973: 109]. Сам Умат высокий, худой старик стоял, **как высохшее дерево без веток**.

Тхуей кІацІэм хуэдэу лъэц и ГэишхуитЫмкІэ Іэбэц Хъэбалэри, мо цІалэ псыгъуэр уанэгум къричри кърихъэхац... [Нало 1981: 86]. **Сильными, как побеги граба**, руками Хабала снял худого паренька с седла...

Алий ... цихум еицхъу, псыгъуэ кІыхът; Хъэжы жыгейм еицхъу лъахъшэ гъумт [Нало 1981: 123]. **Али был худой и тонкий как тополь, Хаджи – толстый и короткий, как дуб**.

Хъусин жыгыжъ къуабэбжэабэмэ, ар (Ланэ) кІацІэ дахэт, дыгъэм зыхуишыйуэрэ псынцигъуэ дэжсеуэ [Нало 1981: 99]. Если Хусин был как заросшее **дерево**, то Лана – скороспелка, как **красивый, гибкий побег**.

и) плоды: *мамкъут* (малина), *мэракІуапцІэ* (ежевика), *хъарбыз* (арбуз), *джэши* (фасоль), *къэб* (тыква), *кхъужъ цІыкІу* (груша-дичка), *пІырыпІ* (физалис).

Приведем некоторые примеры:

Гуацэм и нэцхъыр зэхэукІаци, ...пІырыпІ гъэпцям еицхъ и Іэпхъуамбэ кІэцІ цІыкІухэр мэлэжъажъэ... [Къашыргъэ 1976: 68]. Нягиня явно злится, ... ее **маленькие пухлые пальчики похожие на физалис** трясутся...

ГушыІэ зэрыфІэфІ, гушыІэрейуэ, дыхъэишхрилэу зэрыцъытым цхъэкІэ, куржы лыжъым и нэжъгъытІри гъэ ежъа, фІыуэ ягъэгъуа кхъужъ цІыкІум хуэдэу зэльтат ... [МафІэдз 2003: 105]. Из-за того, что старик-грузин любил много шутить и смеяться, **глазницы его были сморщены, как сильно высушенные груши-дички**.

Ар сыт хуэдэу хъыджэбз зэкІэльыкІуэт езыр (Мудэвейхэ я пхур), и нитІыр мэракІуапцІэм еицхъу фІыцІабзэу [Нало 1981: 68]. Она (Мудавеева) была такая ладная девушка, глаза черные, **как ежевика**.

Зи нэпсыр джэшым хуэдэу къеицъэх нанэм цыІуплъэм, Хъызыр и нэгум къыцІгъуэжъац Къундуз и цІалэ нэхъыжъыр, езым и гъусэу армэм яшауэ цытар [Журт 1997: 110]. Когда Хизир увидел на лице бабушки **слезы, величиной с фасоль**, он вспомнил, как сам со старшим сыном Кундуз уходил в армию.

к) цветы, злаки, листья, трава: *бжъын цІынэ* (зеленый лук), *нартыху* (кукуруза), *шэжыпкъ* (молодой початок кукурузы), *пицІацэ* (лист), *тхъэрыкъуэф* (лопух), *мэш* (колосья проса), *цхъэмыж* (колос).

Например:

Гъатхэпэ акъужъым игъэцхъыцхъ пицІацэ цІынэ цІыкІум еицхъу кІэзызу, таучэлынишэу япэ фІыльгагъуныгъэр къыщысхуэкІуац...(*желэ Мадинэ*) [Абазэ 1994: 15]. Тревожная и нерешительная я (Мадина) дрожала, как **первые весенние листочки на ветру**, когда пришла ко мне первая любовь.

КъарууфІ зыбгъэдэлъ, иджыри жъыгъэр апхуэдизу зэмытцэфыІа, зи жъауэм куэдрэ цІэтыну и гугъа и адэр шэнжъей шабэм здисым, мафІэм ирагъэуа тхъэрыкъуэфым еицхъу, и пкъыр цІэлІэри зэфІэмэхац ...[МафІэдз 2003: 124]. Отец его еще не совсем старый и полный сил сидел в кресле, как вдруг будто **лопух, опаленный пламенем**, потерял сознание.

ИкъукІэ гузуу лэжъакІуэм Бжыгъэ мълъытэр хэцІац, Зауэ цІэбэгъуу пицъжъ куэди Мэш бэв и пхырхэу джэлац [ЩоджэнцІыкІу 2000: 115]. Было очень горестно,

что в бою погибло много рабочих, много поджигателей войны полегло в бою, подобно **крупным охупкам колосьев**.

И гъуэ нэса цхъэмыж дыщяфэм ещхуэ, паццлэ дахэишхуэ зытет къэзакъ сэлэт фафлэр *Иэфраклэклэ еЛуницт къыбгъэдэт сэлэт сырыху къуэгъум, езым илгагъур* *адрейм имылгагъу хуэдэ хуигъэццлагъуэт...* [Дыгъужь 2011: 142]. Симпатичный казак с красивыми **усами золотистого цвета («цвета спелых колосьев»)**, подталкивал рыжего худого солдата, который стоял рядом, будто тот не видел происходящее...

л) ландшафт (горы, равнины, леса, водное пространство полезные ископаемые): *къуриш* (гора), *бгы* (скала), *флэмыщл* (уголь), *ятлэ* (земля, грязь), *пшахуэ* (песок), *сагъыз* (смола), *мывэ* (камень), *псы* (вода), *ццылъэ* (равнина), *хы* (океан), *ццылъагъ* (подземелье), *ццыдагъэ* (нефть), *фэтыджэн* (керосин), *бдзаццлэ* (свинец), *псыкъельэ* (водопад).

Например:

Кельсури псыкъельэжэри зэрихабзэу, къуэ зэв лъаццлэниэм цыдымт, алъп *мыгъасэм тес нарт лхыхуэжъ губжъауэ* [Хъэкъун 1974: 183]. Водопад Кельсури, как всегда, издавал гул в бездонном ущелье, **будто разъяренный герой нарт был в седле необъезженной лошади**.

Гупурэ къэкълуахэми, я закъуэу къэкълуахэми зы гупышхуэу зауэуеиж, адэклэ *кълуаплэ цымылэжу узыдымыкыфыну бгышхуэм еуэллэм ещхуэ* [Дыгъужь 2011: 142]. Те, которые подошли группами и те, которые подошли по одному – все объединились, и напоминали **огромную скалу, через которую невозможно перебраться**.

Мазэр къыщццлэри дунейрнэху къыщццлэ, тенджыз дыдэр бдзаццлэ гъуэткълуам *ещхуэ плагагъуэ* [Кышчокъуэ 2006: 142]. При лунном свете **море было похоже на расплавленный свинец**.

м) природные явления: *уафэ* (небо), *уэсукхуэ* (снежная глыба, сугроб), *дыгъэ* (солнце), *уэиш* (дождь), *мазэ* (месяц), *гъуэжъкуий* (вихрь), *жъы* (ветер), *уэ* (град), *уэс* (снег), *уафэхуэпскл* (молния), *мыл* (лед), *пшэ* (туча), *жъыбгъэ* (переменчивый ветер), *жъауэ* (тень).

Например:

Уэишхыр... шыбз гуартэ жэрыжэклэ блахуа хуэдэ, гъуагъуэри хуэпсклри *зэццлэту цхъэщыкълри псыжъ псыхуэклэ дыхъащ* [Адэмокъуэ 1986: 91]. Дождь быстро кончился, **будто мимо прогнали табун лошадей галопом**, гром и молнии тоже сразу прекратились.

Ар (Мурид) къудамэм зэрелусэу, гъэгъахэр уэсукхуэм хуэдэу луву къольэлъэх [Щоджэнццылкы I. 1962: 15]. Как только он (Мурид) дотронулся до ветки, цветки посыпались толстым слоем, **как снежная глыба**.

Пишпэр, шакъэ лувым хуэдэу, зэхуат, уафэ ццылху-фццлафэм вагъуэхэр *джыджыжу къитлхысхат...* [Кэрэф 2009: 11]. Наступили сумерки, **как густые чернила**, а в темно-синем небе расположились блестящие звезды...

Итак, фразеологизмы со временем превращаются в эталоны и стереотипы, которые являются для этноса ориентирами, формируют приоритеты, ценности, т.е. становятся культурно-значимыми. Культурно-национальная коннотация формируется при соотношении языковых значений с каким-либо культурным кодом. При этом культурно значимая маркированность проявляется не только в значении фразеологизмов, но и в содержании целых текстов [Телия 1996: 219].

Проведенный анализ лексического материала позволяет сделать вывод о том, что натуромерные эталонные сравнения высвечивают отношение носителей языка к некоторым предметам, ситуациям и явлениям, которые говорят на том или ином языке, они используют их для формирования аксиологической картины мира. Подобное оказывается возможным только благодаря языку. Язык вбирает в себя, впитывает все, чем живет и дышит этнос, все, что ему дорого ценно, все,

что он порицает и осуждает. При этом наблюдается некоторая дифференциация. Компаративы хранят и передают выработанные обыденным сознанием эталоны. Стереотипы раскрывают особенности ассоциативного мышления языкового коллектива. Они и позволяют понять психологию народа.

Таким образом, анализ эталонов в разных языках не только раскрывает лексические особенности, но и служит важным инструментом для понимания культурных и когнитивных различий в восприятии реальности. Тематическая классификация эталонов сравнения в кабардино-черкесском, английском и русском языках позволяет выявить значимые культурные, социальные и эмоциональные аспекты, которые отражают мировосприятие носителей этих языков. Хотя есть общие элементы, каждый язык имеет свои уникальные метафоры и символы, которые обогащают понимание языка и его практики. Понимание этих эталонов может быть полезно для тех, кто изучает языки, а также для тех, кто заинтересован в межкультурной коммуникации и антропологии. Эталоны сравнения, по сути, открывают окно в культуру, помогая нам лучше понять, как люди различаются в своих восприятиях и интерпретациях окружающего мира.

Список источников и литературы

- Абазэ 1994 – *Абазэ Л.* Анэм и джэ макъ // Бжьыхьэ нэпсхэр. Налшык: Эльбрус, 1994. 280 н.
- АбытIэ 2005 – *АбытIэ В.Къ.* Индыл и зы щэху. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 2005. 284 н.
- АбытIэ 2009 – *АбытIэ В.* Уанэгү нэщI. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 2009. 217 н.
- Адэмокъуэ 1986 – *Адэмокъуэ М.А.* НатIэм итхар. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ, Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1986. 192 н.
- Виноградов 1963 – *Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. 255 с.
- Дыгъужь 2011 – *Дыгъужь Къу.* Щымахуэ лэгъупыкъу. Черкесск: Къэрэшей-Шэрджэс тхыль тедзапIэ, 2011. 174 н.
- Елгъэр 1976 – *Елгъэр К.М.* Ухеймэ – ульэщц. Налшык: Эльбрус, 1976. 348 н.
- Журт 1997 – *Журт Б.* Мэрэмэжьей. Налшык: Эльбрус, 1997. 440 н.
- Конюшкевич 2003 – *Конюшкевич М.И.* К вопросу о границах компаративности // Материалы Международной научной конференции. Шымкент, 2003. С. 117–122.
- Копыленко 1995 – *Копыленко М.М.* Основы этнолингвистики. Алматы: Евразия, 1995. 178 с.
- KIэрэф 2009 – *KIэрэф М.Ж.* Лъэужь е лIэужь. Налшык: Эльбрус, 2009. 572 н.
- KIыщокъуэ 2005 – *KIыщокъуэ А.П.* Эмирым и сэшхуэ // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т.3. Налшык: Эльбрус, 2005. 752 н.
- KIыщокъуэ 2006 – *KIыщокъуэ А.П.* Лъапсэ // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т.5. Налшык: Эльбрус, 2006. 552 н.
- Къашыргъэ 1976 – *Къашыргъэ Хь.* ПшэкIухь. Налшык: Эльбрус, 1976. 378 н.
- Лебедева 1999 – *Лебедева Л.А.* Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии. Краснодар, 1999. 196 с.
- МафIэдз 2003 – *МафIэдз С.* Мыхъур. Налшык: Эльбрус, 2003. 344 н.
- Махуэ, КъардэнгъушI 1994 – *Махуэ А.М., КъардэнгъушI З.П.* Хьуэжэ и таурыхьыщэ. Майкоп: РИПО Адыгея, 1994. 126 н.
- Мокиенко 2008 – *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских народных сравнений. СПб., 2008. 800 с.
- Нало 1981 – *Нало З. М.* Къру закъуэ. Налшык: Эльбрус, 1981. 400 н.
- Огольцев 2001 – *Огольцев В.М.* Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. М.: Книжный дом, 2001. 192 с.
- Сорокин 1994 – *Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология. Самара, 1994. 94 с.
- Телия 1996 – *Телия Н.В.* Русская фразеология: Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. М.: Языки славянской культуры, 1996. 288 с.

Теунэ 1973 – *Теунэ Хь.И. ШыкIэсу кьахьа // Тхыггэ кыхэхэхэр*. Налшык: Эльбрус, 1973. Н. 103–119.

Хьэкун 1974 – *Хьэкун И. Бзыльхуггэ шу щэу*. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1974. 222 н.

Хьэх 2013 – *Хьэх С. Лъаггьэр гьуэгум хуокIуэ*. Налшык: Эльбрус, 2013. 624 н.

Хьупсырокъуэ 1980 – *Хьупсырокъуэ Хь. ГьукIэ*. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1980. 262 н.

ЩоджэнцIыкIу 1962 – *ЩоджэнцIыкIу I. Софят и гьатхэ*. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1962. 232 н.

ЩоджэнцIыкIу 2000 – *ЩоджэнцIыкIу А.А. Тхыггэхэр*. Налшык: Эльбрус, 2000. 432 н.

References

ABAZJE L. *Anjem i dzhje mak* [Mother's Call] // Bzh'yh'je njejpshjer. Nalshyk: Jel'brus. 280 n. (In Kabardino-Circassian)

АБЫТИЖЕ V.K'. *Indyl i zy shhjeju* [One secret of the Volga]. Cherkessk: Stavropol' thyl" tedzapIje. K"ereshej-Sherdzhes otdelenje. 284 n. (In Kabardino-Circassian)

АБЫТИЖЕ V. *Uanjegu njeshti* [Empty saddle]. Cherkessk: Stavropol' thyl" tedzapIje. K"ereshej-Sherdzhes otdelenje. 217 n. (In Kabardino-Circassian)

АДЖЕМОК"УЖЕ M.A. *Natljem ithar* [What is destined]. Cherkessk: Stavropol' thyl" tedzapIje, K"jerjeshej-Shjerdzhjes otdelenje. 192 n. (In Kabardino-Circassian)

VINOGRADOV V.V. *Stilistika. Teorija pojeticheskoj rechi. Pojetika* [Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics]. M. 255 s. (In Russian)

DYG"UZH' K"u. *ShhIymahuje l'jeg"upyk"u* [Winter rainbow]. Cherkessk: K"jerjeshej-Shjerdzhjes thyl" tedzapIje. 174 n. (In Kabardino-Circassian)

ELG"JER K.M. *Uhejmje – ul"jeshhshh* [Innocent is strong]. Nalshyk: Jel'brus. 348 n. (In Kabardino-Circassian)

ZHURT B. *Mjerjemjezh'ej* [Maramazhey]. Nalshyk: Jel'brus. 440 n. (In Kabardino-Circassian)

KONJUSHKEVICH M.I. *K voprosu o granicah komparativnosti // Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [On the issue of the boundaries of comparativeness // Materials of the International Scientific Conference]. Shymkent. S. 117–122. (In Russian)

KOPYLENKO M.M. *Osnovy jetnolingvistiki* [Fundamentals of ethnolinguistics]. Almaty: Evrazija. 178 s. (In Russian)

KIJERJEF, M.Zh. *L"jeuzh' e Iljeuzh'* [Trace or heredity]. Nalshyk: Jel'brus. 572 n. (In Kabardino-Circassian)

KIYSHHOK"УЖЕ A.P. *Jemiryim i sjeshhuje* [Emir's Saber] // Thyg"jehjer tomihym shhyzjehujeh'jesauje. T. 3. Nalshyk: Jel'brus. 752 n. (In Kabardino-Circassian)

KIYSHHOK"УЖЕ A.P. *L"apsje* [Manor] // Thyg"jehjer tomihym shhyzjehujeh'jesauje. T. 5. Nalshyk: Jel'brus. 552 n. (In Kabardino-Circassian)

K"ASHYRG"JE H'. *Pshjekluh'* [Halo]. Nalshyk: Jel'brus. 378 n. (In Kabardino-Circassian)

LEBEDEVA L.A. *Ustojchivye sravnenija russkogo jazyka vo frazeologii i frazeografii* [Stable comparisons of the Russian language in phraseology and phraseography]. Krasnodar. 196 s. (In Russian)

MAFIJEDZ S. *Myh"ur* [Seal]. Nalshyk: Jel'brus. 344 n. (In Kabardino-Circassian)

MAHUJE A.M., K"ardjeng"ushhI Z.P. *H"ujezhje i tauryh"ishhje* [One Hundred Tales of Khozha]. Majkko: RIPO Adygeja. 126 n. (In Kabardino-Circassian)

MOKIENKO V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoj slovar' russkih narodnyh sravnenij* [Large dictionary of Russian folk comparisons]. SPb. 800 s. (In Russian)

NALO Z.M. *K"ru zak"uje* [Lonely crane]. Nalshyk: Jel'brus. 400 n. (In Kabardino-Circassian)

OGOL'CEV V.M. *Ustojchivye sravnenija v sisteme russkoj frazeologii* [Stable comparisons in the system of Russian phraseology]. M.: Knizhnyj dom. 192 s. (In Russian)

SOROKIN Ju.A. *Jetnicheskaja konfliktologija* [Ethnic conflictology]. Samara. 94 s. (In Russian)

TELIJA N.V. *Russkaja frazeologija: Semanticheskij, pragmaticheskij, lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology: Semantic, pragmatic, linguocultural aspects]. M.: Jazyki sljvianskoj kul'tury. 288 s. (In Russian)

TEUNJE H'.I. *ShykIjesu k"ah'a* [Stolen on horseback] // Thyg"je k"yh'jahajer. Nalshyk: Jel'brus. N. 103–119. (In Kabardino-Circassian)

H'JEK"UN I. *Bzyl"huje shu shhjeju* [Secret cowgirl]. Cherkessk: Stavropol' thyl" tedzapIje. K"jerjeshej-Shjerdzhjes otdelenje. 222 n. (In Kabardino-Circassian)

Н'ЈЕН S. *L"ag"ujer g"ujegum huokluje* [The path leads to the road]. Nalshyk: Jel'brus. 624 n. (In Kabardino-Circassian)

Н"UPSYROK"UJE Н". *G"uklje* [Blacksmith]. Cherkessk: Stavropol' thyl" tedzapIje. K"jerjeshej-Shjerdzhjes otdelenje. 262 n. (In Kabardino-Circassian)

SHHODZHJENCIYKIU I. *Soffat i g"athje* [Sofiat Spring]. Nalshyk: K"jebjerdej-Bal"k"jer thyl" tedzapIje. 232 n. (In Kabardino-Circassian)

SHHODZHJENCIYKIU A.A. *Thyg"jehjer* [Works]. Nalshyk: Jel'brus. 432 n. (In Kabardino-Circassian)

Информация об авторе

К.В. Ошроева – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков КБГУ им. Х.М. Бербекова.

Information about the author

K.V. Oshroeva – Candidate of Science (Philology) Lecturer of the Department of Foreign Languages of the KBSU named after Kh.M. Berbekov.

Статья поступила в редакцию 20.11.2024; одобрена после рецензирования 12.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 20.11.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-67-76

АДЫГЭБЗЭМ И БАЛЪКЪ ПСЭЛЪЭКІЭМ ИІЭ ФОНЕТИКЭ ШХЪЭХУЭНЫГЪЭХЭР

Хэжь Залинэ Рашид ипху

Гуманитар кьэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ кьэрал бюджет шІэныгъэ ІуэхушІапІэ «Урысейм шІэныгъэхэмкІэ и академием и Кьэбэрдей-Балъкьэр шІэныгъэ центр» Федеральнэ шІэныгъэ центрым и филиал, Налшык, Урысей, zalinahamadokova9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© Хэжь З.Р., 2024

Аннотацэ. Лэжыгъэм и мурад нэхышхьэр адыгэбзэм и балъкъ псэлъэкІэм фонетикэ и лъэныкьуэкІэ иІэ шхъэхуэныгъэхэр кьэгъэлъэгъуэнырщ. Зи гугъу тщІы псэлъэкІэмрэ адыгэ литературэбзэмрэ макъ дэкІуашхэм я кьэгъэсэбэпыкІэмкІи, макъзешэхэм я кьэгъэсэбэпыкІэмкІи зэрызэтемыхуэхэр лыбырым шызэгъэпша шапхъэхэмкІэ кьэгъэлъэгъуаш. Дытетхыхъащ лъылъыль, лъылъыль-щІэфие, щІэфие макъ укьуэдияхэм я кьэгъэсэбэпыкІэр балъкъ псэлъэкІэм и фонетикэ шхъэхуэныгъэ нэхышхьэу зэрыштыгым. Къыжылащ абыхэм я кьэгъэсэбэпыкІэм елгытауэ балъкъ псэлъэкІэр езыр лъылъыль лІэужыгъуэрэ щІэфие лІэужыгъуэу бгуэшыжыну кьызэрэзэгъыр. Лъылъыль лІэужыгъуэм ирипслъэхэм литературэбзэм къышыкІуэ лъылъыль-щІэфие макъ **жъ, щ, щІ**-хэр лъылъыль **жс', ш', ш'І**-хэмкІэ зэхуэкІа зэрыштыхъуми, щІэфие лІэужыгъуэм ирипсалъэхэм литературэбзэм къышыкІуэ лъылъыль-щІэфие макъ **жъ, щ, щІ**-хэр щІэфие **з', с', с'І**-хэмкІэ зэрахъужми дытепсэлъыхъащ. Гулгытэншэу кьэнакьым макъ дэкІуашэ зэхэтхэмрэ шабэ хъуа быдэку макъ дэкІуашэхэмрэ я кьэгъэсэбэпыкІэри.

Апхуэдэу, балъкъ псэлъэкІэм ирипсалъэхэм я макъзешэ зэпыша **а**-р шэщІауэ (кыхыу) кьызэрапсэлъри, литературэбзэм къышыкІуэ макъзешэ гьэкІэщІа **ы**-м и пІэкІэ макъзешэ зэпыша **а**-р кьызэрагъэсэбэпри, макъзешэ тІуащІэ кьэгъэшІыгъэ **эу**-р макъзешэ кьызэрыкІуэм хуэкІуауэ кьызэрапсэлъри кьышыгъэлъэгъуаш лэжыгъэм.

Бзэ материал зэхуэтхъэсам кьызэригъэлабгъуэмкІэ, иджыпстурей зэманым кьриубыдэу балъкъ псэлъэкІэр кьэзыгъэсэбэпыр нэхыбэу ныбжь нэхъ зиІэхэращ. Нэхъ шІалэхэм, еджакІуэхэри хиубыдэу, я псэлъэкІэр литературэбзэм техуэу кьыдолыгъэ.

Статъям филологии шІэныгъэхэмкІэ доктор БищІо Б.Ч. адыгэбзэр и лъабжъуэ зэхильхъа бзэшІэныгъэ фІэшыгъэщІэхэр къышчыдгъэсэбэпащ.

Зрыгъуазэ псалъэхэр: кьэбэрдей-шэрджэсыбзэ, балъкъ псэлъэкІэ, лъылъыль макъ, щІэфие макъ, лъылъыль-щІэфие макъ, макъзешэ тІуащІэ

Цитатэ кьызэрыхъыныр: Хэжь З.Р. Адыгэбзэм и балъкъ псэлъэкІэм иІэ фонетикэ шхъэхуэныгъэхэр // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-2 (63). С. 67–76. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-67-76

Original article

PHONETIC FEATURES OF THE MALKIN DIALECT OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Zalina R. Khezheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the

Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zalinathamadokova9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© Z.R. Khezheva, 2024

Abstract. The purpose of this article is to reflect the main phonetic features of the Malkinsky dialect of the Kabardino-Circassian language. The main differences between the literary language and the analyzed dialect are reflected in the examples recorded in the tables. It is noted that the main phonetic feature of the Malkinsky dialect is the use of hissing, plucking-whistling and whistling sounds. Depending on the features of the use of these consonants, the Malkinsky dialect can be divided into two varieties – the hissing layer and the whistling layer. It is indicated that in the speech of the hissing layer, the literary hissing-whistling *жъ, ц, цI* (zh', shch, shchI) are replaced by the hissing *ж', ш', ш'I* (zh', sh', sh'I). In the speech of the whistling group, the hissing-whistling sounds *жъ, ц, цI* (zh', shch, shchI) are replaced by the whistling sounds *з', с', с'I* (z', s', s'I). The article analyzes the use of mid-hard-palatalized sounds in parallel with affricates.

It is also noted that the speech of speakers of the Malkin dialect is characterized by the lengthening of the long vowel sound *a*, the use of the long vowel sound *a* instead of the vowel *ы*, the monophthongization of the diphthong *эу*, the use of the long vowel *a* instead of the short *э*.

It is concluded that the results of the surveys, the language material, and the viewing (listening) of video materials give grounds to believe that the phonetic features present in the speech of the residents of the Zolsky district (Malka (Khezhykhheble), Betekh, Eto-ko) are at this stage very conditional in nature and are found mostly in the speech of the older generation. The speech of residents of other age groups in the area of distribution of the Malka dialect in the field of phonetics basically coincides with the literary language.

The article used a system of new linguistic terms in the Kabardino-Circassian language, developed by Doctor of Philological Sciences Bizhiov B.Ch.

Keywords: Kabardino-Circassian language, Malkin dialect, plucking sound, hissing sound, hissing-hissing sound, diphthong

For citation: Khezheva Z.R. Phonetic features of the malkin dialect of the Kabardino-Circassian Language. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 4-2 (63): 67–76. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-67-76

Научная статья

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАЛКИНСКОГО ГОВОРА КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Залина Рамадовна Хежева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zalinathamadokova9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© З.Р. Хежева, 2024

Аннотация. Цель статьи – отражение основных фонетических особенностей малкинского говора кабардино-черкесского языка. Основные различия между литературным языком и анализируемым говором отражены в языковом материале, который собран автором в ходе очного присутствия и дистанционной онлайн-записи образцов речи, а также в примерах, зафиксированных в таблицах. Отмечено, что основная фонетическая особенность малкинского говора заключается в употреблении шипящих, шипяще-свистящих и свистящих звуков. В зависимости от особенностей употребления указанных согласных малкинский говор целесообразно разделить на две разновидности – шипящий слой и свистящий слой. Указано, что в речи шипящего слоя литературные шипяще-свистящие *жъ, ц, цI* заменяются шипящими *ж', ш', ш'I*. В речи свистящей группы шипяще-свистящие *жъ, ц, цI* заменяются свистящими *з, с, с', I*. В статье анализируется употребление среднетверденебных палатализованных звуков параллельно с аффрикатами.

Также отмечается, что для речи носителей малкинского говора характерно удлинение долгого гласного звука *a*, употребление долгого гласного звука *a* вместо

гласного *ы*, монофтонгизация дифтонга *эу*, употребление долгого гласного *а* вместо краткого *э*.

Делается вывод, что результаты опросов, языковой материал, просмотр (прослушивание) видеоматериалов дают основание полагать, что фонетические особенности, присутствовавшие в речи жителей Зольского района (Малка (Хьэжыхьэблэ), Бэтэх, Этоко), на данном этапе носят весьма условный характер и обнаруживаются большей частью в речи жителей старшего поколения. Речь жителей других возрастных групп в ареале распространения малкинского говора в области фонетики в основном совпадает с литературным языком.

В статье применялась система новых лингвистических терминов на кабардино-черкесском языке, разработанная доктором филологических наук Бижоевым Б.Ч.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, малкинский говор, щипающий звук, свистящий звук, шипяще-свистящий звук, дифтонг

Для цитирования: Хежева З.Р. Фонетические особенности малкинского говора кабардино-черкесского языка // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-2 (63). С. 67–76. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-67-76

Адыгэбзэм и щыпIэбзэхэмрэ псэлэкIэхэмрэ яIэ щхьэхуэныгъэхэр джыным елэжьащ щIэныгъэлIхэу Яковлев Н.Ф. [Яковлев 1930], Турчанинов Г.Ф., Цагъуэ М. [Турчанинов, Цагов 1940], Къумахуэ М.И. [Кумахов 1957], Балъкэр Б.Хь. [Балкаров 1959], Мамрэш К.Т. [Мамрешев 1959], Багъы П.М. [Багов 1968], Шагъыр I. Къ. [Шагиров 1969], КIуащ Т.Х. [Куашева 1969], Тау Хь.Т. [Тау 1998], БищIо Б.Ч. [Бижоев 2018], Бэрбэч Б.Ч. [Бербеков 1992] сымэ, нэгъуэшIхэри.

Балък псэлэкIэр литературэбзэм и мардэм къыщхьэщыкI, фонетикэ, морфология, лексикэ и лъэныкъуэкIэ щхьэхуэныгъэ хэхахэр зиIэ къэбэрдей шэрджэсыбзэм и зы къуэпсщ. Балък псэлэкIэм иропсалъэ Къэбэрдей-Балъкэрым и Дзэлыкъуэ районым хиубыдэ къуажэхэу Малкэ къуажэм и ищхьэрэ Iыхьэм (Хьэжыхьэблэ), Бэтэх, ЯтIэкъуэ щыпсэхэр. Бэтэхрэ ЯтIэкъуэрэ иджыпсту дэсым я нэхьыбэр Хьэжыхьэблэ къиIэпхьукIахэрщ [Шагиров 1955].

Дэтхэнэ зы щыпIэбзэми, псэлэкIэми хуэдэу Балък псэлэкIэм фонетикэ, морфология, лексикэ и лъэныкъуэкIэ щхьэхуэныгъэхэр иIэщ. Ауэ щыхьукIи, балък псэлэкIэр нэхь къыхэгъэщхьэхукIа зэрыхур фонетикэ илъэныкъуэкIэщ.

Лэжьыгъэм къыщыгъэсэбэпа транскрипцэр

Лэжьыгъэм къыщыгъэсэбэпа транскрипцэм лъабжэ хуэкъуар адыгэ тхыпкыльэращ. Абы къыдэкIуэу къэдгъэсэбэпащ елыта дамыгъэ гуэрхэри.

сI – макъ дэкIуашэ щIэфие укъуэдия пIытIа

шI – лъылъыль макъ дэкIуашэ укъуэдия пIытIа.

«'» – макъ дэкIуашэм и ижырабгъу лъэныкъуэмкIэ тетмэ, абы и шабагъ къегъэлыгъуэ

«—» макъзешэм и щхьэм тетмэ, ар шэщIауэ къызэрыпсэлъын хуейр къегъэлыгъуэ.

Адыгэ тхыпкыльэм зы тхыпкыуу къыщыгъэлыгъуа макъзешитI зэхэлъ *и*, *у*-хэр зэрызэхэтым елыта тхыпкыитI *йы*, *уы*-хэмкIэ къыщыгъэлыгъуащ.

IупитI макъ дэкIуашэ ныкъуэ *у*-м ипэ кыхуэуу къыщыхьу макъзешэ кIэщI э-м къытекI макъзешэ къызэрыкIуэр *оу*-дамыгъэмкIэ къэгъэлыгъуащ. Лъылъыль макъ дэкIуашэ зэхэлъ пIытIа *кI*-р *чI*-мкIэ къэгъэлыгъуащ.

КIахэбзэ псалъэхэм къыщыкIуэ щIэфие макъ дэкIуашэ укъуэдияхэр *жэ*, *щ*, *щI* тхыпкхэмкIэ къэгъэлыгъуащ. Абы къыдэкIуэу, кIахэбзэм къыщыкIуэ лъылъыль макъ укъуэдия шабэхэр къэдгъэлыгъуэн папщIэ къэдгъэсэбэпащ «'» – диакратикэ дамыгъэр.

Балък псэлэкIэм макъзешэхэм и дежи макъ дэкIуашэхэм и дежи езым и щхьэхуэныгъэхэр иIэжщ.

Макъ дэкIуашэхэм я деж щыIэ щхьэхуэныгъэхэр

Балькъ псэлъэкIэм макъ дэкIуашэхэм ехьэлIа щхьэхуэныгыгъэ куэд дыщрохьэлIэ. Псом хуэмыдэу а щхьэхуэныгыгъэхэр наIуэ кыщцохьу лбылбыль, лбылбыль-щIэфе, щIэфе макъ дэкIуашэ укъуэдияхэм я деж.

Балькъ псэлъэкIэм и фонетикэ нэщэнэ нэхьыщхьэхэм ящыщщ литературэбзэм кыщыкIуэ лбылбыль-щIэфе макъ дэкIуашэ *жь, щ, щI*-хэр макъ дэкIуашэ лбылбыль щабэ *ж', ш', ш'I, з', с', с'I*-хэмкIэ хьуэжа зэрыщыхьур.

ж', ш', ш'I макъ дэкIуашэхэр *жь, щ, щI* макъхэм я пIэкIэ кьэгъэсэбэпа зэрыхьум и шапхьэ

<i>жьэ</i>	<i>ж'э</i>
<i>жьы</i>	<i>ж'ы</i>
<i>жьачIэ</i>	<i>ж'ачIэ</i>
<i>Iэжьэ</i>	<i>Iэ ж'э</i>
<i>щы</i>	<i>ш'ы</i>
<i>щынэ</i>	<i>ш'ынэ</i>
<i>щакIуэ</i>	<i>ш'акIуэ</i>
<i>нащэ</i>	<i>на ш'э</i>
<i>дыщэ</i>	<i>ды ш'э</i>
<i>жэщ</i>	<i>жа ш'</i>
<i>щIы</i>	<i>ш'Iы</i>
<i>щIэ</i>	<i>ш'Iэ</i>
<i>хьэщIэ</i>	<i>хьэш'Iэ</i>
<i>тIощI</i>	<i>тIош'I</i>

з', с', с'I макъ дэкIуашэхэр *жь, щ, щI* макъхэм я пIэкIэ кьэгъэсэбэпа зэрыхьум и шапхьэ

<i>бжьыхьэ</i>	<i>бз'ыхьэ</i>
<i>бжьэ</i>	<i>бз'э</i>
<i>жьы</i>	<i>з'ы</i>
<i>щабэ</i>	<i>с'абэ</i>
<i>щхьэ</i>	<i>с'хьэ</i>
<i>нащэ</i>	<i>нас'э</i>
<i>мыщэ</i>	<i>мыс'э</i>
<i>щIалэ</i>	<i>с'Iалэ</i>
<i>щIэ</i>	<i>с'Iэ</i>
<i>щIыпIэ</i>	<i>с'IыпIэ</i>
<i>хьэщIэ</i>	<i>хьас'Iэ</i>
<i>тIощI</i>	<i>тIос'I</i>
<i>нэгъуэщI</i>	<i>нэгъуэ с'I</i>

Щапхьэхэм наIуэ кызэращIщи, литературэбзэм кыщыкIуэ лбылбыль-щIэфе макъ дэкIуашэ *жь, щ, щI*-хэм я пIэкIэ балькъ псэлъэкIэм кыщцагъэсэбэп лбылбыль, щIэфе макъ дэкIуашэ укъуэдияхэр. Лбылбыль, лбылбыль-щIэфе, щIэфе макъ укъуэдияхэм я кьэгъэсэбэпкIэм елбытауэ балькъ псэлъэкIэр езыр лIэужыгыуитI ипщIыкIыжыну кьозэгъ.

Лбылбыль лIэужыгыуэ: мы лIэужыгыуэм ирипсалъэхэм литературэбзэм кыщыкIуэ лбылбыль-щIэфе макъ *жь, щ, щI*-хэр лбылбыль *ж', ш', ш'I*-хэмкIэ зэхьуэкIауэ кьагъэсэбэп: *Нэмыцэр кышыкIуам шыгъуэ шэ, а дигъунэгъум шэ, я де пшIэнтIэишхуэти шэ штаб яшIауэ шыташ.* (Хьэжнэгъуей Борис Мыхьутар и кьуэ, 1932 гъэм кьальхуащ, 92 мэхьу, Малкэ (Хьэжыхьэблэ).

ЩIэфе лIэужыгыуэ: мы лIэужыгыуэм ирипсалъэхэм литературэбзэм кыщыкIуэ лбылбыль-щIэфе макъ *жь, щ, щI* – хэр щIэфе *з', с', с'I*- хэмкIэ

яхуэж: *Щатхууц кьуэр, кьуэ кьуэцлым дэтлысхьэц ятлагьуэ джабэ бгыр щатхуури, бгьэнышхьэ унэр абы хэдьеру, шьыхьэплэ илэу тцлыри дэтлысэклас, жи кьэклуар. Уарцэ дгьэсасиц, жиа, зыр зым дьидэлэпыкьуасиц, жиа..* (**Кьардэн Маритэ Владимир ипхьу**, 1971 гьэм кьальхуаш, 53 мэхьу, Ятлэкуэ).

Балыкь псалыкьэм и лылытыл лэужыгыгьуэм ирипсалыкьэхэр куэдкэ нэхьыбэш цлэфеи лэужыгыгьуэм ирипсалыкьэхэм нэхьрэ. Абы кьыдэклэуи кьыжылапхьэш балыкь псалыкьэм и фонетикэ нэцэнэ нэхьышхьэ дьдэш литературэбзэм кьышцыкьуэ лылытыл-цлэфеи макь **жь, щ, шл**-хэр лылытыл **ж', ш', ш'л**-хэмкэ хьуэжа зырышцыхур.

Литературэбзэм кьышцыкьуэ лылытыл-цлэфеи макьхэр лылытыл макь дэклэуашэ шабэхэмкэ хьуэжа шоху балыкь псалыкьэм ирипсалыкьэху Малкэ (Балыкь) кьуажэм и Хьэжыхьэблэ Ыхьэм, апхуэдэуи Бэтэх, Ятлэкуэ кьуажэм цыпсэхэм я жьабзэм. Малкэ (Балыкь) кьуажэм и нэгьуэщл Ыхьэхэми, Бэтэх, Ятлэкуэ кьуажэхэм я гьунэгьу жылэхэми я жьабзэм мыпхуэдэ фонетикэ шхьэхуэныгьэ ушрихьэлэркьым.

Литературэбзэм и мардэм нэхь пэгьунэгьу защлын мурадкэ балыкь псалыкьэм ирипсалыкьэхэм литературэбзэм кьышцыкьуэ лылытыл-цлэфеи макьхэр лылытыл макьхэмкэ ямыхьуэжу кьышапсэлэ шьлэш. Езы малкэдэс языныкьуэхэм зэрыжаэмкэ, макьхэр зэхьуэклауэ кьышагьэсэбэпи шьлэш, шьызэрамыхьуэкли урохьэлэ: *Хьэжыхьэблэхэм ш нэхь жалэу шьитиц, ауэ сэ нэхь ц-м зыхьызогьахуэри, ц жызолэ... Хьэжыхьэблэхэр араш, ш жалэр. Шл-м нэхь сесауэ ц жызолэ, ш-ри жызолэ.* (**Токьумакь Тамарэ Кьэрней ипхьу**, 1943 гьэм кьальхуаш, 82 мэхьу, Малкэ (Хьэжыхьэблэ).

Ауэ абы балыкь псалыкьэм и зы нэгьуэщл фонетикэ шхьэхуэныгьэ кьегьэщл – литературэбзэм кьышцыкьуэ лылытыл макь дэклэуашэ укьуэдияхэм я плэкли лылытыл-цлэфеи макь дэклэуашэ укьуэдия **жь, щ**-хэр кьэгьэсэбэпыныр. Апхуэдэу балыкь псалыкьэм и лылытыл лэужыгыгьуэм ирипсалыкьэхэм я жьабзэм куэдрэ дышрохьэлэ литературэбзэм кьышцыкьуэ хьэжыгьэ псалыэм и плэклэ хьэжыгьэ, кьашэ псалыэм и плэклэ кьашэ жылэклэхэр кьагьэсэбэпу. Мыпхуэдэ шхьэхуэныгьэр нэхьыбэу зи жьабзэм хэплэагьуэр курыт еджаплэм шлэсхэмрэ литературэбзэм тет нэгьуэщл кьуажэхэм цыпсэхэмрэ шлэх-щлэхуэ епсэлэн хуей хьухэмрэш.

Балыкь псалыкьэм и лэужыгыгьуитми ирипсалыкьэхэм я жьабзэм лылытыл макь дэклэуашэ **ж, ш**-хэм иплэклэ лылытыл-цлэфеи макь дэклэуашэ **жь, щ**-хэр кьызэрагьэсэбэпым псалыэм и мыхьэнэм зригьэхьуэжыркьым. Псалыэм папщлэ, балыкь псалыкьэм и япэ лэужыгыгьуэм ирипсалыкьэхэм ящыц зым **мажэ**-м и плэклэ (шхьэц зэражэ лэмэпсымэ мыхьэнэр илэу) **мажэ** (жэрыгьэклэ макьуэ) жиэмэ, зыхэт контекстым елытауэ жиэнэу зыхуейр кьыбгуроуэ. Литературэбзэм и мардэм тету цлэфеи-лылытыл макь дэклэуашэ укьуэдияхэр тэмэму кьэгьэсэбэпыным хушлэкуным кьешэ балыкь псалыкьэм и фонетикэ нэцэнэхэм ящыц зыр флэклэуэдыныр.

Литературэбзэм кьышцыкьуэ лылытыл-цлэфеи макь дэклэуашэ **жь, щ**-хэм я плэклэ лылытыл **ж', ш',**-хэр кьэгьэсэбэпыныр, апхуэдэ зэхьукьыныгьэхэр хэтми, псалыэм и мыхьэнэр кьыбгурыуэныр тынш ещл мы макьхэр я кьэпсалыкьлэклэ зэпэгьунэгьуу зэрышцытым. Гу лытэн хуейц балыкь псалыкьэм и япэ лэужыгыгьуэм ирипсалыкьэхэр ныбжэ нэхь зилэхэр арауэ зэрышцытым, абыхэм я жьабзэм лылытыл **ж', ш'**-хэр нэхь шабэу кьышапсэлэ, абы кьыхьэклэкли литературэбзэм кьышцыкьуэ лылытыл-цлэфеи макь дэклэуашэ **жь, щ**-хэм я кьэпсалыкьлэ куэдкэ кьышхьэщыкькьым: *Ди псалыкьлэр точлыр адрейхэм ейм... ш-раиц. Большинством ш-раиц дэ, Хьэжыхьэблэм адрейхэм дьызэрытешлыр. Шоферу сышеджэм шыгьуэ, хьыджэбз цлыкьлэхэм ауан сыкьашырт: ш жылэт жалэурэ, лэджэрэ жызагьылэрти, кьышыдыхьэшхырт.* (**Хьэжнэгьуей Борис Мыхьутар и кьуэ**, 1932 гьэм кьальхуаш, 92 мэхьу, Малкэ (Хьэжыхьэблэ).

Балькъ псэлъэкIэм и етIуанэ лIэужьыгъуэм ирипсалъэхэм я жьабзэм литературэбзэм кышыкIуэ лъылъыль-щIэфие макъхэр щIэфие макъ дэкIуашэ шабэхэмкIэ хьуэжа зрыщыхур кышхэщокI япэ лIэужьыгъуэм ирипсалъэхэм ейм. Балькъ псэлъэкIэм и етIуанэ лIэужьыгъуэм ирипсалъэхэм я бжыгъэр нэх мащIэщ, абы кыыхэкIыуи абыхэм я псэлъэкIэм хэлъ щхьэхуэныгъэхэм гу зрыльыптэр нэх мащIэуш. Балькъ псэлъэкIэм и етIуанэ лIэужьыгъуэм ирипсалъэхэр хушIэкьуркыым литературэбзэм и мардэм пэгъунэгъу защIыну. Абы кыыхэкIкIэ литературэбзэм кышыкIуэ лъылъыль-щIэфие макъ дэкIуашэ *жь, щ, щI*-хэр мы лIэужьыгъуэм хэтыххэкыым.

Балькъ псэлъэкIэм и япэ лIэужьыгъуэм ирипсалъэхэм я жьабзэм лъылъыль-щIэфие макъ дэкIуашэ щ-р щIэфие макъ дэкIуашэ с-кIэ хьуэжа зрыщыхур

Литературэбзэм кышыкIуэ лъылъыль-щIэфие макъ дэкIуашэ **щ-р** балькъ псэлъэкIэм и япэ лIэужьыгъуэм ирипсалъэхэм я жьабзэм щIэфие макъ дэкIуашэ укьуэдия **с-кIэ** хьуэжа щыхьуи дрохьэлIэ. Мыпхуэдэ фонетикэ нэщэнэр нэхьыбэу зиIэр лэжыгъэцIэм и зраIуатэ тешэм и гъэпсыкIэр къэзыгъэлъагъуэ **щ-м** и пэм макъзешэ кIэщI, е макъ дэкIуашэ щитым и дежщ.

Литературэбзэм

Балькъ псэлъэкIэм и япэ лIэужьыгъуэм ирипсалъэхэм я жьабзэм

<i>щытщ</i>	<i>ш'ытс</i>
<i>кIуахэщ</i>	<i>кIуахэс</i>
<i>сеплъынищ</i>	<i>сеплъынс</i>
<i>згъэкIуэнищ</i>	<i>згъэкIуэнс</i>
<i>ар тхыльщ</i>	<i>ар тхыльс</i>
<i>ар сымаджэс</i>	<i>ар сымаджэс</i>
<i>чыфIщ</i>	<i>чыфIс</i>

Балькъ псэлъэкIэм и лIэужьыгъуэитIми ирипсалъэхэм я жьабзэм я зэдай фонетикэ щхьэхуэныгъэ гуэрхэри макъ дэкIуашэхэм я деж щыдолъагъу. Псалъэм папщIэ:

а) г', к', к'I, дж, ч, чI макъ дэкIуашэм я къэгъэсэбэпыкIэм иIэ щхьэхуэныгъэхэр

Макъ дэкIуашэ зэхэт **дж, ч, чI**-хэри шабэ хьуа быдэку макъ дэкIуашэ **г', к', к'I**-хэри зэхуэдэу къэгъэсэбэпыныр адыгэбзэм и щыпIэбзэ псоми я зэдай къэхьыгъэщ. Тхыгъэж ди деж къэсыжахэр щыхьэт зрытехьуэмкIэ, пасэ зэманым шабэ хьуа быдэку макъ дэкIуашэ **г', к', к'I**-хэр нэхьыбэрэ кьагъэсэбэпу щытащ ди зэманым елытауэ. Абы кыыхэкIкIи мы макъхэр къэгъэсэбэпыныр, литературэбзэм и мардэм кышхэщыкIыу, щыпIэбзэ нэщэнэу кьэтлгытэ хьуащ. Балькъ псэлъэкIэм ирипсалъэхэм я жьабзэми мащIэ дьдэрэ дыщрохьэлIэ **г', к'I, дж, чI** макъхэм я кызэдекIуэкI къэгъэсэбэпыкIэм: *Сэ сызэрышытар бжесIэн игыпсту... икIи сылэжьыаш школым, жэми зесхьыаш, хозыйтвэри зесхьыаш, гъэшири, кышыдыдэхуэм деж сшэуэ щыташ.* (**Къардэн Лилэ Бубэ ипхьу**, 1942 гъэм кьальхуащ, 82 мэхьу, ЯтIэкьуэ).

<i>Адыгэзэдаибзэм</i>	<i>Балькъ псэлъэкIэм</i>
<i>джанэ // г'анэ</i>	<i>джанэ</i>
<i>джыдэ // г'ыдэ</i>	<i>джыдэ</i>
<i>чIапсэ // к'Iапсэ</i>	<i>чIапсэ</i>
<i>къэкIыгъэ // къэ к'Iыгъэ</i>	<i>къэкIыгъэ</i>

Щабэ хьуа быдэку макь дэкуашэ **к'-р** балыкь псалыэкIэм нэхыбэрэ кы-шагьэсэбэп мыдрей щыпIэбзэхэми, псалыэкIэхэми нэхьрэ. Абы кыдэкуу кыжыIапхьэщ урысыбзэм кыыхэкIыу адыгэбзэм кыыхыа псалыэкIэм кыщыкIуэ макь **к-р** адыгэбзэ макь дэкуашэ зэхэткIэ хьуэжа зэрымыхур.

Литературэбзэм	Балыкь псалыэкIэм
<i>чино // к'ино</i>	<i>к'ино</i>
<i>чилэ // к'илэ</i>	<i>к'илэ</i>
<i>чынутI // к'ынутI</i>	<i>к'ынутI</i>

б) Япэрей лыльыль макь дэкуашэ зэхэт джэ, ч-хэр хьума хьуныр

Япэрей лыльыль макь дэкуашэ зэхэт **джэ, ч-** хэр хьума хьуауэ кыщытлы-тэнур литературэбзэм деж мы макь дэкуашэ зэхэтхэм я пIэкIэ лыльыль макь дэкуашэ укьуэдияхэр кыщыкIуэм и дежщ.

Балыкь псалыэкIэм и лексикэми, литературэбзэм и лексикэми **япэрей** лыльыль макь дэкуашэ зэхэт **джэ, ч-**хэр хьума щыхьуакыым. Ауэ балыкь псалыэкIэм и деж япэрей лыльыль макь дэкуашэ зэхэт **джэ, ч-**хэр кыщызэтенащ цIэ уней-хэм я деж: *Хьэджемэт* (литературэбзэм – Хьэжмэт), *Джэбагы* (литературэбзэм – Жэбагы), *Хьэсанч* (литературэбзэм – Хьэсанш): *Теувэджыкьуэ* (*Теувэжыкьуэ*) *Борис и цхьэгьуэм и цIэр сытыт.. ФатIимэт, хьэуэ, Риммэ лажьбу... Ася Теувэд-жыкьуэр, ар мысту лажьбу, женск советым я председателу лажьбу...* (**Кьардэн Лилэ Бубэ ипхьу**, 1942 гьэм кьальхуаш, 82 мэхьу, ЯтIэкьуэ).

Макьзешэхэм я кьэгьэсэбэпыкIэм иIэ цхьэхуэныгэхэр

Макьзешэхэм я кьэгьэсэбэпыкIэм ехьэлIауэ балыкь псалыэкIэм нэшэнэ зыб-жанэ иIэщ:

- а) Макьзешэ зэпыша **а-р** шэщIауэ (кIыхьыу) кьэпсалыныр;
- б) Макьзешэ тIуащIэ кьэгьэщIыгьэ **эу-р** макьзешэ кызырыкIуэ хьуныгьэ.
- в) Макьзешэ зэпыша **а-м** и пIэкIэ макьзешэ кIэщI э кьэгьэсэбэпыныр.

а) Макьзешэ зэпыша а-р шэщIауэ (кIыхьыу) кьэпсалыныр

Балыкь псалыэкIэм ирипсалыэхэм я жьабзэм макьзешэ зэпыша **а-р** шэщIауэ (кIыхьыу) кыщапсалэ блэкIа зэфIэкIа зэманым ит зэрауатэ тешэм и гьэпсыкIэм, абы зэрауатэ мыхьэнэр кьэзыгьэлыгьуэ льябжьэгьусэ **ц-р** щыпыхум и деж. Псалыэм папщIэ: *ЕтIуанэ махуэм цхьолым сыкIуэн хуейти ди анэм жызоIэ, мыра мыра, си цIэ унэцIэр схужьыIэми сыкьыцIахуж жысIати, пцыхьэцхьэм сри-гьэса си унэцIэр жысIафу, си цIэр жысIафу, итIанэ етIуанэ махуэм жысIэжауэ цыта...* (**Лакь Абуали Исуф и кьуэ**, 1965 гьэм кьальхуаш, 58 мэхьу, ЯтIэкьуэ).

Литературэбзэм	Балыкь псалыэкIэм
<i>сыкIуащ</i>	<i>сыкIу^{āā}</i>
<i>уежьащ</i>	<i>уеж^{'āā}</i>
<i>кIуэгьащ</i>	<i>кьуэгь^{ā ā}</i>

б) Макьзешэ тIуащIэ кьэгьэщIыгьэ эу-р макьзешэ кызырыкIуэ хьуныгьэ

ЗэрытщIэщи, адыгэ литературэбзэм макьзешэ кIэщI **э-р** IупитI макьзешэ ныкьуэ **у-м** и пэм щитым и деж IупщIэлүш макь **о-м** хуокIуэ. Апхуэдэу, макьзе-шэ тIуащIэ кьэгьэщIыгьэ **эу-р** **оу -м** хуокIуэ: *ноубэ < нэубэ*. Макьзешэ тIуащIэ кьэгьэщIыгьэ **эу-р** **оу-м** хуэкIуэным кьешэ макьзешэ кызырыкIуэ **-о** кьэхьуныр.

Литературэбзэм	Балыкь псалыэкIэм
<i>нобэ</i>	<i>ноубэ</i>
<i>тхыль еджэу цысыц</i>	<i>тхыль еджоу ш'ыси'</i>
<i>заницIэу макIуэ</i>	<i>заниш'Iоу макIуэ // занс'Iоу макIуэ</i>

Балькъ псэлъэкIэм ирипсалъэхэм я жьабзэм дыщрохьэлIэ **ыу**-м и пIэкIэ **оу** кьагъэсэбэпу.

Литературэбзэм
щысыу матхэ
бригадирьу солажъэ

щыльыу тхыль йоджэ

Балькъ псэлъэкIэм
ш'ысоу // с'ыс'оу матхэ
бригадироу солаж'э//бригадироу
солаз'э

ш'ыльоу тхыль йоджэ // с'ыльоу
тхыль йоджэ

Щапхъэхэм наIуэ кьызэращIымкIэ, литературэбзэм кьыщагъэсэбэп макъзешэ тIуащIэ кьэгъэщIыгъэм и пIэкIэ балкъ псэлъэкIэм кьыщокIуэ оу кьэгъэщIыгъэр. Езы балкъ псэлъэкIэм и кIуэцIкIэ оу кьэгъэщIыгъэм кьежьапIэ хуэхур эу макъзешэ тIуащIэ кьэгъэщIыгъэрщ: *Ди анэр, конишинэ, зауэ зэманым, а лъэхъэнэм ар гугъу еха.. колхоз пкьюоу жыхуиIэм ешхъоу губгъуэм иташ, аращ.* (**Жэрыкъуэ Жанзиля Пщыбий ипхъу**, 1939 гъэм кьальхуащ, 85 мэхуэ, Псыгуэнсу кьыщальхуащ, Бэтэх 1962 лъандэрэ щопсэу).

в) Макъзешэ зэпыша а-м и пIэкIэ макъзешэ кIэщI э кьэгъэсэбэпынр.

Балькъ псэлъэкIэм ящыщу макъзешэ зэпыша **а**-м и пIэкIэ макъзешэ кIэщI э-р машIэ дьдэщ кьэзыгъэсэбэпыр. Мыпхуэдэ фонетикэ щхъэхуэныгъэр зи жьабзэм кьыхэхур балкъ псэлъэкIэм ирипсалъэ цIыху щхъэхуэ гуэрхэщ, икIи нэхьыбэр кьызыхэщыр зы пычыгъуэ, пычыгъуитI хуэ, макъ дэкIуашэкIэ иух псалъэхэрэщ. Мыпхуэдэ фонетикэ зэхуэкIыныгъэхэр щокIуэкI цIэ унейхэм я дежи: *Бэшир* (литературэбзэм – Башир), *Иэбузар* (литературэбзэм – Иэбузэр): *Аурэ некIуэчIуурэ кьекIуэчIуурэ иджы Шхъэныкъуэхэ ейуэ шэ, зэкъуэшибл хъуэ, шыпхъуитI фIэчIа ямыIэу шэ, бынунагъуэишхуэIейт ар... Iэгъурбий жары, абы зы угъурсыз гуэр яIэти, кьэкIуаш ар.* (**Хъэжнэгъуей Борис Мыхъутар и къуэ**, 1932 гъэм кьальхуащ, 92 мэхуэ, Малкэ (Хъэжыхъэблэ).

ЩIэныгъэ и лъэныкъуэкIэ балкъ псэлъэкIэм макъ дэкIуашэхэм я деж щекIуэкI фонетикэ зэхуэкIыныгъэхэр кьызекар, кьыщежьар наIуэ кьэхуэнымкIэ сэбэп мэхуэ кIахэбзэм и фонетикэ щхъэхуэныгъэхэр.

КIахэбзэм и фонетикэ системэм кьыщокIуэ лъыльыль щIэфие жь, щ, щI, лъыльыль макъ дэкIуашэ быдэ ж, ш, лъыльыль макъ дэкIуашэ шабэ **ж'**, **ш'**-хэр. Абыхэм щыщу кьэбэрдеибзэм и тхыпкыльгъэм кьыщыкIуэр лъыльыль-щIэфие **жь**, **щ**, **щI**, лъыльыль **ж**, **ш** макъхэрщ.

ИщхъэкIэ зи гугъу тIа лъыльыль макъ дэкIуашэ укъуэдия шабэхэр балкъ псэлъэкIэм зэрыхэтыр щыхъэт тохуэ пасэ зэманым мы макъхэр адыгэбзэм и щыпIэбзэ псоми хэту зэрыщытам.

Балькъ псэлъэкIэм и фонетикэ щхъэхуэныгъэхэм ящыщ зыщ литературэбзэм кьыщыкIуэ лъыльыль-щIэфие макъхэр макъ дэкIуашэ укъуэдия шабэхэмкIэ хуэжыныр. Балкъ псэлъэкIэм кьыщхъэщыкIыу мэдэгу щыпIэбзэм макъ дэкIуашэ щIэфие пIытIа **с'I**-р зи пIэкIэ кьагъэсэбэпыр адыгэзэдаибзэм кьыщыкIуэу щыта **щI** макъыращ.

Мыпхуэдэ фонетикэ щхъэхуэныгъэ зьдэпIагъур мэдэгу щыпIэбзэмрэ балкъ псэлъэкIэмрэ я закъуэкъым, атIэ осетинхэм япэгъунэгъуу псэу адыгэ къуажэхэм, псалъэм папщIэ, Лэскэн къуажэм щыпсэухэм я жьабзэми дыщрохьэлIэ. Мы фонетикэ щхъэхуэныгъэр Осетием пэгъунэгъуу псэу адыгэ жылэхэм щыпсэухэм я жьабзэм нэхьыбэу кьызэрыхэщым кьыхэкIэ, **с'I** макъыр осетиныбзэм кьыхэкIыу адыгэбзэм кьыхыхъауэ кьэплытэ хъунуш. Ауэ гу лъытэн хуейщ осетиныбзэм и фонетикэ системэм макъ пIытIа укъуэдия **с'I** зэрыхэмытым. ДауикI, бзэм хэмыт макъыр кьыпхухэхынукукъым. Абы кьыдэкIуэу, гулпытэ хэха хуэтщын хуейщ пIалъэ кIыхъ хъуауэ адыгэ къуажэхэм зэрагъунэгъум, адыгэхэм къазэрыдэгъуэгурыкIуэм кьыхэкIкIэ адыгэбзэр зэзыгъэщIауэ абы ирипсалъэ осетинхэм я жьабзэм. Абы я жьабзэм и фонетикэ щхъэхуэныгъэ нэхьыщхъэ дьдэхэм

ящыщ зыщ литературэбзэм кышыкIуэ лбылбыль-щIэфе макъ дэкуашэ укьуэ-дия *жсь, щ, щI*-хэр макъ дэкуашэ шабэ щIэфе з', с', с'I-хэмкIэ хьуэжыныр. ЩIэныгъэлхэм гу зэрылытатащи, мыпхуэдэ зэхьуэкIыныгъэр къэзыша щхьэу-сыгъуэхэм ящыщ ильэс щитI ипэкIэ Хьэжыхьэблэ хэхэсу дэтIысхьэжа абазэхэм я бээр арауэ зэрыщытым (БищIо, 2018).

Абы кыхэкIыуи, мыпхуэдэ фонетикэ щхьэуэныгъэр адыгэбзэкIэ псалъэ осе-тинхэм я бзэм кыхэкIауэ жыпIэ хьунуш. Ауэ нэгъуэщI лъэныкьуэкIи, лбылбыль-щIэфе макъ дэкуашэ укьуэдия *жсь, щ, щI*-хэр макъ дэкуашэ шабэ щIэфе з', с', с'I-хэмкIэ хьуэжыным адыгэзэдаибзэм и лъэхьэнэм кыщезьэ нэхь лъабжьэ куу иIэнкIи хьунуш, сыту жыпIэмэ мэдзэгу щIыпIэбзэм кыщагъэсэбэп щIэфе макъ дэкуашэ укьуэдия с'I-р зыхьуэкIуэр адыгэзэдаибзэм кышыкIуэ лбылбыль-щIэфе макъ дэкуашэ щI-м и закьуэщ.

ТегъэщIапIэхэр Список источников и литературы

Багов 1968 – *Багов П.М.* Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1968. 154 с.

Балкаров 1959 – *Балкаров Б.Х.* Язык бесленеевцев. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959.

Бербеков 1992 – *Бербеков Б.Ч.* Диалектная лексика кабардинского языка. Нальчик: Эльбрус, 1992.

Бижоев 2018 – *Бижоев Б.Ч.* Иранская лексика в кабардино-черкесском языке // Иран и Северный Кавказ: история и перспектива сотрудничества (материалы международной научно-практической конференции). Владикавказ, 2018. С. 80–82.

Куашева 1969 – *Куашева Т.Х.* Терские говоры // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик, 1969. С. 119–190.

Кумахов 1957 – *Кумахов М.А.* К вопросу о классификации адыгских диалектов // Уч. зап. КБГУ. Вып. 2. Нальчик, 1957.

Мамрешев – *Мамрешев К.Т.* Особенности баксанского диалекта кабардинского языка. Нальчик, 1959.

Таов 1998 – *Таов Х.Т.* Проблемы кабардино-черкесской диалектологии. Науч. доклад на соискание уч. ст. д.ф.н. Нальчик, 1998.

Турчанинов, Цагов 1941 – *Турчанинов Г., Цагов М.* Грамматика кабардинского языка. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1940.

Шагиров 1969 – *Шагиров А.К.* Малкинский говор // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик, 1969. С. 290–316.

Яковлев 1930 – *Яковлев Н.Ф.* Языки и народы Кавказа. Тифлис: Заккнига, 1930.

ПМА – Полевой материал З.Р. Хежевой

References

BAGOV P.M. *Kubano-zelenchukskie govory kabardino-cherkesskogo yazyka* [Kuban-Zelenchuk dialects of the Kabardino-Circassian language]. Nal'chik, 1968. 154 p. (In Russian)

BALKAROV B.KH. *Yazyk besleneevcev* [Language of the Besleneyevites]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. (In Russian)

BERBEKOV B. CH. *Dialektnaya leksika kabardinskogo yazyka* [Dialect lexicon of Kabardian language]. Nal'chik, El'brus, 1992. (In Russian)

BIZHOEV B.CH. *Iranskaya leksika v kabardino-cherkesskom yazyke* [Iranian vocabulary in the Kabardino-Circassian language]. IN: Iran and the North Caucasus: the history and prospects of cooperation (materials of the international scientific and practical conference). Vladikavkaz, 2018. P. 80–82. (In Russian)

KUASHEVA T.H. *Terskie govory* [Terek dialects]. IN: Ocherki kabardino-cherkesskojdialektologii. Nal'chik, 1969. P. 119–190. (In Russian)

KUMANOV M.A. *K voprosu o klassifitsii adygskih dialektov* [On the issue of classification of Adyghe dialects]. IN: Uch. Zap. KBGU. Vyp. 2. Nal'chik, 1957. (In Russian)

MAMRESHEV K.T. Osobennosti baksanskogo dialekta kabardinskogo yazyka [Features of the Baksan dialect of the Kabardian language]. Nal'chik, 1959. (In Russian)

ТАОВ КН.Т. *Problemy kabardino-cherkesskoj dialektologii* [Problems of Kabardino-Circassian dialectology]. Nauch. Doklad na soiskanie uch. St. d.f.n. Nal'chik, 1998. 52 p. (In Russian)

TURCHANINOV G., TSAGOV M. *Grammatika kabardinskogo yazyka* [Grammar of the Kabardian language]. M.–L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1940. (In Russian)

SHAGIROV A.K. *Malkinskij govor* [Malkin dialect]. IN: Ocherki kabardinocherkesskoj dialektologii. Nal'chik, 1969. P. 290–316. (In Russian)

YAKOVLEV N.F. *Yazyki i narody Kavkaza* [Languages and peoples of the Caucasus]. Tiflis: Zakniga, 1930. 68 p. (In Russian)

Polevoi material Khezhevoi Z.R. (Field material by Z.R. Khezheva)

Авторым теухуауэ

З.Р. Хэжь – филологие щІэныгъэхэмкІэ кандидат, адыгэбзэ секторым и лэжьбакІуэ нэхъыжь.

Информация об авторе

З.Р. Хежева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

Z.R. Khezheva – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher, Department of Kabardino-Circassian Language.

Статья поступила в редакцию 01.11.2024; одобрена после рецензирования 26.11. 2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 01.11.2024; approved after reviewing 26.11. 2024; accepted for publication 25.12.2024.

Научная статья

УДК 821.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-77-88

МОТИВЫ ПРЕВРАЩЕНИЯ И ПОИСКОВ ОТЦА В РОМАНЕ Н. КУЕКА «ВИНО МЕРТВЫХ»

Мадина Андреевна Хакуашева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dinaarma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

© М.А. Хакуашева, 2024

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей поэтики романа «Вино мертвых» адыгейского (западно-черкесского) писателя Н. Куека. Целью исследования является установление своеобразия авторского идиостиля, которое представляет собой достаточно выразительную, яркую манифестацию мифо-фольклорной трансформации образов и мотивов, наиболее типичных для устного народного творчества черкесов. Наиболее интересными среди прочих типичных образов становятся образы меча, коня, подземелья, которые в своем сочетании указывают на мотив превращения или инициации, претерпевающего цепь трансформаций, перемещаясь последовательно из обряда в миф, фольклор, а далее в художественный литературный текст. Другим ярким фактором, аккумулированным литературной традицией, становится мотив поисков отца. Ассимиляция мифо-фольклорных образов и мотивов, сохраняя национальное своеобразие и аутентичность художественного нарратива, приводит к значительному углублению и усложнению его семантической и семиотической характеристик. Подобный подход определяет актуальность исследования. В статье применяются методы сравнительно-исторического, структурного, художественного литературоведческого анализа. На примере романа «Вино мертвых» Н. Куека просматривается реализация художественного замысла в русле трансформации древнейшей мифо-фольклорной традиции, преломления ее в той или иной форме на пути формирования новых литературных традиций. Вводя мифологических персонажей, автор строит с их участием концепцию нового индивидуального авторского мифа – литературного. Полученные результаты могут найти применение при изучении истории национальной литературы, написании методических и учебных пособий для студентов филологических вузов, подготовке к циклу лекций и практических семинаров по истории адыгской (черкесской) литературы.

Ключевые слова: литературная традиция, жанр, литературные архетипы, мифо-фольклорные заимствования, символизм, мифологические и фольклорные мотивы, мифо-фольклорные образы

Для цитирования: Хакуашева М.А. Мотивы превращения и поисков отца в романе Н. Куека «Вино мертвых» // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-2 (63). С. 77–88. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-77-88

Original article

MOTIVES OF TRANSFORMATION AND SEARCH FOR FATHER IN N. KUEK'S NOVEL "WINE OF THE DEAD"

Madina A. Hakuasheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dinaarma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

© M.A. Hakuasheva, 2024

Abstract. The article is devoted to the study of the poetics of the novel «Wine of the Dead» by the Western Circassian writer N. Kuek. The purpose of the study is the originality of the author's idiosyncrasy, which is a fairly expressive, vivid manifestation of mytho-folklore borrowing of images and motifs that are most typical of the oral folklore of the Circassians. The most interesting among other typical images is the image of a sword, a horse, a dungeon, which in their combination indicate the motif of transformation or initiation, which has undergone some transformations, moving consistently from a ritual to a myth, folklore, and from the latter to a literary text. Another vivid motif borrowed by the literary tradition is the motif of searching for a father. Such assimilation of mytho-folklore images and motifs, while preserving the national originality and authenticity of the artistic narrative, leads to a significant deepening and complication of its semantic and semiotic characteristics. Such an approach determines the relevance of the study. The article uses the methods of comparative historical, structural, artistic literary analysis. Using the example of the novel «Wine of the Dead» by N. Kuek, the implementation of the artistic concept is seen in the mainstream of the transformation of the ancient mytho-folklore tradition, its refraction in one form or another on the way to the formation of new literary traditions. Introducing mythological characters, the author creates with their participation the concept of a new individual author's myth – a literary one. The results obtained can be used in studying the history of national literature, writing methodological and educational manuals for students of philological universities, preparing for a series of lectures and practical seminars on the history of Circassian literature.

Keywords: literary tradition, genre, literary archetypes, mytho-folklore borrowings, symbolism, mythological and folklore motifs, mytho-folklore images

For citation: Hakuasheva M.A. Motives of transformation and search for the father in the novel by N. Kuek «Wine of the Dead». Vestnik KBIHI = KBIHR Bulletin. 2024; 4-2 (63): 77–88. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-77-88

Эволюция жанровой формы связана с реакцией преодоления предшествующих художественных методов, из которых на разных этапах закономерно «вырастает» любая национальная литература. Эта закономерность, которую следует обозначить диалектической, является одной из самых действенных в развитии любого литературного процесса. Так, жанр адыгской лирической повести возникает как реакция на повышенные требования в отношении идеологического элемента в произведениях соцреализма. Ее сменяет новая адыгская повесть, которая актуализирует преимущественно новые способы поэтики и организации художественного текста.

Одним из представителей современной лирико-философской прозы является талантливый адыгейский (западно-черкесский) писатель Н.Ю. Кук (1938–2007). Его творческий феномен можно назвать одним из самых ярких в истории современной национальной литературы. Поэт, прозаик, драматург, публицист, общественный деятель, Нальби Кук явился писателем-новатором, который сформировал неповторимый художественный стиль, претворив одним из первых новые литературные жанры, такие как роман-миф, повесть-притча. «Его истоки глубоки

и разнообразны: устное народное творчество, мировая классическая литература, творчество предшествующих адыгейских поэтов и писателей» [Паранук 2004: 7].

Наиболее наглядной манифестацией новых принципов Н. Куека явился отказ от художественного метанарратива как некой унифицирующей модели. Ее заменяют относительная бессюжетность больших и средних прозаических жанров, что роднит его стиль с лирической эссистикой. Вместе с тем, Н. Куека можно назвать одним из самых заметных последователей художественного воплощения эпической народной традиции в современной адыгской литературе, при этом авторский стиль оказывается удачным сплавом традиционных и новаторских методов. «Фольклор в художественной системе того или иного автора чаще всего оказывается в статусе «особого смысла». Важно, что для Нальби Куека он прежде всего – мрачное свидетельство утраты истины и смысла. Характерно, что осознание героем этой утраты порождает в нем стремление прорваться к истине, восстановить исконное право на нее» [Кажарова 2003: 121].

Мифофольклорные элементы находят свое воплощение через значительное усложнение художественной структуры, целую систему символов, кодов и знаков. Новый принцип *игровой композиции*, который только начал формироваться в творчестве предшественников (например, М. Эльберда), получает у адыгейского автора дальнейшее развитие и воплощается в оригинальных художественных формах. Мы рассмотрим особенности поэтики в романе Н. Куека «Вино мертвых».

Подземелье как признак инициации. Склеп – место, к которому ежегодно возвращается основатель рода Хаткоесов, главный герой романа «Вино мертвых» Дэдэр. После пересечения каменного поля (преддверие загробного мира), он попадает в «расщелину», символизирующую сам загробный мир: «Он стоял на дне бездны, а может, это была расщелина неизмеримой глубины, без видимых глазом стен, и со всех сторон его окружали звери невиданных пород и размеров, и он чувствовал, что эти страшилища отринуты сородичами, теми, которые их породили, за несвойственные даже им жестокости» [Куек 2002: 28]. Расщелина заселена отверженными чудовищами, которые издают нечеловеческие звуки, являются порождением ненависти и страха людей: «Скрежет хищных зубов, чавканье... длинные, долгие завывания...» [Куек 2002: 28]. Так, склеп несет на себе в данном контексте двойной отпечаток: с одной стороны, это – загробный мир, с другой – чистилище, где собраны духи злобы и ненависти, с которыми герою предстоит вступить в борьбу. Автор описывает ее лишь мельком, как бы пунктиром, опуская подробности. Дэдэр умирает и воскресает в течение страшной битвы: «Дэдэр умирал и снова оживал... Схватка продолжалась всю ночь» [Куек 2002: 28]. Из этой битвы герой выходит победителем, благодаря магической силе отцовского меча, который становится впоследствии лейтмотивным образом романа: в кризисных, опасных или ответственных ситуациях он каждый раз мерещится герою. «Он все еще чувствовал себя ослепшим и онемевшим, он сам тень и должен сразиться с тенями, он еще не до конца пришел в себя, но уже знает, что если и спасется, это место станет частью его будущей жизни» [Куек 2002: 28]. Создававшая оппозиция: герой (представитель мира, добра, света) и призраки тьмы (воплощающие зло) – разрешается автором своеобразно: «Порождения ада жаждут встретить нечто совершенно противоположное себе, и это может стать единственной надеждой на спасение, то есть на продление их бытия в небытии, ибо им нет возврата. И это может стать частью мира, и быть в законе, и быть умноженным» [Куек 2002: 29].

По завершении схватки герой имеет облик, характерный для посвященных, прошедших обряд инициации: «...Шерстяная рубаха и панцирь ключьями свисали с него, а взгляд, устремленный в неземные запредельные дали, был дик и страшен. Если бы кто-то из людей Земли в эту минуту заглянул в его глаза, он мог бы сказать: он уже увидел все, и это лишило его зрения (курсив мой. – М.Х.), теперь он ждет того, кто сделает его снова зрячим» [Куек 2002: 30]. Временная слепота –

типичный признак неопита, так как вернувшийся из мира мертвых сам – мертвец. Но уподобившийся покойнику Дэдэр тем самым получает доступ к самой главной цели – встрече с призраком отца (любопытно, мы встречаемся с прозрачной реминисценцией сцены встречи Гамлета с призраком отца). Он находит его захоронение, напоминающее настоящий склеп, который называется «могилой одиночества»: «Вот его склеп – огромные камни, сложенные в виде домика, завершающегося конусообразным верхом» – каменное сооружение, которое можно принять за дом. И все-таки это – не обычный дом, так как «к нему не подбираются ни солнечные лучи, ни снега, ни дожди» [Кук 2002: 31]. Неудивительно, что в заколдованном пространстве «того света» все иначе, в первую очередь – время. Так, пока Дэдэр находится в склепе, проходит время, равное земной жизни человека. Неудивительно и то, что отец нетленен: все так же «завитки волос выглядывают из-под шлема, огромные руки... может быть, лицо стало чуть бледнее» [Кук 2002: 31]. Суть любой инициации – в посвящении в эзотерические знания племени, системы его космогонических мифических представлений, тотемных масок и т.д. Регулярно повторяющиеся инициации Дэдэра – обретение временно утраченного «зрения», которое в данном контексте – восстановление исторической памяти с помощью покойного отца.

Нет сомнения, что данный эпизод – плавная литературная трансформация фольклорного мотива инициации, столь распространенного в мировом фольклоре, в том числе адыгском, – в данном контексте проявляется через, образы могилы, склепа – символов подземного мира, мира мертвых. Характерно, что на протяжении всего повествования о Дэдэре и его пяти сыновьях главный герой на разных этапах попадает в подвал: ежегодно он ездит к склепу отца, находясь там сутками без еды и питья. Из новеллы «Дэдэр и его сыновья» читателю становится ясно, что Дэдэр в детстве воспитывался в подземелье, на распространенный манер эпических героев-нартов. Оговаривается даже возраст героя, когда он был выведен из темницы – восемь-десять лет, (то есть начало пубертатного возраста, когда мальчики могли подвергаться инициации). Автор отмечает этот факт через воспоминания героя: «Откуда это воспоминание о *подвале*, где меня держали до совершеннолетия?.. Или до восьми – десяти лет? Когда меня впервые вывели из *подземелья* на свет, я чуть не ослеп...» [Кук 2002: 31] (курсив мой. – М.Х.). Третий раз плененного Дэдэра сажают в подвал его враги. Подвал как аналог склепа также непосредственно связан с обрядом инициации.

«Обряды инициации от рождения до смерти сопровождали мужчину-воина во всех культурах, – пишет В.А. Цагараев, – в том числе среди народов Северного Кавказа. В осетинской традиции, например, рождение ребенка чаще всего происходило в хлеву (этот обычай, по всей видимости, универсальный, нашел свое воплощение в легенде о рождении Христа в яслях хлева). До сорока дней ребенка нельзя было вносить в христианский храм, так как он считался до этого срока неочищенным от «демонического порождающего низа» [Цагараев 2000: 138]. Все раннее детство ребенка протекало не только в тесной физической, но и магической связи с матерью и Богиней-матерью. «...Для полного прихода в этот мир, обретения мужской сути душе ребенка предстоит еще три года подпитываться от нижней зоны мира (Богини-матери), и только после этого он вправе начать свой Путь мужчины-воина в пространстве «бренной», средней зоны мира. А пока что его укладывают в колыбель, семантически связанную как с материнским лоном и идеей рождения (плодородия), так и с образами могилы или гроба как материального воплощения подземного мира, низа мирового древа, приближая в смысловом отношении весь обряд положения в колыбель к ритуальным похоронам. Нетрудно заметить, что и здесь воспроизводится древняя идея бытия: жизнь – смерть – жизнь... До трехлетнего возраста ребенка, находящегося как бы в бесполом состоянии, предпочтительно было кормить материнской грудью, что, скорее, было

вызвано не функцией питания, а символикой его пребывания в нижней, питающей зоне кормящих сосцов Богини-матери» [Цагараев 2000: 138–139].

Юного Зевса К. Юнг отождествляет с неопитом: «В Зевсе-ребенке критян... было что-то от бога мертвых... и его критская пещера, и его другое святилище на горе Ликаон были местом мертвых. Состояние, подмеченное в образе Ребенка... мы можем назвать «еще – неотделенностью от бытия, но все же небытие». Таково состояние умершего, выраженное фигурами юношей – божеств на античных могильных плитах: мальчиком в плаще и капюшоне, «genius cucullatus», а также бесчисленными купидонами. То, что люди античности пытались передать с их помощью, было не просто неустойчивым равновесием двух аспектов одного и того же состояния, колебанием новорожденного и умершего между бытием и небытием, но уверенностью в том, что ведущая вниз тропинка меняет направление и ведет вверх, к Божеству, и что самая сильная воля родится из самой слабой» [Юнг 1997: 64].

В романе достаточно сильно выражены реминисценции, связанные с эпохой матриархата. Характерно, что мальчика – Дэдэра выводит из подвала три-бабушка; она же говорит своему потомку: «И коня твоего тоже растили в темном глубоком подвале, оружие твое выковано по твоим рукам и по твоей силе и никому другому не подчинится... Лучше бы тебе не сворачивать с обозначенного пути... Не заглядывай дальше своей судьбы...» [Куек 2002: 51]. Этот сюжетный ход полностью заимствован из нартского эпоса: почти все его герои находили своих коней, доспехи и оружие в подземелье, причем *в свое время*, то есть тогда, когда были в силах отодвинуть абра-камень, заслоняющий вход. «Так ты будешь видеть мир, – говорит три-бабушка, – пойдешь туда, куда обращены мои глаза, и пока не исполнишь то, что предначертано тебе, у тебя будет темное сердце и темный ум, а когда все исполнишь – может быть, тебе первому это удастся, – ты свободен от меня» [Куек 2002: 51]. Подобная тесная связь с женским началом, чаще всего воплощенным в образе пожилой женщины, присутствует в культурах соседних северокавказских народов. «Великая Богиня-мать алано-осетинской мифологии через систему обрядовой практики вводит мужчину-воина в мир и находится рядом во все моменты его жизни... Он клянется Матерью-землей при дележе добычи... Когда же придет время покинуть этот бранный (ложный) мир, мужчина-воин пройдет последнюю инициацию: трижды (как при рождении) его душа будет поднята вверх и опущена вниз в системе мирового дерева, и только после этого, переродившись, сможет предстать он на последний экзамен (суд) перед лицом Аминон (Судьбы)» [Цагараев 2000: 141]. Объясняя необходимость материнского участия в жизни мужчины-воина, В. Цагараев пишет: «Жизненный путь, по которому проходил человек традиционной культуры, становился для него постоянным испытанием его сущности, давая возможность в конце пути войти в другое, истинное пространство мира, но и *по ту сторону*, (то есть в мире загробном. – М.Х.), требовалась его духовная стойкость для нового, более высокого служения священным законам Матери. Эта, обрядовая, на первый взгляд, несвобода была древнейшей... психотерапевтической практикой, позволяющей человеку постоянно ощущать в инициационном перерождении степень своего взросления, то есть устойчивую защищенность в структуре его мироздания» [Цагараев 2000: 141].

Тесная связь женщины с обрядом инициации была заложена в период матриархата и сохранилась до наших дней, судя по присутствию этого устойчивого мотива в художественных произведениях.

Гошанда, жена Дэдэра, после пленения мужа посылает каждого из пятерых сыновей на поиски отца, в результате каждый из них попадает в подвал, где он томится. Так, она отправляет своего старшего сына: «Табарак!.. В первом подвале ты найдешь своего коня и оружие. Когда выедешь со двора, ты увидишь тех, кто тебе скажет, куда и зачем ехать» [Куек 2002: 61]. Художественный фрагмент

стилизован в духе Нартского эпоса, причем автор с художественной интуицией подметил даже детали, характерные для обряда инициации, в данном случае – умолчание. Женщина, совершающая его, не имела права говорить с неофитом, так как он на это время почитался глухим, слепым и немым, то есть мертвецом, она и сама оставалась немой, глухой и слепой как посредник между мирами живых и мертвых. Перед тем, как отправиться в путь, каждый из братьев выводит своего коня из *подвала*, (где содержатся все лошади). «Табарак бросил деревянную лопату, которой гнал снег назад в небеса, и пошел в *подвал*, (курсив мой. – М.Х.), вывел оттуда коня, облачился в доспехи и поскакал вслед посланцам врага» [Кук 2002: 61].

Наличие образа коня, проводника души, давно известно. «Водно-природные кони нартского эпоса, – пишет В.А. Цагараев, – порождены в склепе (в Преисподней) Матерью-Землей... Они соединили нартских героев с божественным Верхом и хтоническим Низом. Эта традиция образа коня-проводника (медиатора) имеет в структуре древнего мироздания видное место... Являясь спутником Богини-матери, конь был в то же время инкарнацией, атрибутом и жертвенным животным Бога-отца – Солнца. Именно крылатый конь Агни в древнеиндийской мифологии служил посредником между небом и землей, относя жертвоприношения людей богам и препровождая души умерших на вечные пастбища. Подобными же священными обязанностями наделялся и крылатый конь Пегас, связанный своим рождением с мертвой головой Медузы...» [Цагараев 2000: 87].

В одном из гимнов Ригvedы, исполнявшемся при погребении коня, животное выступало посредником между миром людей и миром богов. Погребальный конь фигурировал в царском заупокойном культе Ирана. Примечательно, что у северных таджиков фиксируется целый ряд устойчивых представлений о тесной связи коня с миром мертвых и водной стихией, что и определило существование обычая посвящения коня умершему. «Этот древний иранский обычай фиксируется также у казахов, узбеков, каракалпаков. У таджиков Гисарской долины лошадь вели перед носилками с покойником и трижды, вечером, водили вокруг могилы хозяина... Важно отметить и то, что в культовых песнях таджиков, преемниках сакко-массагетской культуры, сохранилось обрядовое название погребальных носилок – «деревянный конь»; подобное же название носят и погребальные носилки у балкарцев...» [Цагараев 2000: 87–88].

Примечательно, что как в адыгском фольклоре, так и в романе Н. Куека «Вино мертвых» (который во многом заимствует свой сюжет и принципы образостроения из Нартского эпоса), образ лошади непосредственно связан с образом матери: именно мать сообщает о том, что конь героя дожидается его в подвале, разрешает вывести его и оседлать и т. д., то есть она руководит инициацией на всех уровнях – физическом, духовном, экзистенциальном, онтологическом. «Лошадь, – пишет Юнг, – широко распространенный в мифологии и фольклоре архетип. Как животное она представляет нечеловеческую психику, дочеловеческое животное, следовательно, бессознательно-психическое; поэтому лошади в фольклоре ясно видящи и время от времени говорят. Как верховые животные они тесно связаны с архетипом матери (валькирии, несущие мертвых героев в Вальгаллу; Троянский конь и т.д.). В качестве находящихся под человеком они представляют лоно и встающий из него мир инстинктов. Лошадь есть dynamism и средство передвижения, она несет человека как инстинкт, но подвержена панике, потому что ей не хватает высших качеств сознания. Она имеет отношение к магии, то есть к иррациональному, волшебному действию, особенно черные (ночные) лошади, предвещающие смерть. Следовательно, «лошадь» – эквивалент «матери» с легким смещением оттенка значения с жизни – первопричины на просто животную, физическую жизнь» [Юнг 1997: 333–334].

Мотив содержания мальчика в «подземелье», весьма распространенный в фольклорных источниках, получает свое развитие в литературных произведениях,

основанных на фольклорных мотивах, таких как роман Н. Куека «Вино мертвых». Его можно видеть в развитии сюжетной линии Дэдэра как развернутом процессе инициации, решенном художественными средствами.

Таким образом, выстраивается наглядная схема: древнейший обряд инициации наследуется мифом, позже фольклором, из фольклора ассимилируется литературой, в том числе современной адыгской. Он изначально обладает полисемантическим и символическим дискурсом и попадая на литературную «почву», «прорастает» столь же многообразным и глубоким онтологическим содержанием.

Мотив зверя. Характерно, что выводит мальчика из подземелья (как аналога могилы, склепа, загробного мира) «три-бабушка» – надежный проводник в мир мертвых и живых.

В.Я. Пропп подробно излагает основные мотивы обряда инициации, заключающиеся, в первую очередь, в поглощении и извержении героя змеем, китом (библейская легенда об Ионе), животным, водой и т.д. Эти мотивы мы брали за основу, когда рассматривали закономерности проявлений инициации в адыгской мифологии и фольклоре, фигурирующие в разных национальных фольклорно-литературных традициях. Позже вода была подменена лодкой, бочкой («Сказка о Царе Салтане»), корзиной (младенец Моисей, которого нашла и воспитала дочь фараона), сундуком (путешествие по воде запертого в сундук Андемиркана), и т.п. «Основным, определяющим событием, которому подвергается герой в древнейших формах сказочного канона, является *поглощение* (курсив В.Я. Проппа) его... Поглощение ведет к героизации... Мотив спуска на воду и воспитания восходит к поглощению зверем...» [Пропп 2002: 49]. Этот мотив вызвал к жизни несметное число фольклорных и мифологических вариантов одного и того же обряда инициации, главное действие которого заключалось в символической смерти и воскресении, который чаще всего проявляет себя через мотив заглатывания и извержения. Он положен в основу бесчисленных сказаний, мифов и легенд мирового фольклора. Достаточно упомянуть легенду о Ромуле и Реме, которых вскормила молоком волчица, цикл сказаний о Кире и т.д. В.Я. Пропп говорит о переходных формах от животного к женщине, которые прослеживаются как в древнем сказании, так и в новом фольклоре. «...Герой, отправляемый на пожирание к зверю, попадает в обстановку, известную нам в качестве обряда инициации. Он отправлен к зверю и возвращается от зверя не только целым и невредимым, но и вождем. Теперь становятся ясными и знаки смерти, наносимые на тело младенца, становится понятным обречение его на смерть» [Пропп 2002: 27]. Исследователем рассматривается интересная переходная форма от животного к человеку в геродотовской версии сказания о Кире. Жену пастуха, подобравшего мальчика, зовут по-мидийски Спако, а по-гречески Кино (что означает собака), то есть мальчика вскармливает женщина с именем собаки, священного животного у мидийцев. «Таким образом, – заключает В.Я. Пропп, – мы получаем градацию: воспитание зверем, вскармливание молоком лесных или иных зверей, вскармливание молоком женщины, носящей животное имя, или женщиной и животным одновременно» [Пропп 2002: 28]. Такие дети вырастают, как правило, необыкновенно сильными и становятся героями и вождями. «...Его (героя. – М.Х.) сила идет от зверя, как в африканском мифе о народном герое Сикулуми» [Пропп 2002: 36].

Этот мотив находит отчетливые реминисценции в художественном тексте романа «Вино мертвых», – именно этим объясняются животные черты центрального женского образа три-бабушки.

С этим же мотивом связан другой композиционный прием: идентификация Предводителя с мощным зверем, диким кабаном, которого поразили воины. Весьма символично появление кабана в момент фатального нравственного выбора Предводителя, когда он вынужден склониться к гуманному человеческому закону – закону мира. Тем самым он уничтожает военный закон, который с этого

момента перестает быть центральным законом жизни его рода, значит, и его личной жизни. Подвергается сомнению сама стихия войны, которой всю жизнь служил Предводитель, происходит аннигиляция его призвания и его жизни. Характерно, что такой же мотив мы встречаем в романе-мифе «Каменный век» Х. Бештокова. Примененный метод *параллелизма* позволяет непосредственно сопоставить сцену гибели несокрушимого животного-вожака и сцену моральной смерти Предводителя. «Он узнал зверя с первого взгляда, его трудно было забыть, в нем словно соединились лучшие качества его породы, даже те, которым не суждено было проявиться в мире по разным причинам. Более того, природе показалось и этого мало, она создала в нем даже преувеличенный вариант лучших звериных свойств – и в необузданной силе, и в размерах, и в жестокости, такое может случиться, как подумалось Предводителю, если в последний раз какой-то вид являет себя миру, пытаюсь оставить о себе память» [Кук 2002: 116]. Попеременно меняя точки зрения человека и животного, автор добивается в романе тонкого художественного эффекта: зверь и человек опознают друг в друге экзистенциального двойника. Животное воплощает царственную силу и достоинство Предводителя. Предводитель, в свою очередь, – доблесть, силу и достоинство своего рода Хаткоесов, в жизни которых за тысячелетия война стала главной целью и смыслом жизни. Таким образом, судьба зверя повторяет судьбу Предводителя, судьба Предводителя олицетворяет и предвещает судьбу его народа; соответственно, гибель величественного зверя становится символом заката Хаткоесов. Подобный прием параллелизма – опосредованно осмысленный, художественно трансформированный мотив инициации. Портрет Предводителя удивительно напоминает портрет зверя при его появлении: «Предводитель оставил Мемира и пошел по поляне. Могучая фигура пересекла поляну, приближаясь к высоким деревьям: широкие глыбистые плечи, мощные руки, казавшиеся теперь безжизненными, все еще тонкий стан и чуть склоненная голова в стальном шлеме» [Кук 2002: 126]. Ср.: «Предводитель смотрел, как зверь поворачивался к всаднику, успевая заметить бугристую грудь его, огромную голову...» [Кук 2002: 116]. Сила военного вождя – от силы зверя-вожака. Мифологема автора обретает художественный масштаб и расширяется: поскольку сила от зверя, то и удел, судьба человека аналогичны судьбе погибшего зверя. Идентично одиночество вождей из животного мира и мира людей: «Что же погнало его из леса в одиночестве, ведь за ним не было стада? Что-то изменилось в лесу или в мире?». И здесь же, без перехода, текст, касающийся людского «стада» – войска: «Вот войско его перед ним, ждет слова Предводителя, любой его приказ будет выполнен беспрекословно» [Кук 2002: 118]. Следующий фрагмент начинается с мотива одиночества Предводителя: «Оставшемуся в одиночестве все пути открыты, а значит, пути у него нет... Ты же не забыл, что я из рода Хаткоесов?.. Эти двое заживо похоронили меня. Там, где слово становится острее меча, мне делать нечего...

– Это твои последние слова, Предводитель?

– Да, я все сказал... Странно, что ты считаешь, что я должен что-то еще сказать... Зверя жалко. Спустите его в глубокое ущелье» [Кук 2002: 125]. Это закономерная реакция Предводителя на гибель животного: ведь образ поверженного зверя – художественная метафора его самого. В финале новеллы Предводитель скрывается там, где появился зверь: «Предводитель скрылся в лесу, в том самом месте, откуда выскочил зверь, труп которого теперь лежал в высокой траве перед воином» [Кук 2002: 126].

Образы животных, подчиненные в традиционных патриархальных обществах культовым, обрядовым и оргиастическим нуждам, служили надежным социокультурным медиатором между суровой непредсказуемой природной стихией и членами общины. Идентификация человека и зверя, генетически связанная с архаическим анимизмом и тотемизмом, всегда находила свое богатое художественное

воплощение в фольклоре, литературе, искусстве, то есть в культуре любого народа. «Вера в тотемы, священных животных, в метемпсихоз (возможность воплощения человеческих душ в животных), в существование людей-ягуаров и людей-рептилий, в двойников человека в животном мире (науатлей) и т.п. – эти черты свойственны религиям практически всех индейских племен. В восприятии индейцев зверь равен человеку по интеллектуальному и моральному уровню, отличаясь от него только телесной формой, силой и повадкой, а грань между человеческим и животным миром столь часто и легко преодолима, что существование ее представляется эфемерным.

Эти верования нередко находят прямое воплощение в произведениях латиноамериканских писателей – например, в «Маисовых людях» Астуриаса характерный для религии майя нуализм отражен в сюжете превращения Ничо Акино в койота. Однако и в этом случае, как представляется, связь человека со зверем трактуется гораздо шире, нежели в конкретном индейском веровании, о чем свидетельствует следующий фрагмент романа: «Те, кто спускается в подземные пещеры, там, за стеною гор, за ядовитым туманом встретят своего оберега. Их другое я, *их зверь-двойник* (курсив мой. – М.Х.) явится им во плоти такой самый, каким они его носят в темной и мокрой глубине тел. По воле праотцов зверь и человек живут в нас с самого рождения и связаны теснее, чем сын с отцом и брат с братом. И себя увидишь, какой ты есть, и тот свой первообраз, который скрывается в тебе и выскакивает в звериное тело, становится зверем, оставаясь тобой» [Кюфман 1997: 224–225]. Зверь, живущий в человеке, трактуется как человеческий первообраз, то есть связывается с эпохой первоначала, и не случайно, что эта глубинная основа героя обретается в подземном, сакральном пространстве.

Как отмечал Кардини, победа воина над зверем-тотемом давала ему силу побежденного. «Совершенно очевидно, что сражение с барсом (показательная сцена борьбы Мцыри с барсом из поэмы М.Ю. Лермонтова «Мцыри») отнюдь не препятствие, а приобретение новых качеств истинного бойца, воина» [Кардини 1987: 117]. Образы животных были особенно популярны в народной среде, во время празднеств и карнавалов всех народов. Массовые карнавальные шествия сохранились до наших дней, например, в Венеции – городе масок, в странах Латинской Америки. В адыгской культуре популярным был образ священного козла, в которого рядились *ажигафа* во время ритуальных праздников и игр.

В новое время этот пласт коллективного сознания значительно трансформировался, так как был вовлечен в новое культурное пространство, где потребовалось преломлять прежние культовые представления для решения отнюдь не однозначных проблем, в первую очередь, связанных со всеми сферами духовной жизни. Древнейшие мифопоэтические образы, берущие свое начало в коллективном бессознательном, своеобразно трансформируются и воплощаются в форме эстетического, нравственного или социального ответа на соответствующие запросы новой эпохи.

В мировой литературе до конца XIX века образ человека больше был вписан в растительную стихию, флору. С конца XIX века, то есть с начала эпохи модернизма, литературный герой все больше ассоциируется со стихией воды и животным миром. Животная стихия выносится на авансцену литературы и искусства как новый элемент, чуждый канонам старой эстетики. Если раньше, до эпохи модернизма, традиционной нормой являлось упорядочивание формы любого эстетического образца, его максимальная гармонизация, то теперь нормой стала его намеренная деформация, *деконструкция*.

В литературе начала XX века связь «человек – животное» достаточно часто реализуется в форме бинарной оппозиции, как, например, в повести Э. Хемингуэя «Старик и море», повести У. Фолкнера «Медведь», «Северных рассказах» Д. Лондона, романе Д. Апдайка «Кентавр», некоторых рассказах Х.Л. Борхеса и многих других. В отечественном советском модернизме эта мифологема нашла свое

оригинальное воплощение в произведениях Ч. Айтматова («Прощай, Гюльсары», «Буранный полустанок» и др.), повести ЮВ. Астафьева «Царь-рыба» и др. В этих художественных текстах чаще всего природа зверя противопоставлена природе человека как сущность *иного*, подчас противоположного. Но так кажется только на первый взгляд. Мастерство художников слова сводит эту видимую оппозицию, поэтапно нивелируя ее, к постепенной идентификации составляющих.

Как упоминалось выше, в романе Н. Куека отчетливо выражен *мотив поисков отца*. Гошанда, жена плененного Дэдэра, поочередно посылает на поиски отца всех пятерых сыновей, и каждый из них попадает в подвал, где томится отец (сюжет, который повторяет общую модель мифологического мотива). Непосредственная связь мотива поисков отца с женщиной убедительно объясняется В.Я. Проппом: «Первоначально, когда держательницей рода была женщина, муж не жил с ней парным браком. Мужья могли сменяться и возвращаться к своей матери или уходить к другой женщине. Брак мог быть и полиандрическим. Ребенок остается с матерью, и он не знает, кто его отец. Но с переходом к отцовскому роду и отцовской власти дело меняется. С точки зрения уже зародившегося нового порядка старый порядок был смешон и позорен. Самосознание ребенка, который в фольклоре осознает, что у него нет отца, и отправляется искать его, отражает общественное сознание нового порядка, с точки зрения которого иметь мать, но не иметь отца есть позор.

Мотив мальчика, воспитываемого матерью и не знающего, кто его отец, сохранен в сюжете Рустема и Зораба, в песне о Гильдебранде, в былине о Сокольнике и т.д. ... Древность этого мотива доказывается тем, что мы имеем его в Америке и на океанийских островах» [Пропп 2002: 29–30].

Почти все герои Нартского эпоса отправлялись на поиски пропавшего отца (как вариант – отомстить за погибшего отца). Мотив поисков отца подвергается незначительной инверсии в сюжетной линии Дэдэра: герой ежегодно возвращается к мертвому отцу, который покоится в склепе (см. выше). С Хатом, отцом Дэдэра, тесно связан его меч, который становится отцовским символом и своеобразным посредником между миром живых и мертвых, когда возвращает героев к истоку, к родоначальнику, хозяину меча. Он появляется при упоминании Дэдэра или камня, который, в свою очередь, тоже является прямым символом Дэдэра.

Вместе с тем, *поиск мертвого отца* возможен только инициированным героем (находящемся в периоде «временной» смерти). В связи с этим важно отметить, что автор художественно адаптирует и другую фольклорную и мифологическую традицию: в тексте романа присутствует фольклорный мотив *быстрого роста героя* (косвенное указание на его инициацию для обретения магической силы): «Редед играл мечом, оставшимся после отца, пользуясь отсутствием матери, которая считала его слишком молодым, чтобы брать в руки оружие. Он высоко подбрасывал меч, одновременно подкручивая его. Оружие, описав в воздухе несколько кругов, опускалось вниз, грозно поблескивая на солнце, а он успевал ухватить его на лету за рукоять и, не замедляя его полет, вонзить в землю» [Куек 2002: 78]. С одной стороны, это – гипербола, с другой, – использование мотива инициации, столь распространенного в эпосе.

Образ меча обретает множественную символику: это связь каждого мужчины с его предками и напоминание о воинском долге сберечь и отстоять свою землю, но главное – передача магической силы.

Характерно, что меч в подобном контексте появляется в Нартском эпосе. Вариантом подобного мотива является сказание о Батразе, который в случайном путнике узнает убийцу своего отца и поражает его тем мечом, от которого погиб сам отец [Нарты 1951: 235]. Мотив поисков отца появился еще в античные времена. Его можно проиллюстрировать на примере мифа о Тесее. Имя Тесея указывает «на силу (возможно, от догреческого пеласгического – *teu-teso* – «быть

сильным»). Он сын афинского царя Эгея и царицы Эфры. Уходя от Эфры, Эгей просил воспитать будущего сына, не называя имени отца, и оставил ему свой меч и сандалии с тем, чтобы, возмужав, Тесей в сандалиях отца и с его мечом отправился в Афины к Эгею, но так, чтобы об этом никто не знал, так как Эгей боялся козней Палантидов (детей младшего брата Палланта, претендовавших на власть из-за бездетности Эгея)... Когда Тесей вырос, Эфра открыла ему тайну его рождения и велела... отправляться в Афины к отцу, *вооружившись мечом Эгея. Тесей как бы приобщился к магической силе предшествующих поколений, владевших этим мечом и направляющих теперь его действия...* (курсив мой. – М.Х.). Путь Тесея, отправляемого матерью к неведомому отцу, является одним из вариантов распространенного мотива – розыски сыном отца (ср. розыски Телемахом Одиссея). На пути в Афины Тесей как бы выполняет функции Геракла (находившегося в это время в Лидии у царицы Омфалы)» [Мифы народов мира 1988: 502–503]. Вероятно, этимология имени Тесея, выполнение функций Геракла связаны с ним, как с владельцем магического меча.

Онтологическое мышление Н. Куека реализуется через поэтические образы, посредством поэтических метафор, символов, архетипов.

Особенности идиостиля Н. Куека: поэтизированный стиль, жанр романа-мифа, повести-притчи – соответствуют тенденциям мирового литературного процесса.

Список источников и литературы

- Кажарова 2003 – Кажарова И.А. Художественно-философское осмысление человека и истории адыгской поэзии (1970–90 гг.). Нальчик, 2003.
Кардини 1987 – Кардини Ф.И. Истоки рыцарства в Европе. М., 1987.
Кофман 1997 – Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. М., 1997.
Куек 2002 – Куек Н.Ю. Вино мертвых: Роман. Майкоп, 2002.
Мифы народов мира 1988 – Мифы народов мира. Т. 2. М., 1988.
Нарты 1951 – Нарты. Кабардинский героический эпос. М., 1951.
Паранук 2004 – Паранук К.Н. Иду к человеку. Майкоп, 2004.
Прието 1967 – Прието А. Семиотика литературы // Семиотика: Антология. М., 1967. Вып. 1.
Пропп 2002 – Пропп В.Я. Фольклор. Литература. История. М., 2002.
Цагараев 2000 – Цагараев В. Золотая яблоня нартов. Владикавказ, 2000.
Юнг 1997 – Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев-М., 1997.

References

- KAZHAROVA I.A. *Hudozhestvenno-filosofskoe osmyslenie cheloveka I istorii adigskoi poezii (1970–90 gg.)*. [Artistic and philosophical understanding of man and the history of Adyge poetry (1970–90)]. Nalchik, 2003.
CARDINI F.I. *Istoki ricarstva v Evrope*. [The origins of chivalry in Europe]. Moscow, 1987.
KOFMAN A.F. *Latinoamerikanskij obras mira* [Latin American artistic image of the world]. Moscow, 1997.
KUEK N.Yu. *Vino mertvih* [Wine of the Dead]: A Novel. Maykop, 2002.
Mifi narodov mira. [Myths of the peoples of the world]. Vol. 2. Moscow, 1988.
Narty. Kabardinskij geroicheskiy epos. [Narty. Kabardian geroical epic]. Moscow, 1951.
PARANUK K.N. *Idu k cheloveku*. [I am going to the person]. Maykop, 2004.
PRIETO A. *Semiotika literature*. [Semiotics of literature] // Semiotics: Anthology. M., 1967. Issue 1.
PROPP V.Ya. *Folklor. Literatura. Istoria*. [Folklore. Literature. History]. M., 2002.
TSAGARAEV V.A. *Zolotoe iabloko nartov*. [Golden Apple Tree of the Narts]. Vladikavkaz, 2000.
JUNG K.G. *Dusha i Mif*. [Soul and Myth]. Six Archetypes. Kyiv-M., 1997.

Информация об авторе

М.А. Хакушева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардинской литературы.

Information about the author

M.A. Hakuasheva – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Kabardian Literature Sector.

Статья поступила в редакцию 22.11.2024; одобрена после рецензирования 17.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 22.11.2024; approved after reviewing 17.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Научная статья

УДК 398.22

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-89-95

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОТИВОВ И СЮЖЕТОВ ОДНОГО ПРЕДАНИЯ (на примере цикла о Созарихе, сыне Куалы)

Мухамед Фуадович Бухуров

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, mbf72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6253-4097>

© М.Ф. Бухуров, 2024

Аннотация. В статье рассматриваются сюжеты и мотивы предания об одном из самых популярных героев адыгского историко-героического эпоса Созарихе, сыне Куалы. Путем сравнительно-сопоставительного метода устанавливаются сходства и различия между вариантами предания, выявляются «ядро» сюжета и некоторые оригинальные второстепенные детали в каждой версии, определяется связь компонентов предания с мотивами архаических жанров фольклора, в частности, нартских сказаний и богатырской сказки. Обращается внимание и на образ самого богатыря, в котором обнаруживаются некоторые черты так называемого «низкого» героя. В качестве сравнительного материала привлекаются тексты, записанные в XIX – начале XX века, опубликованные в советское время, а также записи, хранящиеся в архивном фонде ИГИ КБНЦ РАН.

Ключевые слова: адыгский историко-героический эпос, нартские сказания, богатырская сказка, предание, Созариха, сын Куала, сюжет, мотив

Для цитирования: Бухуров М.Ф. Сравнительный анализ мотивов и сюжетов одного предания (на примере цикла о Созарихе, сыне Куалы) // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-2 (63). С. 89–95. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-89-95

Original article

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE MOTIVES AND PLOTS OF ONE LEGEND (using the example of the cycle about Sozarikha, the son of Kuala)

Mukhamed F. Bukhurov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, mbf72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6253-4097>

© M.F. Bukhurov, 2024

Abstract. The article examines the plot and motives of the legend about one of the most popular heroes of the Adyg historical and heroic epic, Sozarikha, the son of Kuala. By means of a comparative method, similarities and differences between the versions of the legend are established, the “core” of the plot and some original minor details in each version are revealed, the connection of the components of the legend with the motifs of archaic genres of folklore, in particular, Nart tales and heroic tales, is determined. Attention is also drawn to the image of the hero himself, in which some features of the so-called “low” hero are revealed. The comparative material includes texts recorded in the XIX – early XX century, published in Soviet times, as well as records stored in the archival fund of the IHR KBSC RAS.

Keywords: Adyg historical and heroic epic, Nart tales, heroic tale, legend, Sozarikha, son of Kuala, plot, motive

For citation: Bukhurov M.F. Comparative analysis of the motives and plots of one legend (using the example of the cycle about Sozarikha, the son of Kuala). Vestnik KBIGI = KVIHR Bulletin. 2024; 4-2 (63): 89–95. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-89-95

Как известно, цикл о Созарихе, сыне Куалы относится к числу наиболее популярных в адыгском историко-героическом эпосе. Песня и предание об этом богатыре были записаны и опубликованы неоднократно. В настоящей статье к сравнительному анализу привлекается несколько вариантов предания, которые были зафиксированы в разное время, в разных местах и разными собирателями. Таковы тексты К.М. Атажукина [Сборник сведений... 1872: 70–81], П.И. Тамбиева [Сборник материалов... 1901: отд. 4, с. 35–45], Марзана Берзегга [МыкӀосэрэ жьуагъохэр... 1994: 67–73] и предание, записанное ученым-лингвистом М.Л. Абитовым со слов известного сказителя Юсуфа Кемова. Запись была осуществлена в а. Кошехэблэ Адыгеи. Оригинал хранится в фонотеке КБГУ, а копия – в фоноархиве ИГИ КБНЦ РАН (в 1984 г. А.М. Гутовым была произведена перезапись) [ФАИ-ГИКБНЦРАН: инв. № 701-ф/3]. Наше обращение к этим текстам вызвано тем, что все они включены во второй том историко-героических песен и преданий, подготовленный к публикации сотрудниками сектора адыгского фольклора ИГИ КБНЦ РАН в рамках свода адыгского фольклора [Тхыдэр зи лъабжьэ... 2023: 177–193, 212–223, 531–545, 545–553]. В книгу помещены произведения (песни и предания), возникшие на раннем этапе формирования жанра. При отборе этих вариантов были учтены аутентичность, полнота, художественные достоинства каждого текста, а также географическая распространенность той или иной версии.

Как отмечает А.М. Гутов, «...в средние века адыгские князья имели обыкновение держать у себя при дворе людей разных профилей – мудрецов-советников, распорядителей по хозяйству, певцов-песнетворцев джегуако, борцов-пелюанов и пр. По некоторым сведениям, время от времени они устраивали своеобразные состязания – чей джегуако окажется искуснее, чей борец сильнее, чей оратор красноречивее и т.п.» [Гутов 2021: 85–86].

Как повествует предание, у князя Шужей таким борцом был Хъусин Лъабгъуэ (Хусин Широкоступый), а у князя Хатокшуко не было силача. Созариха, сын Куалы, двоюродный брат по материнской линии Хусина Широкоступого (их матери – родные сестры), обладал невероятно большой силой, но он скрывал это. Отец сообщает ему, что его родные братья пропали в походе, а двоюродный брат Хъусин Лъабгъуэ служит у Шужей. Он отправляется на его поиски, и в пути встречает одного старика. Старик не мог вытащить из леса срубленное им огромное дерево. Созариха предлагает ему свою помощь, но при этом ставит ему условие: он должен был дать клятву, что не выдаст тайну Созарихи. Второй раз ему встречается арба с княгиней и ее служанками, которые застряли в болоте и не могли выбраться. Как и в первый раз, Созариха оказывает им помощь. Потом он встречает своего двоюродного брата Хусина Широкоступого, и при нем поднимает всю повозку и направляет в сторону дома Хатокшуко. Узнав об этом, князь Хатокшуко привлекает его к себе на службу. Однажды, когда Хатокшуко был в отъезде, Шужей организовывает борьбу силачей. Созариха побеждает Хусина Широкоступого, но Шужей хитростью убивает его. В финале Хатокшуко мстит за кровь своего борца.

Как видно, основными компонентами предания являются: 1) поиски князем Хатокшуко борца; 2) обнаружение богатырской силы Созарихи; 3) гибель Созарихи; 4) месть Хатокшуко. Все они наличествуют в анализируемых нами текстах, но имеют разные формы объективации. Так, например, некоторые варианты, как и сказки, начинаются с экспозиции, в которой говорится о составе семьи,

социальном положении и личных качествах персонажей. В предании, записанном со слов Марзана Берзегга, началом служит инициальная формула, констатирующая существование одного или нескольких героев (см. об этом: [Николае Рошияну 1974: 18]): «Зэшищ хьоу щылагъ. Анахьыжьым Шьужьыепщ ыцлагъ, курытым Блэлахьэр, анахьыкIэм ШъхьацIакIэр ацIагъ» [Тхьдэр зи лъабжьэ... 2023: 545] – «Было трое братьев. Старшего звали Шужеипш, среднего – Блачаха, младшего – Шхацача» [Тхьдэр зи лъабжьэ... 2023: 548]. Старшие братья владеют одним селением, и Шужей предлагает Шхацаче присоединить его территорию к владениям старших. Шхацача отказывается, и это становится поводом для вражды между братьями.

В варианте Кемова не разработана причина конфликта между Хатокшуко и Шужеем, однако он вызывает интерес некоторыми другими элементами. Здесь отчетливо прослеживается органическая связь, с одной стороны, между двумя разновидностями адыгского героического эпоса – архаическими нартскими сказаниями и младшим эпосом, с другой – героическим эпосом и богатырской сказкой. Как и в предыдущем варианте, здесь экспозиция – это характеристика героя – как и в цикле о другом персонаже позднего эпоса, Созариха из богатырского рода (ср.: «Мать Андемиркана и Тлепш» [Кабардинский фольклор 2000: 308–313]), он – младший сын Куалы: «Къуалэжьым я лъэпкъым нэхъ пелуанышхуэ адыгэ лъэпкъым къахэкIауэ щытакъым. Къуалэжьым зэшищ хьууэ къуищ иыты, и къуэ нэхьыжытIыр дэкIыр кIуэдрэ, дэкIыр кIуэдрэ я хьэпи-я шхыпIи ямыгъуэту, ядэжъри хьэфиз хьуауэ, абыи кIэлъыкIуэн имыльэкIыу ахуэду щыту, илъэсибгъум иту СозырыхьэкIэ еджу щIалэ нэхьыщIэ цIыкIур къыхуэнауэ щыташ» [Тхьдэр зи лъабжьэ... 2023: 532] – «Среди всех адыгов не было другого роду, из которого бы вышли такие силачи, как из роду Куалы Могучего. У Куалы Могучего было три сына, но двое старших, один за другим выезжали и пропадали, выезжали и пропадали, и никто не мог найти, куда они пропали и где пропали. И отец их <остался> уже старый, ослепший, неспособный отправиться на поиски, – вот такое у них дело получилось; и остался у него младший сынишка девяти лет по имени Созариха» [Тхьдэр зи лъабжьэ... 2023: 539]. Сюжет этого варианта осложняется наличием в нем мотива о богатырском детстве Созарихи: он, как и герои нартского эпоса (Ашамез, Батраз), калечит мальчиков, с которыми он играл. Какая-то вдова, сына которой Созариха побил, упрекает его за то, что он не разыскивает своих пропавших братьев, а вместо этого дерется с ребятами. Он узнает, что они погибли в походе.

Как известно, в нартском эпосе в сказаниях об Ашамезе и Батразе главной целью героя является кровная месть за отца, а в предании о Созарихе – это поиски родственника. И, как уже было сказано, он отправляется в путь, чтобы найти своего двоюродного брата Хусина Широкоступого. В других вариантах эпизод, повествующий о происхождении и богатырском детстве Созарихи отсутствует.

Далее следует сюжетный ход, в котором описывается ситуация, когда проявляется богатырская сила героя: она обнаруживается во время встречи в пути Созарихи с терпящими бедствия персонажами (старик, гуаша (княгиня)), а также Хусином Широкоступым.

В данном случае следует заметить, что во всех вариантах предания в образе Созарихи наличествуют некоторые черты «низкого» героя. По словам М.Е. Мелетинского, подобный персонаж характеризуется следующим образом: «Он занимает низкое социальное положение, плохо одет, презираем окружающими, на вид ленив и простоват, но неожиданно совершает героические подвиги либо получает поддержку волшебных сил и достигает сказочной цели» [Мелетинский 1958: 213].

В тексте К.М. Атажукина Созариха представлен так: «...всадник в черной черкеске, с белыми костяными газырями, с оборванными рукавами, из которых выказывались рукава белого бешмета, в белой шапке и на белом небольшого роста

короткохвостом коне» [Тхыдэр зи лъабжьэ... 2023: 213]; версиях Паго Тамбиева и Марзана Берзегга он сын вдовы, о чем мы узнаем из диалога между Созарихе и Хатокшукко: ««Уи анэжьри къэшэжьи, си пщантІэ къэкІуэжьи къыдэцІысхьэжь!»», – жыриІащ пщым Къуалыкъуэжьым» [Тхыдэр зи лъабжьэ... 2023: 189] – ««Приведи сюда и свою старую мать, поселись в моем дворе», – предложил князь Колэжимуко» [Тхыдэр зи лъабжьэ... 2023: 191]; в тексте, записанном со слов Юсуфа Кемова, его называют «...щхьэ мыгъуэжь» – «злосчастный»: «Ар къызэрынам хуэдэу Алыхьым укыиганэ уэ зы щхьэ мыгъуэжьыр! – <фызым Созэрыхьэ жреІэ> [Тхыдэр зи лъабжьэ... 2023: 532] – «Да станется с тобой то же самое, ты злосчастный! <говорит женщина Созарихе> [Тхыдэр зи лъабжьэ... 2023: 539]; в вариантах Берзегга и Кемова он еще слишком молод: «...ильэсигъум иту СозэрыхьэкІэ еджэу щІалэ нэхьыщІэ цІыкІур къыхуэнауэ щытащ» [Тхыдэр зи лъабжьэ... 2023: 532] – «...и остался у него младший сынишка девяти лет, по имени Созариха» [Тхыдэр зи лъабжьэ... 2023: 539]; «КІэлакІэу, ынапцэрэ ыпакІэрэ зэфэдэ хьугъэ къодыеу щытыгъ» [Тхыдэр зи лъабжьэ... 2023: 545] – «...юноша, у которого только усы и брови уравнились в росте» [Тхыдэр зи лъабжьэ... 2023: 549], или ему исполнилось всего лишь восемнадцать лет.

Как и сказочные персонажи или герои нартского эпоса этого типа, Созариха в начале повествования скрывает свое богатство, и оно обнаруживается по мере развития сюжета. В этом он типологически соответствует героям сказок «Мыхьэмэтищ» («Три Магомета»), «Нарт Пэтэрэз и къуэ Пакъэжь и хьыбар» («Хабар о Пакаже, сыне Патараза»), «Зыри зымышцІэ Нарун» («Нарун-Незнайко» и др. – Магомету, сыну князя, Пакаж, Нарун-Незнайке, которые обладают богатырскими качествами, но временно принимают черты низкого героя (ср.: образ Незнайки в восточнославянской сказке [Новиков 1974: 79–104]). Данный прием идеализации героя используется не только в архаических жанрах фольклора, но и в младшем эпосе адыгов: как и в сказках, в некоторых преданиях историко-героического эпоса иногда герой прибегает к такой «хитрости», чтобы скрыть от противника свои намерения. Так поступает, например, Атабий Ешаноко: он отправляется в путь с намерением отомстить Куйцукоко Догужу за кровь своего брата; найдя его, притворившись нищим, он нанимается к нему конюхом. При этом Атабий (Озырмес), как и некоторые герои нартского эпоса, убивает его не в открытом поединке, а в то время, когда он спал [АИГИКБНЦРАН: Ф. 12. Оп. 1. П. № 21-м. Пасп. № 18; ФАИГИКБНЦРАН: инв. № 645-ф/12]. Как считает А.М. Гутов, исследовавший данный мотив в нартском эпосе, «нарушение героем «кодекса чести» представляет ответное действие на такое же нарушение его противником (Тлебыца, возвращаясь домой, залечивает все раны благодаря волшебству жены, в то время, как герой страдает от полученных ран; он отдает Ашамезу незакаленные стрелы, а сам стреляет закаленными), во-вторых же, у противника обнаруживается чудесное свойство: он может погибнуть только от собственного оружия» [Гутов 2009: 42].

В записи К.М. Атажукина данный мотив представлен в трансформированной форме: «Борьба никогда не оканчивалась благополучно. Победенный или умирал, или получал увечье, потому каждый силач старательно скрывал свою силу. Но князья, считавшие в то время борцов необходимою принадлежностью своей свиты и щеголявшие ими друг перед другом, завербовывали в свои борцы всякого, как-нибудь опрометчиво выказавшего свою силу или заподозренного в ней, не брезгая для приманки их никакими средствами» [Тхыдэр зи лъабжьэ... 2023: 212–213]. В других рассмотренных нами вариантах этот эпизод отсутствует.

Ситуация, когда обнаруживается сила Созарихи, в вариантах представлена не всегда однозначно. В записях К.М. Атажукина, П.И. Тамбиева герой в пути встречает крестьян, быки которых не могли втащить на гору тяжелых саней, нагруженных дровами, и он предлагает им свою помощь, но с одним условием: они должны дать клятву, что никому не расскажут, кто их выручил из беды. Созариха связывает

сани одни с другими, и, схватив их одной рукой, втаскивает их на гору, как ни в чем не бывало. Но те нарушают запрет, и, благодаря им, Хатокшуко узнает о богатырстве Созарихи и принимает его к себе на службу борцом. В варианте Марзана Берзегга Шхацача отправляется на поиски богатыря. Уставший в пути, он достигает какого-то леса, и решает там передохнуть. В это время в лес заходит какой-то юноша и срубает огромное дерево, потом, взявшись за ствол, выволакивает его из лесу. В тексте, записанном со слов Юсуфа Кемова, Созариха дважды проявляет свое богатырство: в первый раз он поднимает и вытаскивает на поляну вырубленное каким-то стариком огромное дерево размером в три обхвата; во второй раз – вытаскивает застрявшую в болоте повозку вместе с быками.

Условие поступления Созарихи на службу к князю Хатокшуко охарактеризовано везде одинаково: против него не должны выставляться Хусина Широкоступого – его двоюродного брата по матери. И в этом случае, как можно заметить, наблюдается влияние архаических жанров адыгского фольклора – нартского эпоса и богатырской сказки – на сюжет предания. Так, например, в записи К.М. Атажукина присутствует весьма распространенный в названных жанрах мотив богатырской еды: вторым условием Созарихи является то, что князь Хатокшуко должен его кормить в течение пятнадцати суток мясом овец, достигших до второй осени – *бгабз*. В фольклоре, в частности в эпосе и богатырской сказке, испытание героя обильной пищей – показатель его богатырства. В данном случае следует вспомнить нарта Шауея и его гостя, которые каждый день съедают по одной туше барана, а, соответственно, и их кони – по стогу высококалорийного сена.

Очередным сюжетным ходом в преданиях является мотив гибели Созарихи. Князь Шужей, в отсутствие Хатокшуко, устраивает поединок силачей, и против Созарихи выставляет Хусина Широкоступого. Созариха явно побеждает, и при виде этого князь Шужей перепрыгивает через ограду, незаметно достает нож (хаджиса), вонзает в горло силача, и тот погибает. В записи П.И. Тамбиева герою приносят чашу хмельного напитка (махсыма) с иголкой. Созариха выпивает его, иголка застревает в его горле, и от этого он умирает.

Далее следует рассказ о мести Хатокшуко за своего борца и способе, которым он избегает кровной мести со стороны родственников Шужея. Ему сообщают, как Шужей коварно убил Созариху, и он решает удостовериться в истинной причине гибели своего борца: по его указанию тело достают из могилы и в нем находят хаджису (иголку) Шужея. Хатокшуко, верный ранее данному слову, приносит клятву отомстить за кровь Созарихи. В тексте К.М. Атажукина, в отличие от других вариантов, Хатокшуко, следуя советам другого князя, Алагико, сначала испытывает силу Шужея: он верхом на коне пытается сдвинуть с места пешего Шужея, но не может. Далее, как и во всех других вариантах, он прибегает к хитрости: делает вид, что больше не враждует с ним, дает ложную клятву и убивает его, когда тот спал, при этом его же мечом. В данном случае мы видим трансформацию древнего мотива расправы героя с более сильным богатырем: в архаическом нартском эпосе Сосруко хитростью одолевает мифического великана иныжа; так поступают Батраз и Ашамез при встрече со своими кровными врагами – Пши-Маруко и Тлебыце; в младшем эпосе Атабий (Озырмес) Ешаноко, узнав тайну неуязвимости Догужа (Догужея) Куйцукоко, поражает его спящего. При этом все они убивают своих антагонистов их же мечами.

Способ, которым Хатокшуко избегает мести, тоже своими корнями связан с архаическим мотивом – с мотивом усыновления героя. В адыгских богатырских сказках и нартских сказаниях герой незаметно подкрадывается к Нашгушидзе (мифический персонаж, старуха с железными зубами и с огромными перекинутыми через плечо грудями) и касается губами ее груди, и, после такого ритуала усыновления, она оказывает ему помощь. Так поступает и Хатокшуко, чтобы избежать кровной мести близких со стороны Шужея: он касается губами груди его

матери-воспитательницы и тем самым становится таким же воспитанником (каном), как и Шужей: «Ай-ей гуш, сыбыдз зыПумыльхьагъует, а дунаем псаоу укытыранэныепи! Ау сыду сшЫна, сыбыдзы уемышъуагъэеми уешъуагъэ фэдэу хьугъэ, кло кложь, зямыгъэльэгъу, – ыуи лыр кытIупщыжьыгъ» [Тхыдэр зи лъабжьэ... 2023: 548] – «Ай, увы, не приложись ты к моей груди, они бы тебя на этом свете житъя не дали! Но что я поделаю, пусть ты и не пил моего грудного молока, но равен тому, кто пил. Езжай домой, не попадайся им на глаза, – сказала она так и проводила его» [Тхыдэр зи лъабжьэ... 2023: 552].

Как видно, предание о богатыре Созарихе, основанное на реальных событиях, произошедших в XVII в., стало одним из самых популярных в адыгском фольклоре. Оно бытует на всех территориях проживания адыгов, при этом в разных вариантах и в разных интерпретациях. Однако, как показал сравнительно-сопоставительный анализ материала, основные элементы сюжета везде совпадают, но в каждой версии содержатся особые детали, и каждая из них обладает своеобразными художественными достоинствами.

Список источников и литературы

АИГИКБНЦРАН – *Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.*

Гутов 2021 – *Гутов А.М. Контаминация в сказаниях адыгского историко-героического эпоса // Вестник КБИГИ. 2021. № 3 (50). С. 81–90. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-81-90*

Гутов 2009 – *Гутов А.М. Народный эпос: Традиция и современность. Нальчик: Издательство КБИГИ, 2009. 228 с.*

Кабардинский фольклор 2000 – *Кабардинский фольклор / общ. ред. Г.И. Бройдо. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. 651 с.*

Мелетинский 1958 – *Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 264 с.*

МыкIосэрэ жъуагъохэр... 1994 – *МыкIосэрэ жъуагъохэр. Адыгэ лыхъужьмэ яхьылагъэ орэдхэр, пщыналгъэхэр, гъыбзэхэр, къэбархэр* (Немеркнувшие звезды. Адыгские героические песни, поэмы, плачи, сказания) / сост. А. Схалыхо. Майкоп: Меоты, 1994. 336 с.

Николае Рошияну 1974 – *Николае Рошияну. Традиционные формулы сказки. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. 216 с.*

Новиков 1974 – *Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Ленинградское отделение издательства «Наука», 1974. 256 с.*

Сборник материалов... 1901 – *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис, 1901. 713 с.*

Сборник сведений... 1872 – *Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1872. 407 с.*

ФАИГИКБНЦРАН – *Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.*

Тхыдэр зи лъабжьэ... 2023 – *Тхыдэр зи лъабжьэ адыгэ уэрэдыжьхэмрэ хъыбархэмрэ. ЭтIуанэ тхыль. Пасэ лъэхъэнэм къежъа уэрэдхэмрэ хъыбархэмрэ* (Адыгские историко-героические песни и предания. Том второй. Песни и предания раннего периода) / гл. ред. А.М. Гутов. Нальчик: Принт Центр, 2023. 612 с.

References

AIGIKBNTSRAN – *Arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences].

GUTOV A.M. *Kontaminatsiya v skazaniyakh adygsckogo istoriko-geroicheskogo eposa* [Contamination in the legends of the Adyghe historical-heroic epic]. IN: KBIHR Bulletin. 2021. No. 3 (50). P. 81–90. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-81-90 (In Russian)

GUTOV A.M. *Narodnyy epos: Traditsiya i sovremennost'* [Folk Epic: Tradition and Modernity]. Nalchik: KBIHR Publishing House, 2009. 228 p. (In Russian)

Kabardinskiy fol'klor [Kabardian folklore. Gen. ed. G.I. Broido]. Nalchik: El-Fa Publishing Center, 2000. 651 p. (In Russian)

MELETINSKIY Ye.M. *Geroy volshebnoy skazki. Proiskhozhdeniye obraza* [The hero of a fairy tale. The origin of the image]. M.: Publishing House of Eastern Literature, 1958. 264 p. (In Russian)

MykIosere zh"uag"okher. Adyge Ilykh"uzh"me yakh'yIIag"e oredkher, pshchynal"ekher, g"ybzekher, k"ebarkher [Unfading stars. Adyghe heroic songs, poems, laments, tales] / comp. A. Shalyakho. Maykop: Meoty, 1994. 336 p. (in Adyg).

NIKOLAYE ROSHIYANU. *Traditsionnyye formuly skazki* [Traditional fairy tale formulas]. M.: Main editorial office of oriental literature of the publishing house "Nauka", 1974. 216 p.

NOVIKOV N.V. *Obrazy vostochnoslavianskoy volshebnoy skazki* [Images of the East Slavic fairy tale]. L.: Leningrad branch of the Nauka publishing house, 1974. 256 p. (In Russian)

Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza [Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus]. Vol. 29. Tiflis, 1901. 713 p. (In Russian)

Sbornik svedeniy o kavkazskikh gortsakh [Collection of information about the Caucasian highlanders]. Vol. VI. Tiflis, 1872. 407 p. (In Russian)

FAIGIKBNTSRAN – *Fonoarkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Phonoarchive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences].

Tkhyder zi l"abzh'e adyge ueredyzh'khemre kh"ybarkhemre. Yetluane tkhyl". Pase l"ekh"enem k"yesh'a ueredkhemre kh"ybarkhemre [Adyghe historical and heroic songs and legends. Volume two. Songs and legends of the early period] / Ch. ed. A.M. Gutov. Nalchik: Print Center, 2023. 612 p. (In Adyg and Russian)

Информация об авторе

М.Ф. Бухуров – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором адыгского фольклора.

Information about the author

M.F. Bukhurov – Candidate of Science (Philology), Leading Researcher, Head of the Adyg Folklore Sector.

Статья поступила в редакцию 17.11.2024; одобрена после рецензирования 02.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 17.11.2024; approved after reviewing 02.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Научная статья

УДК 398.8

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-96-105

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ КРОВИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

Лейла Созакбайовна Гергокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, leylagergokova79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© Л.С. Гергокова, 2024

Аннотация. Каждый народ имеет совокупность представлений о значении и символические значения слов и выражений, которые впоследствии складываются в одну систему взглядов. Те в дальнейшем становятся признаками культурного мировоззрения народа. По древним поверьям считается, что кровь связана с душой человека. Кровотечение приравнивается к потере жизненной силы. В статье акцентируется внимание на то, что слово *къан* «кровь» в карачаево-балкарских фольклорных текстах несет в себе сакральный статус, символизирующий – жизнь, смерть, огонь, уход в другой мир, насилие, очищение и т.д. Выделено семантическое поле крови в историко-героических песнях, включающее в себя компоненты, определяющие различные эмоции, присущие человеку (кипеть, остывать, бежать, играть, течь, греться и т.д.). Также в работе отмечается, что в исследуемых песнях ярко представлены институты кровного родства и кровной мести.

Особое место в статье уделяется механизмам употребления цветовой символики *къызыл къан* «красная кровь». Обозначается, что в текстах историко-героических песен карачаевцев и балкарцев символические значения слова кровь, употребляясь с цветолексемой «красный», взаимовлияют друг на друга, усиливают выполняемые функции в контексте.

Ключевые слова: устное народное творчество, фольклор, паремии, нартский эпос, историко-героические песни, символы, кровь, кровная месть.

Для цитирования: Гергокова Л.С. Символические функции крови в карачаево-балкарских историко-героических песнях // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-2 (63). С. 96–105. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-96-105

Original article

SYMBOLIC FUNCTIONS OF BLOOD IN KARACHAY-BALKAR HISTORICAL-HEROIC SONGS

Leila S. Gergokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, leylagergokova79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© L.S. Gergokova, 2024

Abstract. Each nation has a set of ideas about the meaning and symbolism of different words and expressions, which subsequently form into one system of views. Those

later become signs of the cultural worldview of the people. According to ancient beliefs, it is believed that blood is connected with the human soul. Bleeding is equivalent to loss of vitality. The article focuses on the fact that the word kan “blood” in Karachay-Balkarian folklore texts carries a sacred status symbolizing life, death, fire, departure to another world, violence, purification, etc. The semantic field of blood in historical and heroic songs is highlighted, which includes components that determine various emotions inherent in a person (boil, cool down, run, play, flow, warm up, etc.). The work also notes that the institutions of blood kinship and blood feud are vividly represented in the studied songs.

A special place in the article is given to the mechanisms of using the color symbols of *kyzyl kan* “red blood”. It is indicated that in the texts of historical and heroic songs of the Karachai and Balkars, the symbolic meanings of the word blood, used with the color lexeme “red”, mutually influence each other, enhance the functions performed in the context.

Keywords: oral folk art, folklore, parodies, the nart epic, historical and heroic songs, symbols, blood, blood feud

For citation: Gergokova L.S. Symbolic functions of blood in karachay-balkar historical-heroic songs. *Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin*. 2024; 4-2 (63): 96–105. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-96-105

Устное народное творчество карачаевцев и балкарцев является частью богатейшего памятника их национальной культуры. В памяти народа сохранились разные жанры фольклорных произведений, в том числе историко-героические поэтические тексты. «Народная поэзия традиционно впитывала в себя дух тех временно-пространственных явлений, которые в своих повествовательных элементах воспевали атрибуты полисинкретизма и историзма. В ней выражены широчайшие аспекты духовной культуры карачаево-балкарского народа: этнография, мифология, хореография, история, общинные и календарные обряды» [Малкондуев 2015: 18].

Цель данной статьи состоит в выявлении и вербализации этнического своеобразия символических функций *къан* «кровь» в контексте фольклорных произведений. В рамках представленного исследования является важным то, что в настоящее время в фольклористике проявляется особый интерес к изучению этнокультурной символики, мотивов в текстах разных жанров устного народного творчества. Как отмечается в трудах фольклористов и лингвофольклористов разных народов, к работам, которых мы обратились в качестве теоретической базы, для проведения данного исследования, немаловажное значение имеют типологический и сравнительно-сопоставительный методы изучения. Материалом для исследования послужили историко-героические песни карачаевцев и балкарцев, опубликованные в сборниках в разное время, выявленные путем сплошной выборки. Данная тема ранее не являлась предметом научного осмысления: не была подвергнута всестороннему анализу, что является актуальностью проведенного исследования.

Во все времена у людей вызывала повышенный интерес тема, связанная с символикой крови, этот вопрос имел особое значение и в жизни народа. Существует архаическая концепция, согласно которой кровь рассматривается как носительница жизни, источник души. Она возникает в момент рождения и останавливается после смерти. Во время всей жизни человек пользуется ею в разных ситуациях. Он также использует ее в магических ритуалах. Это доказывают и рассказы из жизненной практики, а также сюжеты из многих произведений фольклора и литературы. «Фольклорные тексты, как и образцы художественной литературы, имеющие в своей основе символические элементы, содержат определенную закодированную информацию, предполагающую не прямое прочтение текста, а расшифровку различных семантических смыслов, заложенных в нем. Поэтому фольклор можно назвать кладью символов – многозначных образов, призванных дать космогоническую модель мира при помощи неких ассоциативных рядов, которые выявляют глубинную связь с мифологией. Каждый символ наделен особой смысловой

нагрузкой, это – прежде всего, намек» [Болатова, Гергокова 2015а: 26], [Болатова (Атабиева), Гергокова 2015б]. «В карачаево-балкарской лингвокультуре концепт *къан* «кровь» занимает важное место и наделяется культовым смыслом» [Ахматова, Кетенчиев 2016: 39]. Кровь составляет основу социальных институтов: кровной жертвы, кровного родства, кровной мести. Считается что в крови обитает душа человека.

У карачаевцев и балкарцев распространенные магические свойства *къан* «кровь» получили отражение во многих жанрах фольклора. Особенно часто они встречаются в паремиях. Имеется очень много пословиц, где употребляется это слово с разным значением. Кровь иногда является символом очищающей силы (кровью смывают грехи, приносят в жертву). Например,

Къанны къан бла жуума, аманны аман бла къуума [КЪМХФС Т5 2023: 205]

Кровь кровью не смывай, зло злом не преследуй [Здесь и далее перевод автора – Л.Г.].

Или же в паремиях, где кровь связана с душой:

Къан чыкъды – жан чыкъды [КЪМХФС Т5 2023: 150]

Кровь вышла – душа ушла [Л.Г.].

Издавна в суевериях и в фольклорных тестах волк представляется как кровожадное животное, которое вместе с кровью жертвы забирает и ее силу. Проливание крови практически трактуется как его условие жизни, что отражается в пословице:

Ашаса, ашамаса да, бёрюню ауузу – къан [КЪМХФС Т5 2023: 102].

Съест или не съест, пасть волка – в крови [Л.Г.].

В древние времена было поверье, что если употребить кровь врага, то можно было таким способом забрать себе его силу. Наиболее красочно это свойство описывается в карачаево-балкарском героическом эпосе «Нарты»:

«Жаш [Къарашауай], чабыт барыт, къанжыгъасындан суулугъун алып, аны эмегенни къанындан толтурады. Кеси да чёмюч бла бир къан ичеди» [Нарты 1994: 203]. «Юноша [Карашауай] подбежав, забрав от тороков фляжку, наполнил ее кровью эмегена. И сам выпил ковш крови» [Л.Г.].

В нартских сказаниях встречаются тексты, в которых кровь представляется и как отравляющее вещество. В карачаево-балкарском нартском эпосе эмеген, перед тем как его разрубил нарт Сосурук, предложил ему выпить свою кровь, представляя ее источником необычайной жизненной силы.

«Эмегенни башын кесерге тебирегенлей:

– Къашыкъ бла къанымдан бир ич: ол сенге къарыу берир, – деди эмеген.

Сосурукъ эмегенни башын кеседи. Маскеге эмегенни къанын ичиреди. Ол олсагъат ёледи» [Нарта 1994: 129]

«Как только [Сосурук] собрался отрубить голову эмегену:

– Испей-ка ложку моей крови: она даст тебе жизненную силу, – сказал эмеген.

Сосурук отрубил голову эмегену. Дворяжке дал выпить кровь эмегена. Та сразу же умерла» [Л.Г.].

«Эмегены и драконы – олицетворения мощи стихий, поэтому, согласно сказаниям, их кровь и плоть обладают огромной силой: натирая глаза жиром эмегенов, нарты обретают способность видеть глубины земли, перепоясавшись кишкой убитого эмегена, нарт многократно увеличивает свою мощь, сгустки огненной крови

драконов используются богатырями для изготовления сжигающих все на своем пути стрел» [Джуртубаев 2011: 363].

В традиционной культуре карачаевцев и балкарцев лексема *къан* «кровь» представляется наиболее красочным и универсальным символом в историко-героических песнях. Здесь данный концепт несет в себе сакральный статус, символизирует – жизнь, жизненную силу, смерть, огонь, вход в другой мир, насилие, очищение и т.д. Но в основном символические функции крови определяются контекстом, построенным вокруг этого понятия. «Согласно карачаево-балкарскому языковому сознанию, кровь – это элемент внутреннего мира человека, которая так же, как и сердце, является центром человеческих страстей, представляется живой и описывается через антропоморфный код культуры, она испытывает различные эмоции, присущие человеку (кровь может кипеть, остывать, играть, мучать и т.д.), о чем свидетельствуют примеры типа *къаны къызды* «сильно разозлиться», *къаны сууду* «остудить пыл; успокоиться» [Ахматова, Кетенчиев 2016: 39].

В фольклорных поэтических произведениях встречается и иная характеристика крови: точка истечения (тело, голова), цвет (черная, алая, красная, горячая, жгучая). Это описание свойств в песнях символизирует высокие, восторженные эмоции от происходящей вокруг битвы. Например:

*«Къурч санлада бегиген ол темир жан
Терк чыкъмайды быллай тулпар жашладан,
Ётгюр сандан чартлап чыгъад исси къан,
Тешип, ётют кетед къаты ташладан»* [МТ 1993: 133]

*«Заключенный в стальные части тела железная душа
Быстро не покидает таких здоровых парней,
От отважного тела выплескивается горячая кровь,
Пробивает, проходит сквозь твердые камни»* [Л.Г.].

*«Энди, быллайдан кетала эсенг, къысха кет!
Къанны къайнатма, биз жоймаучубуз намыс»* [МТ 1993: 26]

*«Теперь, если сможешь отсюда уйти, быстро уйди!
Не зли (букв. не заставляй кровь закипеть),
мы не тратим – совесть»* [Л.Г.].

Описание жертв обладает особым воздействием на слушателя, так как изображены в основном большие, иногда гипертрофированные объемы разлитой крови персонажей. Делается акцент на большое количество погибших:

*«Къан чачылды суу ызында ташлагъа,
Къызла да къошулдула къазауатда жашлагъа.
Къазауат барды, жерге къызыл къанла сингдирип
Къатынланы, къызланы атлагъа миндирип»* [МТ 1993: 125]

*«Кровь брызнула на камни, стоящие, по течению реки
И девушки присоединились к парням.
Шла битва, пропитав землю красной кровью
И женщин, и детей, посадив на коней»* [Л.Г.].

*«Эки да окъ тийгенед Джамболат-батырны белине,
Уой, не келе болур эд ол заманда кёлюне?
Кюкюрей тургъан эди алгъа ол, кёк киби,
Къаны жерде уюп барады, кёл киби»* [МТ 1993: 50]

«Две пули поразили мужественного Джамболата в поясницу,
Ой, что ему приходило на ум тогда?
Гремел он сначала как небо,
Кровь на земле застывает как озеро» [Л.Г.]

Кровь представителей вражеского стана характеризуется по-другому. При описании этой сакральной жидкости в историко-героических песнях иногда может подчеркиваться воинский статус ее владельца, при этом дается отрицательная личностная характеристика:

*«Жарлы анала балаларына жилийла,
Ёлюклени баш тюклерин сылайла:
– Ийнаралгъа ит териден кебин бичерек,
Аны къанын бал татдырып ичерек»* [МТ 1993: 125]

«Несчастные матери оплакивают своих детей,
Погибшим гладят на голове волосы:
– Генералу из шкуры собаки выкроим саван,
Его кровь выпьем с удовольствием» [Л.Г.]

*«Абычарла, ийнаралла – къанлыла,
Кечилирми бюгюн этген ишигиз,
Тулпарладан тууарла мазаллыла,
Ол кюн тюшер сизни къабан тишигиз»* [АТЖД 2015: 112]

«Офицеры, генералы – кровные враги,
Простятся ли ваши сегодняшние дела?
От богатырей родятся исполины,
Тогда и выпадут ваши кабаньи клыки!» [Л.С.]

При помощи эпитетов символизируется низменная, нечистая, скверная природа вражеской крови, вызывающая ярость и негативные эмоции у слушателя:

*«Аладан акъгъан харам мурдар къан
Суканны сууун мор этди,
Ол халкъны къыргъан ит кадетлеге
Ма энди бюгюн дерт жетди»* [АТЖД 2015: 355]

«Вытекшая из них оскверненная, подлая кровь
Окрасила реку Сукан в коричневый цвет,
Этих, истребивших народ, псиных кадетов
Вот сегодня настигла месть» [Л.Г.]

*«Ой, башынгдагъы акъ къалпагъынгы,
Жамал, жел уруп, артха къайырды,
Къара къан жаусун Къалмукъ улуна,
Ол тенглерингден айырды»* [АТЖД 2015: 380]

«Ой, на голове белую шляпу
Жамал, ветер сдув, назад опрокинул,
Пусть черная кровь прольется на сына Калмука
Он тебя отделил от друзей» [Л.Г.]

Как мы отметили выше, кровь – первооснова жизненной силы, потеря большого количества крови влечет за собой смерть. Следовательно, пролить кровь – убить, потерять кровь – погибнуть, сражаться до последней капли крови – пока смерть не заберет. В историко-героических песнях кровь в основном выступает как символ смерти. Ее главная функция – течь, она льется ручьями и потоками. Ассоциируя кровь с текучей водой, люди как бы переносили значение крови на окружающую природу, являясь проводником в другой мир:

*«Къош-къош тийип, къылычлары чакъдыла, ойра,
Кенг майданда къан ырхыла акъдыла, о-ой,
Орайда, эй-хей, ойра, осей, орайда»* [МТ 1993: 19].

*«Столкнувшись друг с другом, мечи заискрились, ойра,
На широкой площади кровавые ручьи сошли, о-ой,
Орайда, эй-хей, ойра, осей, орайда»* [Л.Г.].

*«Ой, Улуу Хожда бир сейир барды, танг барды,
Тохтамай, жети кюнню къызыл-ала къан барды»* [МТ 1993: 124]

*«Ой, в Большом Хоже наступает такое удивительное утро,
Не переставая, семь дней течет красно-алая кровь»* [Л.Г.].

Кровь в историко-героических песнях выступает как многогранный и сложный образ, воплощающий, как положительные, так и отрицательные аспекты существования. Олицетворяет неизбежность смерти, самоотверженность:

*«Ой, къара сууда, хажы, ала чабакъла ойнайла,
Акъыллы башынгда уа къан къазанла къайнайла»* [АТЖД 2015: 329]

*«Ой, в чистой воде, хаджи, красная рыба водится,
В твоей умной голове кровавые казаны кипят (от мыслей)»* [Л.Г.].

*«Ол ёртен а тюлдю, къанлы ёлетди,
Акъыллы башланы тели этди, сер этди»* [МТ 1993: 115]

*«Это не пожар, а кровавая чума,
Умные головы сделал безумными, рассеянными»* [Л.Г.].

Более ярко описываются мучения народа, когда в сочетании с лексемой *къан* «кровь» в тексте выступают слезы и пот как выражение страдания. В ряде песен эти понятия используются параллельно:

*«Сенден акъгъан бу исси къан тамчыла
Жылятырла барып тамгъан жерлерин,
Негерлеринг, кийип къара жамчыла,
Къабырынгда сюртюрле къан терлерин»* [МТ 1993: 135]

*«С тебя упавшие эти горячие капли крови
Заставят плакать места, куда упали,
Твои друзья, одев черные бурки,
У могилы твоей вытрут кровавый пот»* [Л.Г.].

В историко-героических песнях одним из главных мотивов является кровная месть. Этот обычай действовал во многих регионах мира. Если человек убил

кого-нибудь из другого рода, месть должна была осуществлена пролитием вражеской крови: даже не обязательно крови самого убийцы, а кого-нибудь из мужчин из рода обидчика. В карачаево-балкарских историко-героических песнях часто встречается выражение *къанлы жау* «кровный враг», как предупреждение о будущей мести:

*«Сары къая сюеледи аллымда,
Жаны болуп, киши келмейд къатыма,
Къанлы жауум кюле болур артымдан,
Ит ийнарал минген болур атыма»* [АТЖД 2015: 118]

*«Желтая скала стоит передо мной,
Никто живой ко мне не подходит,
Кровный враг мой, наверное, смеется, мне вослед,
Пес-генерал, наверное, сел на моего коня»* [Л.Г.].

*«Жара къолунгу сен узатдынг таулагъа,
Ана журтунг, уллу терен ёзеннге,
Тиш къысханча сора къанлы жаулагъа:
– Жыйгъансыз, – деп, – бизни такъыр гёзеннге»* [АТЖД 2015: 111]

*«Раненую руку ты протянул к горам,
К родине-матери, большому глубокому ущелью,
Словно, тая месть кровным врагам,
– Загнали вы нас в тесный загон, – говоря»* [Л.Г.].

В древние времена бытовал специальный этикетный императив поведения кровных врагов. По народным представлениям пострадавший не мог обрести покой, если не был отомщен. В историко-героических песнях ярко представлен институт кровной мести.

*«Тизгинлешип, ёзенни ёрге жау кирди,
Батыр Къайтукъ сабийлеге кёл берди:
– Таулчукъла, сиз да ёсюп жетерсиз,
Бу къан дертни жууапларын этерсиз!»* [МТ 1993: 131]

*«Рядами в долину зашел враг,
Мужественный Кайтук подбодрил детей:
– Дети гор, вы тоже подрастете,
Этой кровной мести дадите ответ»* [Л.Г.].

В песне «*Атабийни жыры*» «Песня Атабия» описывается сюжет кровной мести. Здесь слепой старец Атабий отомстил за своих дочерей, которых продали Абаевы. Он попросил кузнеца смастерить ему нож, якобы для того, чтобы с его помощью мог спокойно есть мясо. На самом же деле несчастный отец, готовил месть. Он подкараулил спящих молодых людей из Абаевых и перерезал им горло. Старик сам, довольный исполненным долгом кровной мести, признался Абаевым в жестоком убийстве, хотя знал, что за это он заплатится жизнью:

*«Жатхан жерлерин Атабий билгенди,
Кече арада юслерине киргенди.
Кёзю къырау, шыхыртха уа игиди,
Къызгъан жюрек къан алыргъа тириди.»*

*Эки улан жукълайла хурулдашып,
Атабий да сермеди, жууукълашып.
Бичакъ бла тартды богъурдакъларын:
«Энди ичигиз къызларымы хакъларын!»* [МТ 1993: 161]

«Где они спали Атабий знал,
Посреди ночи к ним зашел.
Глаза плохи, но звуки хорошо слышит.
Горящее сердце готово к кровной мести (забрать кровь)
Двое юношей спят, храпя,
Атабий размахнулся, подойдя.
Провел ножом по горлу обоих:
«Теперь можете пить плату за моих дочерей» [Л.Г.].

Кровь в произведениях ассоциируется с его цветом, поэтому их семантические функции взаимовлияют друг на друга: особенности красного цвета передаются на символику крови. В то же время жизненная необходимость крови распространяется на смысл красного цвета.

*«Атла болдула
Тёгергизбизде тамам темир кълалала.
Къызыл кълан болдула
Шейип кълзауат этген талала»* [МТ 1993: 140]

«Кони стали
Вокруг нас железными замками.
В красную кровь окрасились
Поля где сражался Шейип» [Л.Г.].

*«Абайлада эки улан бар элле,
Ала басхан жерле кълзыл кълан элле»* [МТ 1993: 161]
«У Абаевых было два парня
Где они проходили, там все окрашивалось в красную кровь» [Л.Г.].

*«Артха турмай, намысынга уялып,
Сермешесе, кълзыл къланнга боялып»* [МТ 1993: 188]
«Не отступая, стыдясь совести,
Сражаешься, в красную кровь окрасившись» [Л.С.].

Таким образом, «народная символика основывалась на многовековом опыте и наблюдениях человека за природой. Символы в фольклоре явились результатом субкультуры, поэтому опосредованно влияли на сознание людей, отражая специфику национального мышления» [Болатова, Гергокова 2015а: 26]. Благодаря активному использованию символических функций *кълан* «кровь» в карачаево-балкарских фольклорных произведениях, можно отметить, что она выступает как символ рода, жизненной силы, жестокости, смерти, кровной мести и т.д. Символические значения крови в историко-героических песнях в совокупности отражают дух народа, формирование его восприятия.

Список источников и литературы

АТЖД 2015 – *Алан тарих жигитлик дастаны*. Том III. / жарашдыргъан, ал сёзю бла тафсирлерин жазгъан Джуртубайланы М.Ч. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2015. 399 б.

(Аланский героико-исторический эпос. Том III. Составление, предисловие и комментарии М.Ч. Джуртубаева. Нальчик: ООО ООО «Тетраграф», 2015. 399 с.). На кар.-балк. и русс. яз.

Ахматова, Кетенчиев 2016 – *Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б.* Семантическое пространство концепта «къан/кровь» в карачаево-балкарском языке // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Грамота, 2016. № 6 (60): в 3-х ч. Ч. 2. С. 38–41.

Болатова (Атабиева), Гергокова 2015а – *Болатова (Атабиева) А.Д., Гергокова Л.С.* Интерпретация числовой символики в карачаево-балкарском фольклоре и литературе // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2015 (а). № 8-3 (50). С. 26–29.

Болатова (Атабиева), Гергокова 2015б – *Болатова (Атабиева) А.Д., Гергокова Л.С.* Специфика символических цветообозначений в фольклорных и художественных текстах // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2015. № 9-2 (51). С. 36–39.

Джуртубаев 2011 – *Джуртубаев М.Ч.* Мифология и эпос карачаево-балкарского народа: Древние верования балкарцев и карачаевцев. Карачаево-балкарский героический эпос. Нальчик: Эльбрус, 2011. 488 с.

КЪМХФС 2022 – *Къарачай-малкъар фольклорну своду.* 5-чи том. Къарачайлыланы бла малкъарлыланы келден айтылгъан чыгъармачылыкларыны гитче жанрлары / жууаплы редактор Берберланы Б.А. Нальчик: РИА КЪМИА ГТИни редакторлу-басма бѐлюмю, 2022. 412 б. (Свод карачаево-балкарского фольклора. Том 5. Малые жанры фольклора карачаевцев и балкарцев / отв. ред. Б.А. Берберов. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2022. 412 с).

Малкондуев 2015 – *Малкондуев Х.Х.* Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII века). Нальчик: ОСЮ «Печатный двор», 2015. 312 с.

Минги тау. Эски жырыла. № 4. Нальчик: «Эльбрус» китап басма, 1993 ж. 224 б. (Эльбрус. Старые песни. № 4. Нальчик: изд-во «Эльбрус», 1993. 224 с.).

Нарты 1994 – *Нарты. Героический эпос карачаевцев и балкарцев.* М.: Наука: Восточная литература, 1994. 656 с.

References

Alan tarikh zhigitlik dastany. Tom III. / zharashdyrg’an, al syozyu bla tafsirlerin zhazg’an Dzhurtubajlany M.CH. Nal’chik: ООО Telegraf, 2015. 399 b. (*Alanskij geroiko-istoricheskij ehpos* [Alanian historical-heroic epic] Tom III. Sostavlenie, predislovie i kommentarii M.CH. Dzhurtubaeva. Nal’chik: ООО Tetrograf, 2015. 399 p.). (On the kar.-balk. and Russ. Languages)

АХМАТОВА М.А., КЕТЕНЧИЕВ М.Б. *Semanticheskoe prostranstvo koncepta “k’an/krov’” v karachaevo-balkarskom yazyke* [Semantic space of the concept “qan/blood” in the Karachay-Balkar language]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* Gramota, 2016. № 6 (60): v 3-h ch. Ch. 2. P. 38–41.

БОЛАТОВА (АТАБИЕВА) А.Д., GERGOKOVA L.S. *Interpretaciya chislovoj simboliki v karachaevo-balkarskom fol’klore i literature* [Interpretation of numerical symbols in Karachay-Balkar folklore and literature // *Philological sciences.*] IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* 2015. № 8-3 (50). P. 26–29.

БОЛАТОВА (АТАБИЕВА) А.Д., GERGOKOVA L.S. *Specifika simbolicheskikh cvetooboznachenij v fol’klornyh i hudozhestvennyh tekstah* [Specificity of symbolic color designations in folklore and artistic texts]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* 2015. № 9-2 (51). P. 36–39.

DZHURTUBAEV M.CH. *Mifologiya i epos karachaevo-balkarskogo naroda: Drevnie verovaniya balkarcev i karachaevcev. Karachaevo-balkarskij geroicheskij epos* [Mythology and epic of the Karachay-Balkar people: Ancient beliefs of the Balkars and Karachays.]. Nal’chik: El’brus, 2011. 488 p.

MALKONDUEV H.H. *Istoriko-geroicheskie pesni karachaevo-balkarskogo naroda (konec XIV–XVIII vekov)* [Historical and heroic songs of the Karachay-Balkarian people (late XIV–XVIII)]. Nal’chik: Pechatnyj dvor, 2015. 312 p. (In Russian)

Mingi tau. Eski zhyryla. № 4. Nal’chik: «El’brus» kitap basma, 1993 zh. 224 b. (El’brus. Starye pesni. № 4. Nal’chik: izd-vo «El’brus», 1993p. 224 p.). (In Russian)

Narty. Geroicheskij epos karachaevcev i balkarcev [Heroic epic of the Karachays and Balkars.]. М.: Nauka: Vostochnaya literatura, 1994. 656 p.

K"arachaj-malk"ar fol'klornu svodu. 5-chi tom. K"arachajlylany bla malk"arlylany kyolden ajtylg"an chyg"armachylyk"laryny gitche zhanrlary / zhuuaply redaktor Berberlany B.A. Nal'chik: RIA K"MIА GTIni redaktorlu-basma byolyumyu, 2022. 412 b. (Svod karachaevo-balkarskogo fol'klora [Code of Karachay-Balkar folklore.]. Tom 5. Malye zhanry fol'klora karachaevev i balkarcev / otv. red. B.A. Berberov. Nal'chik: Redakcionno-izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2022. 412 p).

Информация об авторе

Л.С. Гергокова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора.

Information about the author

L.S. Gergokova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector Karachay-Balkarian Folklore Sector.

Статья поступила в редакцию 27.11.2024; одобрена после рецензирования 08.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 27.11.2024; approved after reviewing 08.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Научная статья

УДК 398.21

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-106-113

ВОДА КАК СРЕДСТВО МАГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ СКАЗКАХ

Фаризат Хасановна Гулиева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, gfariza37@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8883-4613>

© Ф.Х. Гулиева, 2024

Аннотация. Статья посвящена выявлению чудесных свойств, приписываемых воде (жидкости) в волшебных и волшеббно-героических сказках карачаевцев и балкарцев. Относясь к одной из четырех основополагающих стихий, во всех культурах она являлась объектом поклонения, почитания, ей приписывались различные сверхъестественные качества, что не могло не проявиться в различных жанрах народного устно-поэтического творчества. Анализ извлеченных из общего массива методом сплошной выборки сказочных текстов с упоминанием воды как магической предметной реалии показал, что в данном этническом материале встречаются как универсальные ипостаси данного ресурса, так и специфические (средство оживления, исцеления, изменения облика / перевоплощения, средство одурманивания / приведения в чувство, трансформатор пространства, средство перемещения / точка перехода между мирами). Отмечается, что в большинстве случаев воздействие воды имеет однонаправленный (постоянный) эффект, т.е. обратное изменение либо невозможно, либо требует применения других средств или выполнения определенных условий. Чудесными свойствами обладает не всякая вода / жидкость, а только находящаяся в конкретном месте, добытая / изготовленная / примененная особым способом. Исследование показало наличие в проанализированных текстах отголосков древних воззрений на устройство мира, следов различных обрядовых действий, что обусловлено существованием в прошлом культа воды. Полученные результаты дополняют картину мира предметных реалий карачаево-балкарской волшебной сказки и в дальнейшем могут послужить основой для проведения сравнительно-сопоставительных исследований на материале фольклора разных народов с целью выявления этноспецифических и универсальных черт.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, волшебные сказки, вода, жидкость, чудесное средство

Для цитирования: Гулиева Ф.Х. Вода как средство магического воздействия в карачаево-балкарских сказках // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-2 (63). С. 106–113. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-106-113

Original article

WATER AS A MEANS OF MAGICAL INFLUENCE IN KARACHAY-BALKARIAN FAIRY-TALES

Farizat H. Gulieva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Rus-

© F.H. Gulieva, 2024

Abstract. The article is devoted to identifying the miraculous properties, attributed to water (liquid) in magical and magical-heroic fairy-tales of the karachais and balkarians. Belonging to one of the four fundamental elements, in all cultures it was an object of worship and reverence; various supernatural qualities were attributed to it, which manifest itself in various genres of folk oral poetic creativity. An analysis of fairy-tale texts, that mentioned water as a magical objective reality, extracted from the general array using a continuous sampling method, showed that in this ethnic material there are both universal forms of this resource and specific ones (a means of revitalization, healing, changing appearance / transformation into another creature, a means of stupefying / bringing to feeling, space transformer, means of travel / transition point between worlds). It is noted, that in most cases the effect of water has a unidirectional (constant) effect, i.e. reverse change is either impossible or requires the use of other means or the fulfillment of certain conditions. Not all water / liquids have miraculous properties, but only those, which found in a specific place, extracted / made / applied in a special way. The study showed the presence in the analyzed texts of echoes of ancient views on the structure of the world, traces of various ritual actions, which is due to the existence of the cult of water in the past. The results obtained complement the picture of the world of the objective realities of the karachay-balkarian magical fairy-tale and in the future can serve as the basis for conducting comparative studies, based on the material of folklore of different peoples in order to identify ethnospecific and universal features.

Keywords: karachay-balkarian folklore, magical fairy-tales, water, liquid, miraculous property

For citation: Gulieva F.H. Water as a means of magical influence in karachay-balkarian fairy-tales. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 4-2 (63): 106–113. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-106-113

Волшебная сказка, являясь одной из древнейших жанровых форм фольклора, всегда сохраняла теснейшую связь с архаическими религиозно-мифологическими и магическими представлениями создавшего ее народа. В ней нашли отражение отголоски различных верований, культов, следы отдельных обрядовых действий.

В этноментальной картине мира карачаевцев и балкарцев, как и у других народов, одно из центральных мест отводилось воде как символу жизни, первоначальному элементу мироздания в мифопоэтическом сознании. Кроме того, без воды невозможно представить бытие человека, она необходима ему для жизнедеятельности: без нее невозможно вырастить урожай, содержать скот, соблюдать чистоту тела и жилища. Во многом этими факторами и обусловлена вера в «животворящую, предохраняющую, целительную способность водной стихии» [Егорова 2019], ее сакрализация и использование в различных ритуалах. Подтверждается это и многочисленными научными трудами [Тайлор 1989; Фрэзер 2006; Борджанова 2007; Добровольская 2009; Пропп 2014 и др.]. К сожалению, обозначенная проблема на материале карачаево-балкарского фольклора еще не получила должного рассмотрения. Данная статья призвана в некоторой степени восполнить отмеченное упущение. Ее цель заключается в выявлении, систематизации и краткой характеристике основного перечня магических функций, свойств, приписываемых воде в волшебных и волшебного-героических сказках этноса.

Опираясь на опыт предшественников (В.Я. Проппа, В.Е. Добровольской и др.) и исходя из специфики собственно карачаево-балкарских сказочных текстов, можно выделить несколько ипостасей, способов магического воздействия воды:

- средство исцеления / оживления;
- средство воздействия на сознание;
- средство изменения внешности героя;
- средство перевоплощения (изменения биологического вида) персонажа;

- средство переноса / перехода между мирами;
- трансформатор пространства.

Одной из наиболее распространенных вариаций магической воды как *средства исцеления и оживления* в сказках народов мира выступает *живая и мертвая вода*: мертвая применяется для заживления ран, а живая – для оживления героя. Основываясь на религиозно-мифологических представлениях древних греков, В.Я. Пропп предположил, что данная последовательность действий в отношении убитого персонажа неслучайна: «Мертвая вода его как бы добывает, превращает его в окончательного мертвеца. Это своего рода погребальный обряд, соответствующий обсыпанию землей. Только теперь он – настоящий умерший, а не существо, витающее между двумя мирами, могущее возвратиться вампиром. Только теперь, после окропления мертвой водой эта живая вода будет действовать» [Пропп 2014: 168]. В то же время В.Е. Добровольская, исследуя предметные реалии русских сказок, изложила несколько иную гипотезу: «Вероятно, первоначально живая вода вообще восстанавливала человеческий организм (не только оживляла, но и лечила), а мертвая – разрушала его. Однако нормы сказочной поэтики требовали в сказках типа СУС – 550 появления двух типов воды, так как один и тот же предмет не может выполнять в сказке две разнородных и принципиально разноуровневых функции (сращивать и оживлять). <...> Сталкиваясь с необходимостью ввести дополнительный элемент в эпизод оживления героя (прежде чем оживить, надо срастить части тела), сказочное сознание подставляет на место второго компонента мертвую воду» [Добровольская 2009: 51]. Данное утверждение ученого находит ряд подтверждений на материале карачаево-балкарских волшебных и волшебнo-героических сказок, но также имеется и своя специфика. В обозначенной этнической среде отсутствуют повествования о неполноценно оживших мертвецах типа зомби, вампиров и т.п. нечисти, поэтому, по сути, нет необходимости «добывать и превращать в окончательного мертвеца», чтобы избежать его «неправильного» возвращения. Однако эпизоды получения различных увечий и смертельных ран в сказках карачаевцев и балкарцев встречаются нередко, что, соответственно, требует средств исцеления. Эту функцию могут выполнять различные мази, растения, чудесные предметы. Особый интерес в свете изложенных суждений привлекает сказка «*Къара къоянчыкъ*» – «Черный зайчик» [КЪМФ 1987: 89–92], в которой мы встречаем случай использования даже не двух, а трех средств – волшебных палочек дочерей трех ханов, применяемых для оживления убитого эмегеном брата главной героини: золотая палочка исцеляет раны, серебряная – возвращает жизнь, палочка из драгоценных камней пробуждает ото сна.

Что касается применения чудесной воды, следует отметить, что она не обозначается ни как живая, ни как мертвая. Так, в тексте «*Жиялмукълары алтын бюртюкле болъан ариу Гюльчыгар*» – «Красавица Гюльчыгар, чьи слезы превращались в золотые бусины» [МХЖ 1963: 91–98] говорится о периодически повторяющемся убийстве и оживлении несчастной девушки, похищенной эмегеном, которое пресекает главный герой, выведав тайну возвращения жизни: «Как только он [эмеген] ушел, Солтан-Алий, достав тело девушки, приставляет голову к мертвому телу. Однако, как бы долго ни искал, не находит глиняную чашу с водой. Бродя [по помещению], видит висящую на стене доску. На доске видит: “Человек, который 40 раз произнесет написанное на этой доске, найдет воду в глиняной чаше”. А эта надпись нам не известна.

Солтан-Алий, произнеся ту надпись 40 раз, находит глиняную чашу и воду. Когда сказав: “Пусть с помощью колдовства Сюлемена (вероятно, царя Соломона. – Ф.Г.) она оживет”, – ту воду налил на место разреза девушки, девушка, ожив / исцелившись, встает перед Солтан-Алием словно (писаная) картина» [МХЖ 1963: 94].

* Здесь и далее, если не указано иное, подстрочные переводы наши. – Ф.Г.

Как мы можем видеть, в данном случае речь идет о варианте живой воды, описанном В.Е. Добровольской. Очевидно также, что в этой роли выступать может не любая вода, а только та самая, добытая и примененная особым способом (по В.Я. Проппу). Прослеживаются здесь и отголоски ритуальных действий (применение специальных атрибутов, особых речевых формул, омовение как символ очищения и возрождения к новой жизни). Нечто подобное мы встречаем и в сказках «*Къантемир*» – «Кантемир» [МХЖ 1963: 78–82] и «*Сокъур Алиюк*» – «Слепой Алиюк» [КЪМФС III 2017: 355–358], в которых для оживления эмегенов применяются сразу два средства: войлочную плеть людоеда нужно было окунуть в воду и ударить по костям и шкурам убитых. К сожалению, в данном случае невозможно судить о том, что именно – плеть или все же вода – служат средством оживления, но связь с древними обрядами здесь также налицо.

О **целительных свойствах** воды / водоемов говорится и в тексте «*Жарыкъбий*» – «Жарыкъбий» [КЪМФС III 2017: 159–178], в котором девы-орлицы прилетают к целебному родниковому озеру во владениях повелителя птиц. Из текста понятно, что целительный эффект имеет временный характер, поэтому приходится периодически повторять процедуру.

Помимо исцеления и оживления вода в карачаево-балкарских сказках выступает и как **средство воздействия на сознание**. Так, в сказке «*Обур эфенди*» – «Эфенди-колдун» [МЖНСЭ 1959: 126–133] упоминаются две жидкости: если разбрызгать темную – все живые существа в округе погрузятся в сон, а если разбрызгать светлую – придут в себя. По всей видимости, здесь мы имеем дело с одной из вариаций слабой и сильной воды, приравниваемых В.Я. Проппом к мертвой и живой воде [Пропп 2014: 168].

Также в сказочном эпосе вода нередко выступает **средством изменения внешности героя**. Например, в текстах «*Ёксюз Фатиматчыкъ*» – «Сиротка Фатимат» [АНТЖЖЭ 1997: 35–37] и «*Ёксюз къызчыкъны юсюнден жомакъ*» – «Сказка о девочке-сиротке» [КЪМФС III 2017: 291–293] эту функцию выполняет вода, которая начинает течь по полу пещеры эмегенши / великанши и в зависимости от внутренней сущности героинь и правильности прохождения ими испытаний приобретает белый или черный цвет и меняет свои качества от преобразования до уродования. Здесь можно говорить о том, что вода в данном случае выступает своего рода «лакмусовой бумажкой», проявляющей внутреннюю суть героинь и выводящей их на уровень внешней формы. Иначе говоря, вода наделена очищающим свойством, смывающим наносное, обманное, выявляющим суть персонажа и приводящим в гармонию содержание и форму. Следует отметить, что превращение это имеет необратимый характер.

В карачаево-балкарских волшебных сказках вода может выступать и **средством временного изменения биологического вида** персонажа. Так, в текстах «*Къызчыкъ бла къозучукъ*» – «Девочка и ягненок» [МЖНСЭ 1959: 188–192; МХЖ 1992: 136–141], «Илеука» [БКС 1983: 37–43], являющихся вариантами одной и той же сказки, говорится о перевоплощении маленького брата главной героини в козленочка из-за того, что он выпил воду из речушки, через которую проходило стадо коз. Интересно, что до этого они преодолели реки, через которые проходило стадо коров (выпивший из нее превратился бы в теленка) и стадо коней (мог превратиться в жеребенка). Рассматривая данный сюжет на материале русских сказок, В.Е. Добровольская пишет: «Безусловно, вода является одним из самых сильных магических средств, фигурирующих в сказке вообще <...>, но в данном случае сказочный текст удержал одно из древнейших мифологических представлений о влиянии одного существа на другое через использованный первым предмет. Вода в данном типе сказок опасна не сама по себе, а как носитель животного (козьего) начала, возникающего в результате (более раннего) употребления этой воды козленком» [Добровольская 2009: 47]. Далее автор отмечает, что в ряде вариантов

сказки из текста видно то, что девочка осведомлена о причине запрета, связанного не с питьем воды в целом, «а с ее использованием другими существами, следствием которого является перенесение их облика на брата Иванушку. Вода выступает здесь как посредник, своего рода растворитель (неразличимого в ней) вредоносного начала, – как и в реальной жизни (с замещением реального вредоносного компонента фантастическим). Наконец, в сказочных текстах мифологическая семантика утрачивается и приобретает волшебную, присущую только сказке окраску. В сказке вода из копытца (а в нашем случае водоема, через который проходили животные. – Ф.Г.) не связана ни с какими особенными персонажами, определяющими ее необычайные свойства, а обладает ими сама по себе, в то время как в рамках мифологии эти свойства были определены именно связью с соответствующими мифологическими существами» [Добровольская 2009: 47]. Другими словами, данный сюжет восходит к древним тотемистическим и магическим воззрениям народа-создателя, однако в сказочных текстах они предстают в значительно ослабленном, утратившем первоначальное значение, измененном виде.

В карачаево-балкарской интерпретации сюжета о сестрице Аленушке и братце Иванушке, как и в русском аналоге, описываемая трансформация имеет обратимый характер, однако для этого невозможно применить то же средство (воду из реки, через которую проходили козы). Для развоплощения требуется выполнение некоторого заранее не известного условия: Илеука из-за ведьмы, пожелавшей занять ее место, тонет в *реке*, но благодаря тому, что один из прислужников ее супруга понимал язык зверей, ее тело находят и хоронят на кладбище; на могиле вырастает чудесное золотое дерево, которое князь велит пересадить во дворец; подруга матери героини просит дать ей хотя бы отломленную веточку в память о девушке, но получает отказ и рекомендацию поискать какой-нибудь корешок, который мог остаться в могиле; действительно найдя корешок, женщина прячет его в сундук, а наутро находит там ожившую красавицу; на празднике у князя Илеука рассказывает всю свою с братом историю и в подтверждение правдивости своего повествования произносит сакральную фразу *къаргъаныу* (клятва, божба, заверение в истинности сказанного) «Если всё сказанное мною – правда, пусть ягнёнок, который стоит возле ханского трона, станет человеком и подойдет ко мне» [БКС 1983: 42]. Т.е. героине пришлось пройти через испытания, быть убитой и вернуться с того света, чтобы суметь восстановить справедливость и правильный порядок вещей.

Здесь следует обозначить еще один момент, связанный с магическими свойствами воды. Дж. Трессидер отмечал, что в мировом фольклоре озера представляют собой «двусторонние зеркала, разделяющие естественный и сверхъестественный миры» [Трессидер 2001: 21]. Исходя из материалов карачаево-балкарского (и не только) фольклора, уместно говорить о том, что подобным свойством обладают практически все водные пространства, водоемы. По народным поверьям они выступали как некие *границы, точки перехода*, через которые герои могли попасть в иные, сверхъестественные миры, что мы можем наблюдать как в сказках «*Окьюсокъу*» – «Оку-соку» [МХЖ 1989: 95–103] (река – граница между землей людей и землей змей), «*Жарыкъбий*» – «Жарыкбий» [КъМФС III 2017: 159–178] (море и река отделяют царства людей, обезьян и львов), так и в легендах «*Аймуш*» [КъМФ 1996: 196–199], «*Аймуш*» [КъМФС IV 2020: 226–228] (где озеро Хурла разделяет мир людей и подводный мир). В рассмотренной выше сказке «Илеука» [БКС 1983: 37–43] также можно заметить, что поверхность реки разделяет мир живых и мир мертвых, но возвращение обратно путем простого извлечения тела не может быть полноценным. Для оживления потребовался целый комплекс действий: погребение на кладбище, вырастание золотого дерева, выкапывание из могилы оставшегося там корешка и размещение его в сундуке, в котором наутро обнаружилась ожившая девушка-красавица. Таким образом, можно констатировать, что попасть

в другие миры можно добровольно, случайно или вследствие козней противников, но вернуться обратно без посторонней помощи или выполнения особых условий невозможно.

Еще одно интересное магическое свойство воды было обнаружено нами в волшебной сказке «Аталары ёксюз кызыларына не этди, ёксюз эгечле да бир-бирлерине не этдиле» – «Как поступил отец со своими дочерьми-сиротами и как поступили друг с другом сестры-сироты» [МХЖ 1963: 138–147]. Здесь она выступает в качестве трансформатора пространства. В тексте говорится о некоем таинственном озере: «... если из этого озера принеся воду, затем установив в четырех местах четыре столба, побрызгать на них той водой, как сам мечтаешь, из сапфиров, жемчугов дома / дворцы выстроятся» [МХЖ 1963: 142]. В полном соответствии со сказочными традициями добывание этой воды связано с опасностями, преодолеть которые герою помогают помощники (мудрые старики и богатырский конь).

Таким образом, в результате проведенного исследования выявлено, что в карачаево-балкарских волшебных и волшебнo-героических сказках спектр применения воды как средства магического воздействия довольно широк и включает как универсальные ипостаси данного ресурса, так и специфические свойства (от средств исцеления / оживления до трансформации пространства). Можно констатировать, что особенности функционирования воды как чудесной предметной реальности в значительной мере обусловлены влиянием древних религиозно-мифологических и магических воззрений, обрядов и культов народа-создателя, а также связаны с комплексом его морально-этических понятий, представлениями о добре и зле, обязательной установкой волшебной сказки на торжество справедливости. Полученные в ходе исследования результаты дополняют систему чудесных предметных реалий карачаево-балкарской волшебной сказки и в будущем могут найти применение при подготовке научных работ сравнительно-сопоставительного характера с привлечением фольклорного материала разных народов, что позволит лучше выявить их этноспецифику и универсализм.

Список источников и литературы

АНТЖЖЭ 1997 – Алгышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле...: къарачай-малкъар фольклор жыйымдыкъ / жарашдыргъанла Биттирланы Т.Ш., Габаланы А.Б. Нальчик: Эльбрус, 1997. 344 б. (Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки...: хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору / сост. Т.Ш. Биттирова, А.Б. Габаева. Нальчик: Эльбрус, 1997. 344 с.).

БКС 1983 – Балкарские и карачаевские сказки / обраб. А. Алиевой, А. Холаева. М.: Дет. лит., 1983. 112 с.

Борджанова 2007 – Борджанова Т.Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 2007. 182 с.

Добровольская 2009 – Добровольская В.Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2009. 224 с.

Егорова 2019 – Егорова О.А. Специфика функционирования воды как магического средства в волшебных сказках // Филологический аспект. 2019. № 5 (49). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/spetsifika-funktsionirovaniya-vody-kak-magicheskogo-sredstva-v-volshebnykh-skazkakh.html> (дата обращения: 25.10.2024).

КъМФ 1987 – Къарачай-малкъар фольклор: нарт таурухла, айтыула, хапарла, джомакъла / джыйгъан, джарашдыргъан, ал сёзюн эмда эгертиулени джазгъан Ортабайланы Р.А.-К. Черкесск: Ставрополь китаб басманы Къарачай-Черкес бёлюму, 1987. 344 б. (Карачаево-балкарский фольклор: нарские сказания, легенды, новеллы, сказки / сост., вступ. ст., коммент. Р.А. Ортабаевой. Черкесск: Карач.-Черкес. отд-ние Ставроп. кн. изд-ва, 1987. 344 с.).

КъМФ 1996 – Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан, ал сёзюн жазгъан Хаджиланы Т.М. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

КЪМФС III 2017 – Кърачай-малкъар фольклорну своду. 3-чю том. Кърачай-малкъар жомакъ / жууаплы редактор Малкъондуланы Х.Х. Нальчик: РИА КЪМИЦ ГИИ-ни редакторлу-басма бѐломю, 2017. 990 б. (Свод карачаево-балкарского фольклора. Том 3. Карачаево-балкарская сказка / отв. ред. Х.Х. Малкондуев. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 990 с.). URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/3-Свод-карач-балк-фольк.pdf> (дата обращения: 20.09.2024).

КЪМФС IV 2020 – Кърачай-малкъар фольклорну своду. IV том. Кърачайлыланы бла малкъарлыланы жомакъ болмагъан, къара сѣз бла айтылгъан чыгъармачылыкълары. Нальчик: Принт Центр, 2020. 586 б. (Свод карачаево-балкарского фольклора. Т. IV. Несказочная проза карачаевцев и балкарцев. Нальчик: Принт Центр, 2020. 586 с.).

МЖНСЭ 1959 – Малкъар жомакъла, нарт сѣзле, элберле / жарашдыргъан А.Х. Соттаев. Нальчик: Къабарты-Малкъар китаб басмасы, 1959. 268 б. (Балкарские сказки, пословицы, загадки / сост. А.Х. Соттаев. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. 268 с.).

МХЖ 1963 – Малкъар халкъ жомакъла / жарашдыргъан С.А. Отаров. Нальчик: Къабарты-Малкъар китаб басмасы, 1963. 324 б. (Балкарские народные сказки / сост. С.А. Отаров. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1963. 324 с.).

МХЖ 1989 – Малкъар халкъ жомакъла / жыйгъан эм басмагъа жарашдыргъан З.М. Улаков. Нальчик: Эльбрус, 1989. 112 б. (Балкарские народные сказки / сост. З.М. Улаков. Нальчик: Эльбрус, 1989. 112 с.).

МХЖ 1992 – Малкъар халкъ жомакъла / жарашдыргъан Мотталаны С.М. Нальчик: Эльбрус, 1992. 188 б. (Балкарские народные сказки / сост. С.М. Моттаева. Нальчик: Эльбрус, 1992. 188 с.).

Пропп 2014 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки / сост., науч. ред., текстологический комментарий И.В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2014. 332 с.

Тайлор 1989 – *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 573 с.

Трессидер 2001 – *Трессидер Дж.* Словарь символов. М.: Фаир-пресс, 2001. 444 с.

Фрэзер 2006 – *Фрэзер Дж.Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: АСТ, 2006. 781 с.

References

Alg'yshla, nart taurukhla, zhomak'la, zhyrta, elberle... [Wishes, legends about narts, fairy-tales, songs, riddles...]: Readings on karachay-balkarian folklore / collected by T.Sh. Bittirova, A.B. Gabaeva. Nalchik: Elbrus, 1997. 344 p. (In Karachay-Balkarian)

Balkarskie i karachaevskie skazki [Balkarian and karachay fairy-tales] / edited by A. Alieva, A. Holaev. Moscow: Children's literature, 1983. 112 p. (In Russian)

BORDZHANOVA T.G. *Obriadovaia poeziia kalmykov (sistema zhanrov, poetika)* [The traditional poetry of the kalmyks: genre system and poetics]. Elista: Kalmyk publishing house, 2007. 182 p. (In Russian)

DOBROVOL'SKAYA V.E. *Predmetnye realii russkoj volshebnoj skazki* [Subject realities of the russian magical fairy-tale]. Moscow: State republican center of russian folklore, 2009. 224 p. (In Russian).

EGOROVA O.A. *Spetsifika funktsionirovaniya vody kak magicheskogo sredstva v volshebnykh skazkakh* [The specifics of the functioning of water as a magic tool in fairy-tales]. IN: *Filologicheskii aspekt* [Philological aspect]. 2019. № 5 (49). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/spetsifika-funktsionirovaniya-vody-kak-magicheskogo-sredstva-v-volshebnykh-skazkakh.html> (date of access: 25.10.2024). (In Russian)

K'arachaj-malk'ar fol'klor: nart taurukhla, ajtyula, haparla, dzhomak'la [Karachay-balkarian folklore: Nart tales, legends, short stories, fairy-tales] / compilation, introductory article, comments by R.A. Ortabaeva. Cherkessk: Karachay-Cherkessian branch of Stavropol book publishing house, 1987. 344 p. (In Karachay-Balkarian)

K'arachaj-malk'ar fol'klor [Karachay-balkarian folklore]: Readings / compilation, foreword by T.M. Hadzhieva. Nalchik: El-Fa, 1996. 592 p. (In Karachay-Balkarian)

K'arachaj-malk'ar fol'klornu svodu. 3-chyu tom. K'arachaj-malk'ar zhomak' [The set of karachay-balkarian folklore. Vol. 3. Karachay-balkarian fairy-tale] / Executive editor H.H. Malkonduev. Nalchik: Publishing department of IHR KBSC RAS, 2017. 990 p. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/3-Свод-карач-балк-фольк.pdf> (date of access: 20.09.2024). (In Karachay-Balkarian and in Russian)

K"arachaj-malk"ar fol'klornu svodu. 4 tom. K"arachajlylany bla malk"arlylany zhomak"bolmag"an, k"ara syoz bla ajtylg"an chyg"armachylyk"lary [The set of karachay-balkarian folklore. Vol. 4. Unfairytale prose of karachays and balkarians]. Nalchik: Print Center, 2020. 586 p. (In Karachay-Balkarian and in Russian)

Malk"ar zhomak"la, nart syozle, elberle [Balkarian fairy-tales, proverbs, riddles] / collected by A.H. Sottaev. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1959. 268 p. (In Balkarian)

Malk"ar halk" zhomak"la [Balkarian folk fairy-tales] / compiled by S.A. Otarov. Vol. II. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1963. 324 p. (In Balkarian)

Malk"ar halk" zhomak"la [Balkarian folk fairy-tales] / compiled by Z.M. Ulakov. Nalchik: Elbrus, 1989. 112 p. (In Balkarian)

Malk"ar halk" zhomak"la [Balkarian folk fairy-tales] / compiled by S.M. Mottaeva. Nalchik: Elbrus, 1992. 188 p. (In Balkarian)

PROPP V.YA. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Historical roots of magic fairy-tale] / compilation, scientific editing, textual commentary by I.V. Peshkov. Moscow: Labyrinth, 2014. 332 p. (In Russian)

TAILOR E.B. *Pervobytnaya kul'tura* [Primitive culture]. Moscow: Politizdat, 1989. 573 p. (In Russian)

TRESIDDER DZH. *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Moscow: Fair-Press, 2001. 444 p. (In Russian)

FREZER DZH.DZH. *Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii* [The golden bough: a study of magic and religion]. Moscow: AST, 2006. 781 p. (In Russian)

Информация об авторе

Ф.Х. Гулиева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора.

Information about the author

F.H. Gulieva – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Folklore.

Статья поступила в редакцию 30.11.2024; одобрена после рецензирования 10.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 30.11.2024; approved after reviewing 10.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Научная статья
УДК 398 (470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-114-122

СИМВОЛИКА ВОЛОС В ЭПОСЕ АДЫГОВ (на примере образа Гуашагаг)

Лиана Славовна Хагожеева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, liana1771@mail.ru., <https://orcid.org/0000-0003-1811-5183>

© Л.С. Хагожеева, 2024

Аннотация. В статье рассматриваются художественные формы и способы отражения символики волос в историко-героическом эпосе адыгов. Исследование проводится на примере анализа образа княгини Гуашагаг в соотношении с аналогичными образами во многих культурных традициях. Цель работы – выявление древних взглядов, которые связаны с символической знаковостью волос и их связь с мотивами позднего происхождения. В связи с этим, устанавливается связь в едином повествовании идеи высокого божественного начала с идеями нравственно-моральных и этикетных норм в создании образа названной героини. Так, отмечается, что образ Гуашагаг содержит сакральные основы, указывающие на ее божественную природу, и на то, что данный персонаж является носителем эстетических и этических ценностей традиционного феодального адыгского общества. Основное внимание в статье уделяется системе духовных ценностей, связанных с идеалом семейной идиллии, женской верности, мудрости и остроты ума. Таким образом, делается вывод, что при создании данного образа задействованы мотивы как архаические, так и позднего происхождения. Важным итогом проведенного анализа является признание того, что символика волос сформировалась в глубокой древности; в историко-героическом же эпосе она реализуется как средство художественной выразительности.

Основные принципы исследования опираются на положения зарубежных, отечественных и адыгских исследователей, рассматривавших данную проблему под разными углами. Актуальность выбранной темы состоит в попытке выявления уникальности проявления символа волос в системе адыгского историко-героического эпоса. Анализ проводится с использованием структурно-сопоставительного и культурологического метода. Практическая значимость работы состоит в том, что данная статья может стать небольшим дополнением для более полного представления о знаковой системе адыгского фольклора.

Ключевые слова: мифологические представления, историко-героический эпос, песни, предания, художественные формы и способы объективации, символы и знаки, волосы, мифические богини, Малечипх, Гуашагаг

Для цитирования: Хагожеева Л.С. Символика волос в эпосе адыгов (на примере образа Гуашагаг) // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-2 (63). С. 114–122. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-114-122

Original article

HAIR SYMBOLISM IN THE ADYGHE EPIC (USING THE EXAMPLE OF THE IMAGE OF GUASHAGAG)

Liana S. Khagozheeva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of

the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, liana1771@mail.ru., <https://orcid.org/0000-0003-1811-5183>

© L.S. Khagozheeva, 2024

Abstract. The article examines artistic forms and ways of reflecting the symbolism of hair in the historical and heroic epic of the Circassians. The study is carried out using the example of analyzing the image of Princess Guashagag in correlation with similar images in many cultural traditions. The purpose of the work is to identify ancient views that are associated with the symbolic significance of hair and their connection with motifs of late origin. In this regard, the connection is established in a single narrative of the idea of a high divine principle with the ideas of moral and etiquette norms in creating the image of the named heroine. Thus, it is noted that the image of Guashagag contains sacred foundations indicating its divine nature, and that this character is a bearer of aesthetic and ethical values of the traditional feudal Adyghe society. The main attention in the article is paid to the system of spiritual values associated with the ideal of family idyll, female fidelity, wisdom and sharpness of mind. Thus, it is concluded that both archaic and late motives are involved in the creation of this image. An important result of the analysis is the recognition that the symbolism of hair was formed in ancient times; in the historical and heroic epic, it is realized as a means of artistic expression.

The basic principles of the study are based on the positions of foreign, domestic and Adyghe researchers who have considered this problem from different angles. The relevance of the chosen topic consists in an attempt to identify the uniqueness of the manifestation of the hair symbol in the system of the Adyghe historical and heroic epic. The analysis is carried out using a structural-comparative and culturological method. The practical significance of the work lies in the fact that this article can be a small addition for a more complete understanding of the iconic system of Adyghe folklore.

Keywords: mythological representations, historical and heroic epic, songs, legends, artistic forms and methods of objectification, symbols and signs, hair, mythical goddesses, Malechiph, Gouashagag

For citation: Khagozheeva L.S. Hair symbolism in the Adyghe epic (using the example of the image of Guashagag). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 4-2 (63): 114–122. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-114-122

Как известно образ Гуашагаг неоднократно становился объектом пристального изучения адыгских ученых. Однако, несмотря на это, некоторые особенности этого персонажа до сих пор остаются малоисследованными. В частности, нет работ, в которых раскрыты символы, характеризующие ее образ. Как показывает анализ материала, среди них особое место занимают символы, описывающие красоту героини. В этом плане наше внимание привлекает символика волос героини, уходящая своими корнями в глубокую древность. Эта особенность, в ряду с другими, позволяет установить, что в образе Гуашагаг, одного из типичных персонажей позднего эпоса, сохранились сакральные черты героев архаического эпоса, и они во многом определяют ее суть и природу. Чтобы выявить такие древние корни, мы сделали попытку определить истоки, функции и роль архаичного символа в создании образа героини в едином повествовании с мотивами более позднего происхождения.

Изучение адыгского фольклора в плане определения места женщины в традиционном обществе показывает ее высокий статус. В мифологических представлениях четко просматривается связь образа женщины с божественной силой, и этот мотив находит отражение во всех жанрах фольклора. В мифопоэтических представлениях мировое древо – образ, воплощающий универсальную концепцию мира. Вертикальная структура пространства подчеркивается отнесением каждой части дерева к трем мирам – верхнему (ветки), среднему (ствол) и нижнему (его корни). Образ *Жыг-Гуашэ* (Дерево-Богиня) – в адыгской мифологии выступает вариантом мирового древа и дерева познания. Она становится воплощением женского образа, делит космическое пространство по горизонтали и вертикали. «*И лъабжьэр кууэ цылым хэту, и цхьэцыр пшэм хуэдэу уэгум иту, и лутыр цылухуэу, и нэгур*

дахэм я нэхь дахэу, дыщэмрэ дыжынымрэ кыыхэццЫкЛауэ. – Нижняя часть глубоко в земле, а верх – это волосы, поднявшиеся в небо, словно облака, руки – человеческие, лицо – самое прекрасное из прекрасных, из золота и серебра отлитое» [Нарты I 2012: С. 117, 119]. Дерево-Богиня является воплощением женской чистоты и красоты. Кроме того, охватывая все три космические зоны, она обладает высокими знаниями всех трех миров. Как видим, через образ Дерева-Богини передается вера в божественную женскую силу. Образ героини из другого древнего сказания, ЩхьэццЫццэ-дахэ – Черноволосой Красавицы, тоже наделяется божественной женской природой, которая передается через магию длинных черных волос. «...и нэхлум кыырих нурым мазэм хуэдэу жэщыр егъэнэхур, и щхьэцц фЫццлэр и гунэмкцэ кыыридзыхым махуэр жэщыым хуэдэу кЫфцц ещцлэр – свет от ее лица, как луна освещает ночь, а когда она перебрасывает свои черные волосы наперед, день становится ночью [Нарты 1974: 113, 118]. Соответственно, волосы Черноволосой Красавицы – олицетворение ночи и обладают магической силой связанной с небесными светилами. Как видим, сакральное начало в образе актуализируется через магию волос женских персонажей. Здесь каждый женский образ уникален и выражает особенности древнего мышления. А в эпосе эта мифологическая характеристика в женском образе выступает регулятором высоких моральных ценностей функционирующего общества. Так, сакральная основа, связанная с длинными волосами Гуашагаг, доходящими до пяток, стала одной из ее особенностей. В сочетании с идеальным знанием и соблюдением тонкостей этикетной системы и олицетворением женской верности, эта особенность стала символом ее уникальности и катализатором общественных нравственных норм того периода, в котором создавался весь цикл.

Чтобы доказать данную версию, обратимся к художественной характеристике волос этого прекрасного персонажа. В ряде вариантов песни и предания о Каншоби и Гуашагаг устойчиво подчеркивается, что ее волосы длинные и доходят до пяток, и что они золотистого цвета:

Данагъуэурэ, уо-о, си щхьэццыгъуэишхуэр,

Лъэдакъэтитцмэ нызэдэтоуэ –

Золотисто-шелковые, уо-о, мои длинные волосы

На две пятки ниспадают (*перевод – наши*)

[ФАИГИКБНЦРАН. Инв. № 687-ф/7, кас. 292; инв. № 505-ф/1, кас. 334; инв. № 646-ф/29, кас. 914 и др.].

Обладание длинных чудесных локонов здесь не случайно. Как известно, вместилищем души представлялись разные части тела человека или животных, или же различные предметы [Ципинов 2012: 191]. Сюда входят и волосы на голове и на теле человека. Ранее В.Я. Пропп писал, что «волосы считались местонахождением души или магической силы» [Пропп 1986: 136]. Исходя из таких суждений «считается, что волосы – символ жизненной силы человека, и что в них сосредоточены все его добродетели» [Кагаров 1913: 58-59]. Данное мифологическое представление закрепилось в фольклоре многих народов. Например, согласно еврейской легенде о Самсоне, герой был наделяется божественной силой, заложенной в его волосах. По отношению к нему стоял запрет на удаление волос. Если отрезать волосы, он потеряет силу. Самсон представлен героем-освободителем угнетенного еврейского народа. Однако он влюбляется в филистимлянку – девушку из народа, с которым он враждует. Ее соплеменники уговаривают девушку на предательство ради денег, и она разведывает тайну волос своего возлюбленного. Так, ему отрезают волосы, и он теряет свою чудодейственную силу. Таким образом, враги расправились с Самсоном [Мифы... 1980, 1982]. Связь физической силы или сверхъестественных способностей героя с волосами – мировая

мифо-фольклорная универсалия. На фоне этого в приметах появляется запрет стричь волосы в определенные дни или в определенное время суток и при определенных ситуациях. Пережитками данного суеверия в современном обществе можно считать запрет стричь волосы женщинам во время беременности. Также мотив волос представлен и в сказках как вместилище души. Например, в богатырской сказке «Три Магамета» когда герою отрезают волосы, он погибает [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 1037]. Образ военного атрибута – клочка волос (*акIэ*) на голове или просто волос, который встает и поднимает шапку богатыря в состоянии гнева, выступает в эпосе как показатель силы и мужества, а также как двойник его обладателя. Такой художественный прием применяется и к усам эпических героев. Так, встречается описание того, как усы богатыря грозно взъерошиваются, когда их обладатель в гнев. Всадник Дзахуш, оскорбившись преимуществом силы нартского старика, которым потом оказался бог-демиург Тхагаледж, «разневался, глаза его засверкали звездами, *усы встопорицились...* (къэгубжьаш, и нитIыр вагъуэу къылыдыкIаш, и *пащIэкIитIым зырасэри...*)» [Нарты I 2012: 110, 111]. В цикле сказаний об Андемиркане в сюжете его встречи с князем-противником, от гнева у него волосы на голове поднимают шапку. А в одном из вариантов сказания так и говорится, что «когда он (Андемиркан) сердился, *его волосы становились дыбом и поднимали его шапку* – (ар къэгубжьам и *щхъэцым зыкъырисэти, пыIэр къыIэтырт)*» [Адыгские... 2019: 283, 284]. В предании о двух братьях Ешаноко Жанакету не давала покоя весть о славе и мужестве братьев. Он приехал к ним и породнился с ними клятвой дружбы. Жанакет был в плохих отношениях с князьями. На одном из праздников собрались все князя Кабарды. Жанакет задумывает угнать их лошадей вместе с братьями Ешаноко. Он прикинулся бродягой и зашел в комнату, где они сидят. Когда кто-то из князей приказал выгнать бродягу, от гнева волосы на его голове встали дыбом и подняли шапку [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Кол. 663-ф/28, кас. 528].

Помимо этого, образ золотых волос или золотых усов в эпосе также акцентирует уникальность героя и его приближенность к небесам, заодно он становится художественным средством идеализации главного героя. В качестве примера можно привести песню историко-героического эпоса:

*(Рэ-ией, маржэ) ныдоIэбейр,
(уэр) и щхъэцыгъуэишхуэри (тIэ) къречыж (жи),
(Уей, маржэ) йоIэбыхыжыр,
(уэр) и куафэишхуитIри (тIэ) къречыж (жи) –*

*(Ра-ией, маржа) руки подняв, [она]
(уар) свои золотые волосы длинные (та) рвет (жи),
(Уей, маржа) руки опустив, [она]
(уар) свои бедра большие (та) щиплет (жи)
[НПИИНА III-2 1990: 138, 140].*

Употребление их в эпическом контексте также позволяет создать контрастные образы и идентифицировать его в оппозиции «свой/чужой»:

*Дыщэ мыгъуэр зи пащIэкIитIым
щIы фIыцIэр къырагъэгъуэт,
щуIэгъэкIэ дызыгъуэтыжыр
дырагунэ пащIэц. –*

*Золотосуе храбрецы
заброшены черной землей,*

Нас же берут в наложницы
усатые драгуны
[АПВКВ 2014: 149].

Важно отметить, что цветовая символика содержит сакральную идею, поэто-му значительную роль имеет и цвет волос. Как мы знаем, темные волосы соотно-сятся с земным миром, а золотистые с небесным. Так, в мифологических пред-ставлениях «белый, желтый, и его цветообозначение золото/золотистый, красный/рыжий/огненный», как известно, олицетворяется с солярной атрибутикой и оце-нивается всегда положительно. Именно поэтому многие божества адыгского пан-теона (Амыш, Тхагаледж, Тлепш, Пшимазитха, и др.), герои (Сосруко, Бадинок и др.) и героини (Акуанда, Малечипх и др.) нартского эпоса, и историко-героиче-ского эпоса (белолицы с желто-шелковыми волосами, златоусые и т.д.) представ-ляют символы данного порядка. Так, подтверждается, что золотые волосы Гуаша-гаг – особое качество, означающее ее исключительные свойства.

Таким образом, первичные символы и образы, закрепленные в символах во-лос, сохранились в народном сознании и находят выражение в адыгском фоль-клоре, в частности, в образе Гуашагаг. Очевидно, что это вера в ее магическую силу и в ее неземное происхождение. Это в очередной раз доказывает, что дан-ный персонаж стоит в одном ряду с древними персонажами, имеющими са-кральную природу.

В связи с этим, стоит обратить внимание на важную особенность образа Гуа-шагаг. В ряде вариантов предания о Каншоби и Гуашагаг говорится, что героиня является также редкой обладательницей одной длинной волосинки, в других ва-риантах двух или трех волосинок, на груди, который был любимой забавой для Каншоби. Во многих случаях подмену супруги он узнает по отсутствию данно-го элемента на теле женщины. Таким образом, народное сознание ярко выражает магическую особенность героини и выделяет ее среди остальных. Так как «в пер-вобытной магии волосы рассматривались как могущественные талисманы, как двойник (заместитель) человека» [Маковский 1996: 404], этот необычный волос на теле Гуашагаг выступает как ее субститут. Примечательно, что здесь симво-лика цвета играет свою важную роль. В одном из вариантов преданий отмечено, что на теле Гуашагаг росли две длинные волосинки, один волос был белого цвета, другой красного [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 601-ф/16, кас. 644]. Исходя из вы-шесказанного, белый волос здесь олицетворяет мудрость и ум женщины, а крас-ный отождествляется с огнем, сверкание которого соотносится с золотом, солнеч-ными лучами, что в свою очередь является признаком избранности.

Помимо этого, образ Гуашагаг выделяется художественным приемом чудес-ного рождения, также связанный с мотивом волос. Он широко распространен в фольклоре многих народов. В одном из записей адыгского писателя Камбиева Джафара, информант сообщает, что Гуашагаг при рождении была вся обвита во-лосами. К сожалению, этот материал не был предоставлен в архив ИГИ КБНЦ РАН, и мы вынуждены сослаться на устную информацию. Данное сообщение мы привели, в целях подтверждения факта, что символика волос занимает всесторон-нюю и ведущую роль в строении образа Гуашагаг.

В данном случае уместно вспомнить про уникальность волос Малечипх, од-ной из героинь архаического нартского эпоса. Отметим, что в создании данного образа тоже первостепенную роль играет мотив волос. В варианте сказаний одна коса у Малечипх с красно-золотым отливом, другая с бело-золотым отливом [Нарты 1974: 405]. В другом варианте у нее «половина головы красная, как <пышущий> жар, половина головы белая, как снег» (Перевод – А.М. Гугова) [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 663-ф/6, 7]. Белая половина головы ассоциируется с мудростью, а красная с жизненной силой и божественностью.

Магические свойства волос Малечипх напоминает некоторое сходство с героиней сказки «Рапунцель» (англ. от нем. Rapunzel). Рапунцель – заключенная в башне принцесса с длинными золотистыми волосами, которые светятся и имеют волшебную силу исцелять людей и омолаживать. Сказка была записана братьями Гримм. В системе классификации народных сказок Аарне-Томпсона этот сюжет имеет номер 310: «Дева в башне» [Thompson S 1961]. По Фрейзеру этот мотив сопоставляется с мотивом изоляции девушек во время месячных очищений [Фрейзер 1980: 563]. В.Я. Пропп и Фрейзер указывают, что эти девушки относятся к «избранным». Эта «избранность» состоит в магической силе их волос. Поэтому они заточены в башне и им запрещено стричь волосы, так как это может привести к потере их волшебной силы [Пропп 1986: 136; Фрейзер 1980: 563]. Например, когда отрезали косу у Рапунцель, золотой окрас ее волос сразу поменялся на темный, и они потеряли свою чудодейственную силу (см. ст. Хагожеевой Л.С. Архаические мотивы в цикле Малечипх // Вестник КБИГИ. 2020. № 2 (45). С. 124–132).

Схожие образы мы находим в мифических воззрениях разных народов. Например, в мифологии литовцев богиня-покровительница – Дейве, в древнегреческой мифологии – богиня Афина, в валлийской – озерные девы гуараггеданнон, в германо-скандинавской – богиня плодородия Сиф. Символом славянского бога Велеса является колос, который олицетворяет девичьи косы. К тому же, интересно, что одна из них, абхазская златокудрая Дзыдзлан, была богиней, которой молодые девушки поклонялись в надежде обрести супруга [Мифы... 1980, 1982]. Считаем неслучайным, что общей мифологической особенностью этих богинь и наших героинь эпоса является обладание волшебными длинными волосами золотистого цвета. А общей духовно-философской идеей является – мудрость, женская хитрость, тяга к справедливости, воинственность и плодовитость. Золотые волосы олицетворяют их божественное начало, женскую магическую силу и мудрость. А свойства характера воинственных богинь объединяет и образы самих Малечипх и Гушагаг, которые сражаются за справедливость и сохранение своей семьи, тем самым олицетворяя семейную идиллию и супружескую верность. Таким образом, мотив волос в образе эпических героинь обозначает совокупность божественных признаков и нравственных качеств. Малечипх остается невестой для нареченного мужа, и отклоняет всех женихов, и в супружеской жизни эта верность в ней сохраняется и крепнет. Она становится второй половиной для своего мужа, способна понимать мужа и распознать все его знаки. Гушагаг до последних дней сохраняет верность своему возлюбленному, и отказывается выходить замуж за другого. В одних вариантах она всю свою жизнь мучается в ожидании возвращения любимого [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 668-ф/1, кас. 276 и др.], в других отправляется на поиски своего мужа и заканчивает жизнь самоубийством, чтобы не подчиняться воле своего брата, который хотел вернуть ее и выдать замуж за другого [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 666-ф/3, кас. 266]. В единичном случае, она на чужбине находит своего Каншоби, и остается жить с ним и его второй женой кумычкой, которая вылечила его от ужасной болезни [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Инв. 646-ф/16, кас. 901 переход на инв. 646-ф/17, кас. 902].

Мы видим, что архаическая уникальность героини, связанная с божественной силой в позднем эпосе переплетается с мотивами позднего происхождения, выражающими нравственные и интеллектуальные идеи. На фоне этого процесса фантастические черты образа переформируются в более приземленные качества. По этому поводу А.М. Гутов пишет: «представления об эпическом идеале со временем эволюционируют и на завершающей стадии дают образ героя, обладающего только человеческими – в рациональном смысле слова – чертами: силой, мужеством и что немаловажно, рыцарским благородством» [Гутов 2009: 45]. То есть, с развитием мышления народа и сменой запросов нового времени, меняются и приоритеты общества. С этим связано присвоение знания и соблюдения

принципов этикетных правил эпических Малечипх и Гуашагаг уже с раннего детства, что выгодно выделяло их среди сверстников. В связи с этим, система духовных ценностей, выраженных в цикле Малечипх отражает стереотипы народного мышления, связанные с чертами идеальной жены и женской порядочности. Эти потребности общества во многом определяют задачу героини эпоса. Так, специфическая уникальность Малечипх связанная с ее маленьким ростом является символом ее острого ума. Эта черта в сочетании с умением говорить афористическими фразами, знанием тонкостей адыгского этикета, подчеркивает ее интеллектуальные способности и является олицетворением женского остроумия и хитрости. Кроме того, способность быть опорой для своего мужа и понимать его с полуслова сделала образ показателем женской верности и любви. А в вариантах преданий о Каншоби и Гуашагаг, этот мотив становится сюжетообразующим. Каншоби во многом обольщают эти добродетели в героине, и впоследствии, она становится его супругой. В одном из преданий Каншоби приезжает в Кабарду за новыми знаниями, с целью познания норм и правил адыгского этикета. В одном из вечерних посиделок с князьями он встречает воспитанную и добропорядочную Гуашагаг и задумывает на ней жениться. Но, так как его социальное положение не давало ему шансов на сватовство, тот решается украсть ее [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 2288/3, кас. 559; инв. № 601-ф/16, кас. 644 и т.д.]. В другом варианте Каншоби, по старинному обычаю, который еще бытовал в те времена (согласно рассказу информанта), приезжает к старому другу своего покойного отца, чтобы тот вместо него дал ему сопутствующие советы по жизни, остается жить у него какое-то время. У старика были две дочери. Каншоби влюбляется в добрый нрав красавицы Гуашагаг, которая отличалась от своей сестры порядочностью и этикетными знаниями. Девушка отвечает ему взаимностью, и он похищает ее. Когда отец Гуашагаг узнает, что жених это Каншоби, он дает согласие на замужество [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 666-ф/3, кас. 266]. В другом предании весть о воспитании Гуашагаг в духе этикетных правил дошла до Каншоби и он твердо задумывает, во что бы то ни стало сделать ее своей женой. Однако он побоялся, что за нее могут назвать большой калым, который он не сможет осилить и будет опозоренным. Тогда он нанимается к ним во двор конюхом, чтобы найти какую-то возможность жениться на Гуашагаг. За время пребывания в доме Кашоби приглянулся и Гуашагаг и тогда с согласия самой девушки он крадет ее [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Инв. 646-ф/16, кас. 901 переход на инв. № 646-ф/17, кас. 902]. В следующем варианте предания Каншоби в одном из походов встречает у дороги группу маленьких девочек. Одна из них помочилась прямо на дороге, по которой едут всадники. Другая выбежала туда, и присыпала постыдное место пылью. Увидев это, мужчина был поражен воспитанностью ребенка и, понимая, что из нее выйдет порядочная супруга, узнает, кто она и из какого рода, чтобы сделать ее своей женой по совершеннолетию. Этой девочкой была Гуашагаг. Как и предполагалось, из нее вышла благочестивая девушка с этикетными принципами, и у нее появилось много женихов. Тогда Гуашагаг устраивает испытание для них. Каншоби достойно проходит его, тем самым завоевывает сердце девушки. После этого они становятся супругами [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 668-ф/1, кас. 276].

Таким образом, символ волос в образе Гуашагаг отождествляется с образами мифических богинь, характерной особенностью которых является ум, мудрость, и воинственная тяга к справедливости. Эта общая черта с другой стороны стала обозначать и главный символический портрет героини – непорочную женскую чистоту, верность и благонравность. Кроме того, это еще и знаковое оружие Гуашагаг, закрывшей своими длинными волосами обнаженное тело перед Каншоби. Когда он попросил ее пройти перед ним нагой, в надежде, что это отвратит его от тяги к ней, чтобы вынужденное расставание с любимой не было столь горестным, Гуашагаг, не имея возможности послушаться мужа, выкинула волосы вперед

и закрыла свое тело, когда шла к нему лицом, затем закинула их назад, когда пошла спиной [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 687-ф./5, кас. 290; инв. № 687-ф./6, кас. 291 и др.]. Здесь уместно провести параллель с исландской златовласой Хельгой, волосы которой были настолько длинные, что они закрывали все ее тело. По характеру она спокойна и благосклонна, хотя и является богиней смерти. Даже в подземном мире она учредила порядок, покой и красоту. Можно считать, что во многом эти добродетели импонируют женщине для создания и сохранения семейной идиллии и вплетены в образ Гуашага.

Таким образом, мы приходим к выводу, что мотивы, возникшие на базе ценностей позднего эпоса в сочетании с архаическими элементами, служат своего рода строительным материалом для формирования ряда героев эпоса, в частности женских образов. Так, древняя мифологическая основа, связанная с символом волос, подчеркивает сакральную природу ее обладательницы и во многом определяет суть сложившихся в традиционном обществе стереотипов. В художественном тексте эпоса они образуют органически единое сочетание. Этим определяется главная особенность и уникальность образа самой Гуашаг.

Список источников и литературы

АПВКВ 2014 – Адыгские песни времен кавказской войны. Изд. второе дополненное / под общ. ред. В.Х. Кажарова. Нальчик: «Печатный двор», 2014. 656 с.

Гутов 2009 – *Гутов А.М.* Народный эпос: традиция и современность. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. 228 с.

Кагаров 1913 – *Кагаров Е.Г.* Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб.: Сенатская типография, 1913. 326 с.

Маковский 1996 – *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996. 430 с.

Мифы... 1980, 1982 – Мифы народов мира. Энциклопедия: в двух томах / гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Сов. энциклопедия, Т. 1: 1980. 671 с.; Т. 2: 1982. 719 с.

Нарты 1974 – Нарты. Адыгский героический эпос / сост. А.И. Алиева, А.М. Гадагатль, З.П. Кардангушев. М.: Наука, 1974. 415 с.

Нарты I 2012 – Нарты. Адыгский эпос. Ранние циклы эпоса. Сосруко / сост., перев., коммент. Бухурова М.Ф., Гутова А.М., Налоева З.М., Табишева М.А., под. общ. ред. А.М. Гутова. – Нальчик: «Телеграф», Т. 1. 2012. 423 с.

НПШИНА III-2 1990 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. В 4 томах / сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев; под общ. ред. Е.В. Гиппиуса. Т III. Ч. 2. М.: Сов. Композитор, 1990. 485 с.

Пропп 1986 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 365 с.

ФА ИГИ КБНЦ РАН – Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Фрейзер 1980 – *Фрейзер Дж.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии / пер. с англ. М.К. Рыклина. М.: Политиздат, 1980. 528 с.

Ципинов 2012 – *Ципинов И.А.* Феномен уязвимости как элемент образостроения персонажей мифо-эпической традиции адыгов // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. № 1 (45). 2012. С. 191–196.

Thompson 1961 – *Thompson S.* The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. 588 p.

References

Adygskie istoriko-geroicheskie pesni i predaniya. Tom pervyj. Andemirkan [Adyghe historical and heroic songs and legends. Volume one. Andemirkan] / comp., transl., comment. Bukhurova M.F., Gutova A.M., Khagozheyeva L.S. Under. total ed. A.M. Gutov. Nalchik: Editorial and publishing department 2019. 430 p. (In Adyghe and in Russian)

Adygskie pesni vremen kavkazskoj vojny [Adyghe songs of the times of the Caucasian war]. Ed. second augmented. Under total. ed. V.Kh. Kazharova. Nalchik: «Printing House», 2014. 656 p. (In Adyghe and in Russian)

GUTOV A.M. *Narodnyy epos: traditsiya i sovremennost'* [Folk epic: tradition and modernity]. Naichik: KBIGI publishing house, 2009. 228 p.

KAGAROV E.G. *Kul't fetishej, rastenij i zhivotnyh v Drevnej Grecii* [The cult of fetishes, plants and animals in ancient Greece]. SPb.: Senate Printing House, 1913. 326 p.

MAKOVSKY M.M. *Sravnitel'nyy slovar' mifologicheskoy simboliki v indoyevropeyskikh yazykakh: obraz mira i miry obrazov* [Comparative dictionary of mythological symbolism in indo-european languages: image of the world and worlds of images]. Moscow, 1996. 430 p.

Mify narodov mira. Enciklopediya: v dvuh tomah [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in two volumes]. Ch. ed. S.A. Tokarev. Moscow: Sov. encyclopedia, T. 1: 1980. 671 p.; T. 2: 1982. 719 p. (In Russian)

Narty. Adygskiy geroicheskiy epos [Narts. Adyghe heroic epic]. Comp. A.I. Alieva, A.M. Gadagatl, Z.P. Kardangushev. – Moscow: Nauka, 1974. 415 p. (In Adyghe and in Russian)

Narty. Adygskiy epos. Rannie cikly eposa. Sosruko [Narts. Adyg epic. Early cycles of the epic. Sosruko] / comp., transl., comment. Bukhurova M.F., Gutova A.M., Naloeva Z.M., Tabisheva M.A. Under. total ed. A.M. Gutov. – Nalchik: “Telegraph”, T. 1. 2012. 423 p. (In Adyghe and in Russian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. In 4 volumes / compilers V.H. Baragunov, Z.P. Kardangushev; edited by E.V. Gippius. Vol. 3. Ch. 2. Moscow: Soviet composer, 1990. 485 p. (In Adyghe and in Russian)

PROPP V.YA. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [The historical roots of fairy-tale]. Leningrad: Publishing house of Leningrad state university, 1986. 365 p. (In Russian)

FA IGI KBNTS RAN – *Fonoarhiv Instituta gumanitarnyh issledovanij Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Phonoarchive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]

FRASER J. *Zolotaya vetv'. Issiedovaniye magii I religii* [Golden branch. Study of magic and religion] / Translation from English by M.K. Ryklin. Moskow: Politizdat, 1980. 528 p. (In Russian)

TSIPINOV I.A. *Fenomen uyazvimosti kak element obrazostroyeniya personazhey mifoepicheskoy traditsii adygov* [The phenomenon of vulnerability as an element of image-building of characters in the mythical-epic tradition of the Circassians] *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. No. 1 (45). 2012. P. 191–196.

THOMPSON S. *The types of the folktale. A classification and bibliography*. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. 588 p. (In English)

Информация об авторе

Л.С. Хагожева – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

L.S. Khagozheeva – Candidate of Science (Philology), Researcher of the Sector of Adyghe Folklore.

Статья поступила в редакцию 06.11.2024; одобрена после рецензирования 30.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 06.11.2024; approved after reviewing 30.11.2024; accepted for publication 25.12.2024.

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-123-132

ВОСПОМИНАНИЯ БЕТАЛА КАЛМЫКОВА О ЗОЛЬСКОМ ВОССТАНИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОЧНИКА

Дмитрий Николаевич Прасолов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dmprasolov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0026-1262>

© Д.Н. Прасолов, 2024

Аннотация. Воспоминания Бетала Калмыкова стали одним из определяющих источников, на основе которых в советской историографии интерпретировались события Зольского восстания 1913 г. – крупнейшего проявления социального протеста в Нальчикском округе в начале XX в. Самим автором данный нарратив формировался в несколько этапов: от публикации первого варианта в «Очерках революционной борьбы в Кабарде» 1921 г. до записей воспоминаний Б. Калмыкова советским писателем Н. Тихоновым в 1936 г. За это время сюжетная линия пополнилась новыми обстоятельствами, фактами и персонажами, причастными, по версии автора, к событиям «начала революционной истории Кабарды». С 1957 г., после реабилитации расстрелянного в 1940 г. Б. Калмыкова, его воспоминания начали переиздаваться с некоторыми фактологическими уточнениями и правками редактора, исправившими «ошибки памяти» первоисточника, и в этом виде стали «мифом основания» в истории советской Кабардино-Балкарии. На основе сравнения с административно-полицейским делопроизводством расследования обстоятельств аграрных волнений, сформулирован вывод о репрезентативности мемуаров Б. Калмыкова для изучения протестных событий на Зольских пастбищах в конце мая – начале июня 1913 г.

Ключевые слова: кабардинцы, Нальчикский округ, Бетал Калмыков, Зольское восстание, социальный протест, историческая политика

Для цитирования: Прасолов Д.Н. Воспоминания Бетала Калмыкова о Зольском восстании: эволюция источника // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-2 (63). С. 123–132. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-123-132

Original article

BETAL KALMYKOV'S MEMOIRS OF THE ZOLKA UPRISING: EVOLUTION OF THE SOURCE

Dmitry N. Prasolov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dmprasolov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0026-1262>

© D.N. Prasolov, 2024

Abstract. Memoirs of Betal Kalmykov became one of the defining sources based on which Soviet historiography interpreted the events of the Zolsk uprising of 1913. – This was the largest manifestation of social protest in the Nalchik district in the early twentieth century. The author himself formed this narrative in several stages: from the publication of the first version in “Sketches of the revolutionary struggle in Kabarda” in 1921 to the records of B. Kalmykov’s memoirs by the Soviet writer N. Tikhonov in 1936. During this time, the storyline was enriched with new circumstances, facts and characters involved, according to the author’s version, in the events of “the beginning of the revolutionary history of Kabarda”. Since 1957, after the rehabilitation of B. Kalmykov, who was shot in 1940, his memoirs began to be republished with some factual clarifications and edits by the editor, correcting the “memory errors” of the original source, and in this form became a “foundation myth” in the history of Soviet Kabardino-Balkaria. Based on comparison with the administrative and police records of the investigation of the circumstances of agrarian unrest, a conclusion about the representativeness of B. Kalmykov’s memoirs for the study of the protest events in the Zolsky pastures in late May – early June 1913 is formulated.

Keywords: Kabardians, Nalchik District, Betal Kalmykov, Zolskoye uprising, social protest, historical policy

For citation: Prasolov D.N. Betal Kalmykov's memoirs of the Zolka uprising: evolution of the source. VestnikKBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 4-2 (63): 123–132. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-123-132

В конце мая – начале июня 1913 г. в Кабарде произошли массовые волнения, центральные события которых развернулись на Зольских пастбищах. Во всеподданнейшем отчете по гражданской части за 1913 г. начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска в числе «крупных проявлений преступности» особо отметил «беспорядки аграрного свойства, имевшие место в Нальчикском округе и возникшие среди некоторой части кабардинского населения». Протестные выступления случились «вследствие недовольства новыми правилами (утверждены Главкомандующим войсками Кавказского военного округа в феврале 1912 г.) пользования Зольскими пастбищами и подстрекательства некоторых злонамеренных лиц, заинтересованных в выгодном для них беспорядочном пользовании теми пастбищами на старых основаниях».

Краткое содержание «беспорядков» в официальной версии было представлено следующим образом: «толпа самоуправцев около 3000 чел. из селений Наурузово, Ашабово и Тамбиево 1-е, направлявшаяся на Золку с целью прогнать коневодов и потравить самые пастбища нарочито пригнанным скотом, отказалась подчиниться увещаниям и требованиям законной власти».

«Вследствие полученных сведений, что и остальное население Кабарды тоже готово присоединиться к бунтовщикам, мною, в предупреждение серьезных осложнений, были вызваны на место беспорядка некоторые воинские части, а также и льготные казаки из двух ближайших станиц. С приходом на место беспорядков войск и захватом зачинщиков, толпа успокоилась и разошлась. Всех главарей арестовано по данному делу 60 ч., которые и переданы в распоряжение судебной власти. Оружие употреблено в дело не было» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 14. Д. 104. Л. 3–4].

Восстанием Зольские события 1913 г. впервые были названы в брошюре Бетала Калмыкова «Очерки революционного движения в Кабарде». Они были изданы в 1921 г. к ноябрьскому «учредительному съезду Автономной Кабардинской области» и, по существу, являлись мемуарами первого руководителя советской Кабардино-Балкарии. В советской историографии этот источник признается первой работой о Зольском восстании [Цораев 1963: 6]. Полная верификация достоверности этого источника в отношении излагаемых исторических событий заслуживает специального исследования. В данной работе «Очерки...» представляют интерес как исходная версия интерпретации Б. Калмыковым событий Зольского восстания, поскольку с первого издания мемуары Б. Калмыкова стали определяющим

источником, по которому выстраивалась в дальнейшем историографическая картина зольских событий 1913 г. [Прасолов 2024]. В воспроизводимом фрагменте сохраняется фактология по изданию 1921 г.

Согласно источнику, поводом к массовым волнениям стали решения апрельского съезда доверенных 1912 г., где обманом «представителей трудящихся» сельских обществ убедили подписать новые правила пастбищного землепользования, «лишившие последних [пастбищных] земель» кабардинских крестьян.

«Через несколько дней после этого съезда мне с группой нескольких товарищей стали известны все подлоги выкручивающихся дворян и князей и мы приступили к разъяснению всего этого трудящимся. Скоро по всей Кабарде обман был раскрыт и среди крестьян пошло страшное возмущение, которое привело к апрельским событиям 1912 г.

В конце апреля 1912 г. около 10–12 тысяч кабардинских крестьян выехали на зольские пастбища, смяли охрану, выставленную захватчиками помещиками, избивали пристава, разогнали администрацию. Для подавления прибыли казачьи части. Восстание было подавлено: многие из наших товарищей бежали в леса, по селениям и аулам были разосланы казачьи отряды, которые долго еще после этого содержались на счет жителей. Началась расправа, в результате которой несколько десятков человек пошло в ссылку.

А наглые князья, кулачество и дворянство начали делить добычу. Разделили между собой участки по 1, 2 и 3 тысячи десятин, не имея в то же время ни одной головы скота, и сейчас же снова принялись сдавать захваченное обратно крестьянам в аренду по тогдашним ценам 25–30 р. за десятину. Через два года разорившиеся были уздени разбогатели, приобрели скот, имущество и прочно засели на спине кабардинского землероба, одновременно усиливая к нему репрессии.

События 12 г. – начало революционной истории Кабарды. После 1912 г., между трудящимися с одной стороны и кулачеством, дворянством и княжеством—с другой, образовалась широкая пропасть, которая с этого момента начала углубляться, углубляться, углубляться. В это время уже наметились пути к революционной организации и появились первые руководители трудящихся в революционной борьбе» [Калмыков 1921: 5–6].

В исходной версии мемуаров Б. Калмыкова зафиксирована ошибочная датировка восстания 1912 годом, численность восставших преувеличено оценена в 10–12 тыс. человек, а значение события определено как начало революционной истории Кабарды, с которого начинается деятельность не названной подпольной организации.

В областной газете «Красная Кабарда» в 1923 г. был опубликован материал «Страничка революционной борьбы», в котором мемориальный нарратив Б. Калмыкова дополнен существенными деталями об организационном обеспечении протестных выступлений:

«Подходит весна 1912 г. Я как сейчас переживаю эти дни.

Наше крестьянство, вековечно привыкшее гонять по скотопрогону на Золку и нагорные пастбища для летнего выпаса свой скот, в эту весну делало то же самое. Однако на границе у Золки удивленные пастухи встретили отряд стражников, задерживающих крестьянский скот. Пропускался только скот княжеский, дворянский и тех зажиточных крестьян, которые сумели угодить власти.

Между этими лицами вся Золка и нагорные пастбища накануне этой весной были распределены под хуторные участки, и они здесь же радовались этому событию на степном балу. Задержанные со скотом на прогоне пастухи здесь же наблюдали эти торжественные кутежи и попойки на степных балах.

По одну сторону границы устраивались степные балы, а по другую, на узком скотопрогоне шириной в 100 сажень, скопилось за несколько дней сотни тысяч скота баранты. Молодняк падал с голоду. Скот истощался; а пастухи, видя,

что их пастбища захвачены и уже захватчики блаженствуют, немедленно дали знать всем селам о случившемся.

Через несколько дней сюда собралось 10–12 тысяч крестьян со всех аулов. Толпа была возбуждена. Здесь было первое боевое крещение организации «Карахалк», которая пыталась управлять стихийной массой. «Карахалку» подробности захвата Золки были хорошо известны и благодаря этому собравшаяся на Золку масса тоже узнала, отчего скот не пропускается на пастбища.

В конце апреля возмущенная толпа двинулась. Обезоружили весь отряд стражников, арестовали пристава, разогнали с Золки всю администрацию.

Власти немедленно дали знать о случившемся. Войска, прибывшие для «кусмирения», рассеяли толпу. В Кабарде было введено военное положение. По селениям и аулам были снова расставлены казаки, а по всей Кабарде и Балкарии пошли аресты, ссылка, тюрьмы.

Тут снова получился раскол среди крестьянских представителей, часть которых под влиянием неудачи восстания и репрессий совершенно изменила свои взгляды.

Масса, несмотря на то, что зольские события ее придавили совершенно, тем не менее после этих событий определилась окончательно, затаив в душе ненависть отчаяния к поработителям – князьям и их прихвостням. А подпольная организация «Карахалк» разъясняла везде и всюду смысл событий и разоблачала тонкую политику князей» [Калмыков 1923, Воспоминания... 1981: 27–28].

Важно отметить, что в издании 1983 г. в текст этого источника были внесены правки, в том числе датировка восстания заменена на 1913 г. [Калмыков 1983: 97–98].

Воспоминания, опубликованные в 1923 г. содержали более подробное описание предпосылок и хода волнений на Зольских пастбищах и утверждали, что подпольная революционная организация «Карахалк» сложилась еще до Зольских событий, а восстание стало ее «боевым крещением».

Новые детали Зольских событий были заявлены в выступлении на втором пленуме ЦИК КБАО в марте 1925 г., где Б.Э. Калмыков уверял аудиторию:

«Есть очевидцы, которые были свидетелями событий, имевших место в Пятигорске, когда «мне пришлось сорвать погоны с полковника Турчиева, с войскового старшины Михайлова, когда с пристава мне пришлось сорвать погоны и разбить морду князю Абукову, Атажукину, и когда меня арестовали и я был перед полевым судом. В каком году это было? Это было не в 1913, не в 1917, это было в 1912 году. За что? Если угодно посмотреть архив кабардинского и балкарского народов, это было за Зольские и Нагорные пастбища. Там стоит мое имя и имя Гемуева – он был с нами, он работал с нами. Идите во Владикавказ, в Тифлис, смотрите архивы. Там записано, кто работал, и кто имеет отношение к революции» [Улигов, Шабаетов 1987: 188].

В архивных документах данных о подобных инцидентах не обнаружено. Напротив, старший помощник начальника Терской области генерал Степанов, прибывший в сопровождении казачьей сотни из ст. Екатериноградской, о переговорах с представителями протестующих 3 июня в сел. Абуково сообщал в своей телеграмме иные впечатления: «Был встречен сбором более двух тысяч поместившихся [на] коннозаводском участке вместе [со] скотом. Держались в высшей степени почтительно, говорило шесть выборных, заявивших неудовольствие правилами. Приказал уходить со скотом, разъяснив преступность действий. Полагаю требование исполнят, подожду утра» [Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 27].

Среди воспоминаний участников революции и Гражданской войны, записанных в 1928 г., встречаются записи о Зольском восстании в близком соответствии воспоминаниям Б. Калмыкова, включая ошибку в датировке 1912 годом [УЦДНИ. Ф. 25. Оп.1. Д. 88. Л. 6]. В дневниковых записях М. Пришвина за 1936 г. о пребывании писателя в Кабардино-Балкарии в заметках из бесед с Б. Калмыковым дважды упоминается «бунт 1912 г. на Зольских пастбищах» [Пришвин 2010: 126, 169].

Неоднократная повторяемость Б. Калмыковым этой ошибки памяти о событиях 10–15-летней давности является одним из очевидных аргументов для обоснованных сомнений в достоверности его свидетельств о Зольских событиях.

В том же 1936 г. воспоминания Б. Калмыкова записал советский писатель Н. Тихонов. Однако, если у М. Пришвина лишь упоминались Зольские события, то нарратив, зафиксированный Н. Тихоновым содержал их самое подробное описание. Обращает внимание акцент на явно гиперболизированное взаимное насилие сторон противостояния, а также существенная сюжетная новация. В качестве персонажа Зольских событий Б. Калмыковым вводится прибывший «под видом одного из курортников в Кабарду» С.М. Киров и в этой интерпретации с датировкой 1912 г. данные факты попадают в первую посмертную биографическую работу о Кирове [Разгон 1938: 29]. 1 декабря 1934 г. С. Киров погиб в Ленинграде и никак не мог удостовериться подлинность или опровергнуть сведения Б. Калмыкова. Одна из версий этого источника была опубликована в газете «Северо-Кавказский большевик», издававшейся до марта 1937 г., а ее фрагмент воспроизвел в работе о С. Кирове Г. Долунц, не сопроводив полным библиографическим описанием. К сожалению, полный текст данного источника в настоящее время не доступен:

«Еще не успели умолкнуть залпы, которыми царская власть расстреляла крестьянское восстание на Зольских пастбищах в 1913 году, к нам приехал С.М. Киров. Он был нашим учителем, когда мы громили помещиков, отнимали их земли» [Цит. по: Долунц 1973: 65].

В 1957 г. Зольский нарратив Б. Калмыкова обретает новую, каноническую форму. В первом посмертном переиздании «Очерков...» недопустимым нарушением аутентичности содержания источника была откорректирована его фактологическая неточность: датировка восстания исправлена на 1913 г. [Калмыков 1957: 10–11]. В первом издании воспоминаний участников Октябрьской революции и Гражданской войны в Кабардино-Балкарии мемуары Б. Калмыкова о Зольских событиях были представлены со ссылкой на записи Н. Тихонова 1936 г., без приведения выходных данных публикации:

«...Горцы не верили, что земли у них будут отобраны. Каждую весну они выгоняли свой скот на предгорные пастбища. И вот 20 дней движется скот. У границ пастбищ стража. «Не пропускать».

Скот остановить нельзя: на протяжении 100 километров скопилось до 600 тысяч голов скота и некуда двинуться. Стада давят барашков, осаждают волки, стража избивает пастухов, те посылают гонцов за помощью. Идет лава помощи отовсюду. Верхом, пешком поднялась вся Кабарда. Многие из нас предчувствовали катастрофу и вели работу в массах. Вначале мы не звали на восстание, а хотели ограничиться известным протестом. Но желания наши раздаивались. В бумажки не верили, а население не вооружено. Никакой партийной организации не было, но народ подняли.

Всех всколыхнул клич: кто может подняться, бросайте посева, вперед на Золку! Вперед! Вперед!

Мы вывели за Золку 13000 крестьян, в полчаса расколотили стражу. Пропустили скот, и каждый прошел на свое прошлогоднее место. Войска выходили в лагеря в районы Пятигорска, Моздока, Прохладный. На нас двинулись конные отряды. Поставили орудия, дуют прямо из орудий. У нас из 13 тысяч вооружены только 2 тысячи охотничьим оружием. Было это на рассвете. Пошла перестрелка. Мы решили не давать боя основным частям. Что делать? 300 человек решили уйти в горы по направлению Эльбруса; значительную часть спустить в леса.

Но драка все же завязалась. У нас переколотили 60 человек и их потрели порядочно... В каждом селении поселили по 300 казаков в качестве карателей. Они простояли около трех месяцев за счет сел, в которых стояли. Насилия над женщинами, над стариками, изымательства! Три месяца террора и пикнуть

никто не может. Бежали в горы все, кто способен. Там отряд и там отряд. Ущелье за ущельем восстают. И эта карательная экспедиция невероятно сплотила широкую массу в ненависти к своим феодалам.

В это время под видом одного из курортников в Кабарду прибыл Киров. Он из Нальчика попал через Баксан на Малку. Шел один с проводником. Проводник рассказывает: «Вот здесь пастбища, вот здесь князья, а там люди прячутся».

Шел Киров 7 дней, ночевал у пастухов, видит, как ночью собирают чуреки, отливают еду, несут в лоцину. Проводник ему говорит, что это для тех, кто прячется. А Киров все видит, все глядит»...

Далее передает диалог С. Кирова с Б. Калмыковым:

Вы же пастухи

– Пастухи, да не пастухи.

– Как так?

– А через Кабарду ехал?

– Ехал.

– Войска видел?

– Видел.

– Восстала Кабарда.

– Зачем?

– Видишь, говорю, сколько орлов летает?

– Вижу.

– Это орлы над падалью летают, гибнет скот и гибнут люди. – Рассказали мы ему все. – Вот, говорим, скрываемся и здесь, и там.

Стал Киров жить с нами. Живет сутки, другие. За водой вниз ходит, за дровами. Живет как ни в чем не бывало. Огонь с нами делает. И потихоньку начал спрашивать нас поподробнее. Все я ему рассказывал, всеми опасениями за людей делился.

– Люблю, – говорит он, – горцев. Пастухи как мои родные братья, орлы мне родные ваши.

– И голос у него какой! Один говорит: «Пойдем с ним, нельзя его дальше одного пустить». Пошли мы с ним, дошли до горячего источника, там больные какие-то лечатся, мы их обошли и поднялись выше Верхнего водопада. Прожили там два дня.

– Слушай, – говорит он, – слушай ты, молодой, пойдем со мной дальше.

– Пойдем, говорю.

И вот мы лазили, лазили, бились, бились. Ветер и дождь, ветер и дождь. Четыре дня кружились и за четыре дня подружились мы страшно крепко. Был я для него, как тесто, все он мог из меня делать и делал, всему учил. А за эти четыре дня все Киров разузнал от меня. Так на гору мы не поднялись, но дружба – на всю жизнь.

Простились мы и условились, что в конце лета еще раз встретимся.

В конце августа он опять появился, посмотрел на оба берега.

– Я, – говорит, – очень прошу, поедem на Золку, и покажи мне, как все было. Поехали мы, я ему все и показал. Пастбища были усеяны костями погибшего скота. Трава зеленая, кости белые, люди злые, скот худой!» [Воспоминания... 1957: 63–66].

В «Рассказах о Бетале Калмыкове», изданных Н. Тихоновым в том же году в журнале «Новый мир», Зольский сюжет был представлен в более основательной авторской литературной обработке, но с некоторыми фактическими неточностями:

«Я начал свои записи с первой фразы Бетала: «Так вот о Кирове...»

Но прежде чем рассказать о своей первой встрече с Сергеем Мироновичем, он сильно и живописно изобразил нам, что произошло в те годы на так называемых Золкинских пастбищах. Перед нами открылись высокогорные луга, общественные пастбищные земли. Из года в год по весне шли сюда бесчисленные стада селений с далеких берегов нижнего Терека, из степей, после зимнего кочевья.

Полковник Клембиев [Клишбиев – Д.П.], начальник округа, собрал съезд коннозаводчиков и помещиков. Он задумал заговор против прав народа на эти пастбища. На этом съезде было принято решение «от имени кабардинского народа» ходатайствовать о передаче земель коннозаводчикам. Наместник Кавказа Воронцов-Дашков акт утвердил. Петербург утвердил тоже. Земли поделили богачи и поставили заставу, чтобы никого на эти земли не пропускать.

А скот по весне двинулся по знакомым дорогам на старые, привычные пастбища. Ходили темные слухи, что с пастбищами неблагополучно, что земли отобраны. Но никто ничего не знал как следует. Никто не хотел верить такому злему делу.

У границ пастбищных земель застава преградила путь пастухам. Стада, остановленные на узкой дороге, растянулись на протяжении ста километров. Они стояли в ущельях, на мостиках, среди селений, в поле, между садов, на горных тропах. Шестьсот тысяч голов скота не могли сделать ни шагу. Стада давили барашков. Набежавшие волки выхватывали из рядов добычу и уносились в горы. Стада не ели, не пили. Горестное мычание коров и сумасшедшее бляение овец, дикое ржание лошадей разносились далеко вокруг. Начались ссоры и столкновения из-за невольных потрав. Овцы и козы валялись в речки, и жадная горная вода уносил а размолотые о камни тела животных.

Тогда послали гонцов во все стороны. Пешком и верхом спешили к заставе кабардинцы. Те, что добрались до стражников, вступили с ними сначала в жаркий спор, потом раздался клич: «Вперед!»

Тринадцать тысяч горцев, полных отчаяния, смели стражников и прорвались на пастбища. Скот хлынул живым потоком на благословенные дуга. Но горцы торжествовали свою победу недолго.

Появились войска, и начались бои. Загремели орудия, горцы имели только охотничьи ружья. Борьба была неравной. Но горцы сражались с мужеством людей, положение которых безвыходно.

Их оттеснили с пастбищ. Телами погибших животных были усеяны горные склоны. В селения поставили большую охрану, которую жители должны были содержать на свой счет.

Самые упрямые и храбрые ушли в горы, под Эльбрус. Среди них был и молодой Бетал.

Он рассказывал нам, как в один вечер, когда они спустились к пастушьему кошу, они увидели, что рядом с пастухом сидит русский человек. Проводник, который был с ним, начал плакать и рассказывать о той беде, которую переживает народ. Кабардинец посылал проклятия по адресу начальников, феодалов, мулл. И в самом деле, страдания народа были жестокие. Русский сидел у огня и сушил портянки. Он не обращал никакого внимания на пришедших.

Он ничего у них не спросил, и они у него ничего не спросили, но проводник его сказал, что он ходит как турист. Уже семнадцатый день идет. Хочет на Эльбрус взойти.

«Он удивительный человек, – говорил кабардинец, – нашу пищу ест, как горец, ничего не боится, детей очень любит».

В один из дней пошел дождь. Кабардинцы-партизаны скрывались в пещере. Вдруг вместе с пастухом в пещеру вошел Киров. С этого мгновения, с первых его слов, обращенных к горцам, они поняли, что это не простой человек. Он звал их идти с ним на Эльбрус. Они сидели и долго говорили о жизни и о том гнете, который владеет кабардинским народом.

Потом Бетал сидел с Кировым на скале под деревьями и показывал ему, сколько орлов летает над падалью, над погибшим скотом.

Бетал говорил Кирову обо всем, что случилось на Золге [Золке – Д.П.], обо всем, что переполняло его сердце. И Киров поселился с горцами. Он ходил за водой, за дровами, как равный. Разжигал костры, помогал готовить пищу и говорил

такие слова, от которых кровь бросалась горцам в голову, его зажигательные речи они запомнили на всю жизнь» [Тихонов 1957: 35–36].

Зольский нарратив Б. Калмыкова породил целый жанр воспоминаний, дополняющих его версию восстания, подтверждающих его участие и функции тех, о ком вспоминал. Если он говорил о сопровождении С. Кирова, то другие начинали выяснять вдохновляющую, а то и лидерскую роль С. Кирова. В дальнейшем появлялись воспоминания, в которых родственники Т. Кашежева вспоминали обстоятельства Зольского восстания, «дополнявшие» мемориальные сюжеты Б. Калмыкова рассказами о неоднократных встречах с Кировым в доме Талиба Кашежева в дни Зольского восстания [Туганов 1981: 50–51; Кучмезова 1984: 165]. Причем причастность Т. Кашежева к подпольной борьбе после событий на р. Золке утверждалась Б. Калмыковым [Калмыков 1921: 6], но не подтверждается архивными документами.

Б. Темукуев скрупулезно опубликовал объемное дело 1913–1916 гг., где Бетал (Бейтал) Калмыков, приказчик помещика Ржевского, фигурировал в качестве свидетеля дачи взятки в материалах расследования о злоупотреблениях в администрации Нальчикского округа [Темукуев 2015: 42–45, 71, 82–83]. На несовпадения с версией Б. Калмыкова о его революционной деятельности с 1913 г. указывают источники, изданные В. и М. Котляровыми (Котляровы 2013: 484).

Но, главное, Б. Калмыков никак не фигурирует в подробнейшем расследовании Зольских событий 1913 г., проведенном административно-полициейскими органами Нальчикского округа и Терской области [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 1005а]. В архиве ИГИ КБНЦ РАН имеется полная машинописная копия этого дела [Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3].

Таким образом, картина событий Зольского восстания в воспоминаниях Калмыкова эволюционировала на протяжении 1921–1936 г. в его интерпретации, а затем в переизданиях его мемориальных нарративов. Недостоверность воспоминаний, как одного из главных для советской историографии источников изучения Зольского восстания, определяет актуальность продолжения исследования причин, хода и последствий восстания, выявления его фактических, неформальных и воображаемых лидеров.

Сопоставление воспоминаний Б. Калмыкова с архивными материалами дает основания исключить их из корпуса репрезентативных источников о волнениях на Зольских пастбищах 1913 г. При этом актуализируется использование мемуаров как источника по исторической политике, в осуществлении которой Б. Калмыков принимал личное участие. Интерпретируя историю Зольских протестов, Б. Калмыков конструировал закономерность своего лидерства в революционном движении в Кабарде [Прасолов 2020: 12–15]. Изменчивость и мифологизация в его мемуарной трактовке Зольского восстания отражали особенности формирования и монополизации «полезного прошлого» в советской Кабардино-Балкарии. Региональное руководство осваивало механизмы исторической политики сталинского СССР, в которой «в условиях отсутствия альтернативных источников информации ... знание о прошлом превратилось в культурную технологию управления» [Тихонов 2024: 7–8]. Инструментализация мемуаров Б. Калмыкова о Зольском восстании в этой политико-культурной практике заслуживает специального исследования.

Список источников и литературы

Архив КБИГИ – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского Центра Российской академии наук.

Воспоминания... 1957 – Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны в Кабардино-Балкарии / Редкол.: Р.Х. Гугов и др. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1957. 272 с.

- Воспоминания... 1981 – Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны в Кабардино-Балкарии / Редкол.: Р.Х. Гугов и др. Нальчик, 1981. 316 с.
- Долунц 1973 – *Долунц Г.К.* Киров на Северном Кавказе. М.: Политиздат, 1973. 192 с.
- Калмыков 1921 – *Калмыков Б.* Очерки революционного движения в Кабарде. Нальчик: Государственное издательство. Кабардинск. отделение, 1921. 48 с
- Калмыков 1923 – *Калмыков Б.Э.* Страничка революционной борьбы // Красная Кабарда. 1923. № 226.
- Калмыков 1957 – *Калмыков Б.Э.* Революционное движение в Кабарде: Очерки / Предисл. Х. Бербекова. 2-е изд. Нальчик: [Кабард.-Балкар. кн. изд-во], 1957. 55 с.
- Калмыков 1983 – *Калмыков Б.Э.* Статьи и речи. 2-е изд., доп. Нальчик: Эльбрус, 1983. 239 с.
- Котляровы 2013 – *Котляровы М. и В.* Неизвестная Кабардино-Балкария... Нальчик: Издательство М. и В.Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2013. 552 с.
- Кучмезова 1984 – *Кучмезова М.Ч.* К 70-летию Зольского и Черекского восстаний (Славные страницы истории)//Вопросы культурного строительства в советской Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. С. 162–167.
- Прасолов 2024 – *Прасолов Д.Н.* Волнения на Зольских пастбищах в Нальчикском округе в 1913 г.: проблемы историографии вопроса//Научная мысль Кавказа. 2024. № 4. С. 97–105.
- Прасолов 2020 – *Прасолов Д.Н.* Зольское восстание 1913 г. в версиях революционного прошлого: архивные документы vs. мемуарный нарратив // Новое прошлое. The New Past. 2020. № 1. С. 8–26.
- Пришвин 2010 – *Пришвин М.М.* Дневники. 1936–1937 / Подгот. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой. СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2010. 992 с.
- Разгон 1938 – *Разгон И.* Сергей Миронович Киров. Краткий биографический очерк. М.: Молодая гвардия, 1938. 122 с.
- Темукуев 2015 – *Темукуев Б.Б.* Под сенью гор: взлеты и падения: Кн. 1. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2015. 508 с.
- Тихонов 2024 – *Тихонов В.* Полезное прошлое: История в сталинском СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 368 с.
- Тихонов 1957 – *Тихонов Н.* Рассказы о Бетале Калмыкове // Новый мир. 1957. № 7. С. 31–55.
- Улигов, Шабаев 1987 – *Улигов У.А., Шабаев Д.В.* За власть Советов: биографические очерки. Нальчик, 1987. 192 с.
- ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.
- Цораев 1963 – *Цораев М.М.* Восстания кабардинских и балкарских крестьян в 1913 году. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1963. 60 с.

References

- Arkhib Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo Tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Archive of the Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkarian Center of the Russian Academy of Sciences]. (In Russian)
- Vospominaniya uchastnikov Oktyabr'skoi revolyutsii i grazhdanskoi voyny v Kabardino-Balkarii* [Memories of participants of the October Revolution and Civil War in Kabardino-Balkaria] / Ed. by R.Kh. Gugov etc. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. 272 p. (In Russian)
- Vospominaniya uchastnikov Oktyabr'skoi revolyutsii i grazhdanskoi voyny v Kabardino-Balkarii* [Memories of participants of the October Revolution and Civil War in Kabardino-Balkaria] /Ed. by R.Kh. Gugov etc. Nal'chik, 1981. 316 p.
- DOLUNTS G.K. *Kirov na Severnom Kavkaze* [Kirov in the North Caucasus]. М.: Politizdat, 1973. 192 p. (In Russian)
- KALMYKOV B. *Oчерki revolyutsionnogo dvizheniya v Kabarde* [Sketches of the revolutionary movement in Kabarda]. Nal'chik: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. Kabardinsk. otdelenie, 1921. 48 p. (In Russian)
- KALMYKOV B.E. *Stranichka revolyutsionnoi bor'by* [A page from the revolutionary struggle] IN: Krasnaya Kabarda. 1923. No 226. (In Russian)
- KALMYKOV B.E. *Revolutsionnoe dvizhenie v Kabarde: Oчерki* [Revolutionary Movement in Kabarda: Essays] Predisl. Kh. Berbekova. 2-е изд. Nal'chik: [Kabard.-Balkar. kn. izd-vo], 1957. 55 p. (In Russian)

KALMYKOV B.E. *Stat'i i rechi* [Articles and speeches]. 2-e izd., dop. Nal'chik: El'brus, 1983. 239 p. (In Russian)

KOTLYAROVY M. i V. *Neizvestnaya Kabardino-Balkariya...* [Unknown Kabardino-Balkaria]/ Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V.Kotlyarovykh (OOO «Poligrafservis i T»), 2013. 552 p. (In Russian)

KUCHMEZOVA M.Ch. *K 70-letiyu Zol'skogo i Cherekskogo vosstaniy (Slavnye stranitsy istorii)* [On the 70th Anniversary of the Zolsk and Cherek Uprisings (Glorious Pages of History)]. IN: *Voprosy kul'turnogo stroitel'stva v sovetskoj Kabardino-Balkarii*. Nal'chik, 1984. P. 162–167. (In Russian)

PRASOLOV D.N. *Volneniya na Zol'skikh pastbishchakh v Nal'chikskom okruge v 1913 g.: problemy istoriografii voprosa* [Unrest on Zolsky pastures in Nalchik district in 1913: problems of historiography of the issue] IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2024. No 4. P. 97–105. (In Russian)

PRASOLOV D.N. *Zol'skoe vosstanie 1913 g. v versiyakh revolyutsionnogo proshlogo: arkhivnye dokumenty vs. memuarnyi narrativ* [The Zolka Uprising of 1913 in versions of the revolutionary past: archival documents vs. memoir narrative] IN: *Novoe proshloe. The New Past*. 2020. No 1. P. 8–26. (In Russian)

PRISHVIN M.M. *Dnevniki. 1936–1937* [Diaries]. Podgot. teksta Ya. 3. Grishinoi, A.V. Kiselevoi. SPb.: OOO «Izd-vo “Rostok”», 2010. 992 p. (In Russian)

RAZGON I. *Sergei Mironovich Kirov. Kratkii biograficheskii ocherk* [Sergey Mironovich Kirov. Brief biographical sketch]. M.: Molodaya gvardiya, 1938. 122 p.

TEMUKUEV B.B. *Pod sen'yu gor: vzlety i padeniya*: [Under the shadow of the mountains: ups and downs] Kn. 1. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh (OOO «Poligrafservis i T»), 2015. 508 p. (In Russian)

TIKHONOV V. *Poleznoe proshloe: Istoriya v stalinskom USSR* [Usable Past: History in the Stalinist USSR]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. 368 p.

TIKHONOV N. *Rasskazy o Betale Kalmykove* [Stories about Betal Kalmykov] IN: *Novyi mir*. 1957. No 7. P. 31–55. (In Russian)

ULIGOV U.A., SHABAIEV D.V. *Za vlast' Sovetov: biograficheskie ocherki* [For the Power of the Soviets: biographical sketches]. Nal'chik, 1987. 192 p.

Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russian)

TSORAEV M.M. *Vosstaniya kabardinskikh i balkarskikh krest'yan v 1913 godu* [Uprisings of Kabardian and Balkar peasants in 1913]. Nal'chik: Kabard.-Balkar. kn. izd-vo, 1963. 60 p. (In Russian)

Информация об авторе

Д.Н. Прасолов – кандидат исторических наук, зав. сектором этнологии и этнографии.

Information about the authors

D.N. Prasolov – Candidate of Science (History), Head of the Department of Ethnology and Ethnography.

Статья поступила в редакцию 12.11.2024; одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 12.11.2024; approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи на русском, кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на ее размещение в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Затем статья направляется на рассмотрение одному-двум членам редакционной коллегии. При необходимости к рецензированию привлекаются приглашенные эксперты. Имена рецензентов не сообщаются авторам. Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации. При положительном заключении рецензентов о качестве статьи она формируется в очередной выпуск.

Статьи не публикуются в авторской редакции. В случае необходимости внесения правки, ответственный секретарь журнала оповещает автора статьи о необходимости ее доработки. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами (12–25 с.);
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- тип статьи (научная статья, обзорная статьи, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, рецензия на книгу, и т.п.) в верхнем левом углу;
- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- DOI статьи в верхнем левом углу;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя, отчество и фамилия автора(ов);
- контактная информация об авторе(ах): место работы, электронный адрес, ORCID каждого автора(ов);
- аннотация (резюме) статьи на русском языке (100–250 слов);
- ключевые слова (5–7 слов на русском языке);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя и фамилия автора(ов) (английская транскрипция);
- abstract (резюме) на английском языке (100–250 слов);
- keywords (5–7 слов на английском языке);
- контактная информация об авторе(ах) на английском языке: место работы, электронные адреса, ORCID каждого автора(ов);
- основной текст статьи;

- список источников;
- список источников на латинице (References);
- дополнительные сведения об авторе(ах) (ученая степень, ученое звание, должность);
- сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов

1.3. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

1.3.1. Заглавная часть

1.3.1.1. **ТИП СТАТЬИ** (научная статья, обзорная статьи, рецензия на книгу и т.п.) в верхнем левом углу, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.2. **ИНДЕКС УДК** (универсальная десятичная классификация) слева, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.3. **ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ** на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт., размещение по центру.

1.3.1.4. **ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ(АХ)** располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине без абзацного отступа. Основные сведения об авторе содержат:

- имя, отчество, фамилию автора (полностью);
- наименование организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБНУ, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т.п.);
- адрес организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (город и страна);
- электронный адрес автора (e-mail) приводится без слова “e-mail”, после электронного адреса точка не ставится;
- открытый идентификатор учёного (Open Researcher and Contributor ID – ORCID); ORCID указывается в форме электронного адреса в сети «Интернет», в конце ORCID точка не ставится.

Наименование организации, её адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учебы), указывают после имени автора на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений:

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов^{1,2}

¹**Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>**

²**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия**

Если статья написана в соавторстве, то имена авторов приводят в принятой ими последовательности; сведения о месте работы (учебы), электронные адреса, ORCID авторов указывают после имен авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений. При этом один из соавторов, ответственный за переписку, и его электронный адрес обозначаются условным изображением конверта .

ПРИМЕР:

Иванович Иванов^{1}, Петр Петрович Петров²

¹**Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru^{}, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>**

²**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>**

Если у авторов одно и то же место работы, учебы, то эти сведения приводят один раз:

Иван Иванович Иванов¹✉, Петр Петрович Петров²

^{1, 2}Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

¹ivanov@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

²petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>

Если авторов более 4, допускается приводить имена, отчества в форме инициалов и фамилии авторов. В полной форме эти данные, а также электронные адреса, ORCID помещают в этом случае в конце статьи вместе с дополнительными сведениями об авторах.

В случае написания статьи в соавторстве одного из авторов обозначают ответственным за переписку:

И.И. Иванов¹, П.П. Петров², В.В. Васильева³, Ф.Ф. Федоров⁴

^{1, 2}Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

^{3, 4}Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

Автор, ответственный за переписку: Иван Иванович Иванов, ivanov@mail.ru

1.3.1.5. *АННОТАЦИЯ* статьи на русском языке (не менее 150 слов, но не более 250 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, предваряется словом «Аннотация.» (Abstract.).

1.3.1.6. *КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА* (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) предваряются словами «Ключевые слова:» (“Keywords:”) и отделяются друг от друга запятыми; после ключевых слов точка не ставится – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см.

1.3.1.7. *ДАННЫЕ О СТАТЬЕ И ОБ АВТОРЕ(-АХ) НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ* (оформление такое же, как и в русском варианте).

Если статья написана на одном из национальных языков, то вышеперечисленные элементы издательского оформления сначала указываются на языке статьи, затем – на английском, потом – на русском языке.

1.3.2. Основной текст статьи.

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине.

1.3.3. Ссылки, список источников и литературы

В список источников и литературы включаются записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Ссылки на источники (литературу) в тексте статьи даются в квадратных скобках (указывается фамилия автора или начало заглавия работы, указывается год публикации работы, страницы приводятся через двоеточие): [Бархударов 1975: 31–33], [Актуальные вопросы... 2007: 140]; при ссылке на несколько источников позиции отделяются точкой с запятой [Бархударов 1975; Новиков 2012: 35]. Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБККЕА [АБККЕА 1974: 200]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Караулов, Чулкина, 2008: 141]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого

автора и писать «и др.» [Караулов и др. 1999]. При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя латинские буквы a, b, c к году издания [Новиков 2012a], [Новиков 2012b]. Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15].

Список источников и литературы приводится в алфавитном порядке после основного текста с заголовком по центру; один источник может упоминаться только один раз, набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы и интернет-источников) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка; ссылка на периодическое издание дается следующим образом: Ф.И.О. автора. Название статьи // Название журнала. Год. Том (Vol.). №. Интервал страниц статьи.

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: Тимижев Х.Т. О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // Кавказология. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

ПРИМЕР:

Список источников и литературы

Адыгэ псалъальэ 1990 – *Адыгэ псалъальэ* (Словарь кабардино-черкесского языка). Москва: Дигора, 1999. 860 с.

АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.

Бархударов 1975 – *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Дзамихов, Кажаров 2019 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: история становления и конституирования (начало 1920-х гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42). С. 39–58.

Добричев 2013а – *Добричев С.А.* К вопросу о природе конверсных отношений в английском языке // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 1. С. 19–22.

Добричев 2013б – *Добричев С.А.* О прагматических аспектах в семантико-синтаксической категории конверсности // Филология и человек. 2013. № 4. С. 156–165.

Кыщокъуэ 2005 – *Кыщокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман. Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.).

Караулов, Чулкина 2008 – *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения: 25.08.2015).

Къарачай-малкъар фольклор... 1996 – *Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б.* (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

Конституция... 1918 – *Конституция* (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) [Электронный ресурс] // Электронный музей конституционной истории России: сайт. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (дата обращения: 18.08.2021).

Новиков 2012 – *Новиков В. И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения: 12.12.2015).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

ТСРЯ 2007 – *Толковый словарь русского языка* с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

Bassnett 2000 – *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.4. Список источников на латинице (References)

Набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине. Порядок должен сохраняться как в русском варианте.

В References вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации (**согласно стандарту BSI**). Транслитерацию можно осуществить на сайте <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке с вариантами выбираем **систему кодировки BSI**).

Фамилии авторов на русском языке (в том числе и для источников на национальных языках) печатаются прописными буквами. Транслитерированные названия работ выделяются курсивом (в случае, если источник на национальном языке, транслитерируется оригинальное название), далее в квадратных скобках следует их перевод (для источников на национальных языках переводу подлежит их русскоязычное название). Если работа снабжена также англоязычным названием, в данном случае следует использовать его.

Перед заглавием сборника, многотомного или продолжающегося издания, периодического издания, в состав которого входит описываемая работа, знак «//» следует заменить на «IN:». Все источники на русском или национальных языках приводятся с соответствующей пометкой (In Russian / In Kabardino-Circassian / In Karachay-Balkarian).

Названия журналов приводятся в транслитерации, если нет официального названия на английском языке.

Названия сборников, коллективных трудов и т.п., на статью из которых дается ссылка, приводятся сперва в транслитерации (курсив), затем в квадратных скобках следует перевод на английский язык. Все дополнительные сведения (составитель, ответственный редактор и т.п.) приводятся в переводе. Место издания должно быть указано полностью. Город, название издательства, указания на том, выпуск, коллекцию и страницы также указываются на английском языке. Источники на латинице транслитерации и переводу не подлежат.

ПРИМЕР:

References

Adyge psal'al'e [Dictionary of kabardino-chircassian language]. Moscow: Digora, 1999. 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

Arhiv Instituta gumanitarnyh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra [Archive of the Institute for the Humanities Research of Kabardian-Balkarian Scientific Center]. Folder 1. Passport 1. (In Russian)

BARHUDAROV L.S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of general and private theory of translation)]. Moscow: International relations, 1975. 240 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F., KAZHAROV A.G. *O natsional'noi gosudarstvennosti narodov KBR: istoriya stanovleniya i konstituirovaniya (nachalo 1920-kh gg.)* [On the national statehood of the peoples of the KBR: the history of formation and constitution (early 1920s)]. IN: *KBIHR Bulletin*. 2019. No. 3(42). P. 39–58. (In Russian)

DOBRICHEV S.A. *K voprosu o prirode konversnykh otnoshenij v angliiskom yazyke* [On the question of the nature of conversion relations in English]. IN: *Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie*. 2013. № 1. P. 19–22. (In Russian)

DOBRICHEV S.A. *O pragmaticheskikh aspektakh v semantiko-sintaksicheskoi kategorii konversnosti* [On pragmatic aspects in the semantic-syntactic category of conversion]. IN: *Filologiya i chelovek*. 2013. № 4. P. 156–165. (In Russian)

KESHOKOV A. *H'uepseg'ue nur* [Wonderful moment]: novel. Nalchik: Elbrus, 2005. Vol. 1. 600 p. (In Kabardino-Circassian)

KARAULOV YU.N., CHULKINA N.L. *Russkaya yazykovaya lichnost'. Integrativnyj aspekt v usloviyah mezhhkul'turnyh kommunikacij* [Russian language personality. An integrative aspect in the context of intercultural communication]: textbook. Moscow, 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (date of access: 25.08.2015). (In Russian)

K'arachaj-malk'ar fol'klor: hrestomatiya [Karachay-Balkarian folklore]: reader / compiled by T.M. Hadzhieva]. Nalchik: El-Fa, 1996. 592 p.). (In Karachay-Balkarian)

Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoi Respubliki (prinyata V Vserossiiskim S'ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.)

[Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets at a meeting on July 10, 1918)]. IN: Electronic Museum of the Constitutional History of Russia: website. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (access data: 18.08.2021). (In Russian)

NOVIKOV V.I. *Esse kak zhanrovaya dominanta novoj literaturnoj zhurnalistiki* [Essays as a genre dominant of new literary journalism]. IN: *Mediascope*. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (date of treatment: 12.12.2015). (In Russian)

Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts]. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archives]. (In Russian)

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov [Explanatory dictionary of russian language with inclusion of information about origin of words] / edited by N.Yu. Shvedova. Moscow: Publishing center «Azbukovnik», 2007. 1175 p. (In Russian)

BASSNETT S. *Translation Studies*. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.5. Дополнительные сведения об авторе (авторах) указываются в конце статьи (после «Списка источников» и «References») под заголовком «Информация об авторе (авторах)», дублируются на английском языке («Information about the author (authors)») и могут содержать информацию об ученой степени, ученом звании, должности.

ПРИМЕР:

Информация об авторах

И.И. Иванов – доктор филологических наук, профессор;

В.И. Чупров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

I.I. Ivanov – Doctor of Science (Philology), Professor;

V.I. Chuprov – Candidate of Science (History), Professor.

1.3.6. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводятся в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «Вклад авторов:» (“Contribution of the authors:”). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т.д.).

ПРИМЕР:

Вклад авторов:

И.И. Иванов – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

П.П. Петров – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

I.I. Ivanov – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

P.P. Petrov – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

The authors declare no conflicts of interests.

Или:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Усл. печ. л.
12,16

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 301

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*